

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Преосвященнаго Амвросія . . .	267—279
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надхера	280—336
Современное состояніе вопроса о соединеніи греческой Церкви съ римскою съ точки зрѣнія римско-католическаго журнала „L'Univers“. II.	337—346

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Безсмертіе души. Профессора Московской духовной академіи В. Кудрявцева	211—229
Сущность и происхожденіе философіи Іоанна Снота Эригены. Доцента Московской академіи І. Татарскаго	230—252
Письма философа Сенени (продолженіе). * * *	253—258

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Циркулярное отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о доставленіи свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ, принадлежащихъ церквамъ и учрежденіямъ духовнаго вѣдомства.—Списки лицъ, удостоенныхъ наградъ за заслуги по духовному вѣдомству.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, разъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ себѣго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редаціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Вирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Сентября 15 дня 1885 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

С Л О В О

Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго
въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

*Сотворилъ же есть отъ единыя крове
весь языкъ челоустъ, жити по всему лицу
земному, уставивъ предущиенныя времена
и предѣлы селенія ихъ взискати Господа,
да по не осяжутъ Его и обрящутъ яко
недалече отъ единого коегождо насъ суца:
о Немъ бо живемъ и движемся и есмы.
(Дѣян. 17, 26—28).*

Въ наше время занимають весь просвѣщенный христіанскій міръ вопросы о судьбахъ народовъ. Вездѣ говорятъ и пишутъ о происхожденіи народовъ, о правахъ ихъ на земли занимаемыя или утраченныя ими,— о характерѣ, отличительныхъ свойствахъ, развитіи, просвѣщеніи, призваніи, епособахъ усовершенствованія ихъ и пр. Мы встрѣчаемъ обо всемъ этомъ самыя разнообразныя и даже противорѣчивыя сужденія, не взирая на то, что они произносятся,—за немногими исключеніями,—христіанами, и повидимому должны-бы основываться на началахъ христіанскихъ. и судя по ихъ важности представлять образцы единомыслія и соглашенія въ воззрѣніяхъ мыслителей. Къ сожалѣнію мы этого не

видимъ. Только въ Библии находимъ мы цѣльность, единство, ясность и благотворность въ примѣненіи къ жизни этихъ воззрѣній.

Святой Апостоль Павелъ въ Аѳинахъ, средоточіи древняго просвѣщенія, еще и нынѣ пользующагося уваженіемъ, — при томъ въ ареопагѣ предъ философами не усумнился сказать, что родъ человѣческій произведенъ Богомъ отъ единой крови, расселенъ въ видѣ разныхъ народовъ по всему лицу земли такъ, что каждый народъ на опредѣленное время получаетъ извѣстные участки земли и въ извѣстныхъ границахъ, и все вмѣстѣ всеми условіями своихъ странъ и своего быта направляются къ одной общей цѣли—Богопознанію: „не ощущаютъ-ли Его и не найдутъ-ли, говоритъ Апостоль, хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ“.

Философы, слушавшіе рѣчь Апостола, противъ этихъ мыслей о судьбахъ народа не возражали: видно, они были убѣждены, что народы на указанныхъ имъ путяхъ дѣйствительно *находятъ Бога*. Тѣмъ удивительнѣе, что нынѣ просвѣщенные народы, владѣя всеми способами Богопознанія, — естественными и богооткровенными, — *теряютъ* убѣжденіе въ божественномъ міроправленіи и распоряженіи судьбами народовъ.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ современныхъ вопросовъ о судьбахъ народовъ мы остановимся на одномъ, имѣющемъ для насъ въ настоящее время величайшую важность, именно: *возможно-ли усовершенствованіе и преуспѣяніе народовъ безъ вѣры въ Бога или безъ религіи?* Что это вопросъ не праздный, а имѣетъ близкое отношеніе къ нашей жизни; въ этомъ убѣждаютъ насъ событія. Вы знаете, что въ одной просвѣщенной христіанской странѣ не только досужими мыслителями, но и правительствомъ—религія признается помѣхою въ раз-

витіи и преуспѣяніи народа, что тамъ уже (и не въ первый разъ) издаются законы объ уничтоженіи религіозныхъ учрежденій, объ устраненіи при общественныхъ торжествахъ церковныхъ обрядовъ, объ изыятіи изъ школьныхъ учебниковъ христіанскаго нравоученія и замѣнѣ его *гражданскою мораллю*, объ изгнаніи изъ учебныхъ заведеній священныхъ изображеній и проч. У насъ, благодареніе Господу, подъ державою Благочестивѣйшаго Государя нашего, не грозятъ подобныя опасности для нашей святой вѣры и нашихъ христіанскихъ обычаевъ; но и у насъ нынѣ, подъ вліяніемъ разныхъ силъ и причинъ, образовался особенный міръ, куда не проникаетъ государственная власть, но откуда исходятъ въ дѣйствительную жизнь разрушительныя вліянія всѣмъ намъ извѣстныя; это міръ такъ называемыхъ научныхъ воззрѣній, убѣжденій, гдѣ начинаетъ властвовать неограниченная свобода, къ несчастію не сдерживаемая ни силою строгаго мышленія, ни глубокими познаніями христіанской вѣры. Прислушайтесь къ сужденіямъ извѣстнаго направленія ученыхъ людей, и вамъ не замедлятъ преподать цѣлое ученіе о томъ, что народы, какъ и весь міръ, произошли сами собою, — сами собою живутъ, управляютъ, развиваются и сами же себѣ находятъ пути и средства къ преуспѣянію въ смыслѣ развитія своихъ силъ и устроенія своего благосостоянія, такъ что вѣра въ помощь высшую и въ божественное міроуправленіе является совершенно излишнею. Очевидно, мы не можемъ для подобныхъ воззрѣній жертвовать своими христіанскими убѣжденіями и допустить усиленіе ихъ вліянія на нашу жизнь. Что-же намъ остается дѣлать? Защищаться отъ нихъ тѣмъ-же оружіемъ, съ которымъ они на насъ нападаютъ, — силою мысли, науки, исторіи, законовъ жизни, освѣщаемыхъ божественнымъ свѣтомъ христіанства.

Возьмемъ главныя, безспорныя основы и силы, на которыхъ утверждается и которыми создается величіе и благосостояніе народовъ и посмотримъ, въ какой мѣрѣ эти основы и силы надежны безъ религіи.

Во-первыхъ, чтобы идти безостановочно къ преуспѣянію и совершенству, каждый народъ долженъ имѣть ясныя и единообразныя, всѣми его членами сознаваемые представленія объ искомомъ имъ совершенствѣ, такъ называемые *идеалы*. А такъ какъ понятіе о совершенствѣ въ сознаніи людей неотдѣлимо отъ понятія о благополучіи, то искомое совершенство должно рисоваться въ воображеніи народовъ ясными и увлекательными чертами: обѣтованная земля будущаго всѣмъ народамъ, какъ древнимъ израильтянамъ, должна быть изображена *текущею медомъ и млекоу*; иначе ни что не подниметъ ихъ силъ и энергіи, ни что не заставитъ выносить труды и лишенія, съ которыми соединенъ всякій подвигъ самоусовершенствованія. Кто въ силахъ дать эти идеалы цѣлымъ народамъ, пріобрѣсть имъ народную вѣру, обобщить ихъ, ввести въ сознаніе и въ сердца милліоновъ людей такъ, чтобы они были яркими путеводными звѣздами на все время и во всѣхъ движеніяхъ народной жизни? Кто-же? Ужь, конечно, не это тупое ученіе о бессознательномъ прогрессѣ, которое людямъ, не забитымъ учеными предубѣжденіями, людямъ простаго здраваго смысла, каковы всѣ народныя массы, не можетъ представиться ни чѣмъ инымъ, какъ тьмою, пустотою, ничтожествомъ. И вѣтъ на землѣ силъ, которыя могли-бы подвинуть народы стремиться въ эту тьму безбрежнаго моря будущаго, подобно кораблямъ, пущеннымъ по волѣ вѣтра на произволь судьбы. Указанные нами мыслители въ этомъ отношеніи возлагаютъ всѣ надежды на просвѣщеніе; но, во-первыхъ, просвѣщеніе безъ ясно сознаваемого содержанія

и качества предлагаемыхъ имъ познаній, безъ убѣжденія въ его достоинствѣ и благотворности для народныхъ массъ—есть пустое имя, если оно, какъ у насъ, не обращено въ средство для добыванія насущнаго хлѣба и удовлетворенія обыденныхъ житейскихъ потребностей. Какъ объяснить народамъ его благотворность, его значеніе для будущаго? Тѣмъ-же путемъ, какимъ сами ученые убѣждаются въ этомъ, т. е. путемъ научныхъ соображеній? Но для этого всѣмъ милліонамъ народныхъ массъ нужно дать высшее образованіе, чтобы они ученыхъ людей поняли, но это невысказано; а на слово они имъ не повѣрятъ, зная, что всѣ люди способны ошибаться, склонны къ переменамъ своихъ собственныхъ взглядовъ и убѣжденій. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, намъ стоитъ оглянуться вокругъ себя и посмотрѣть, какъ наши громкія рѣчи о современномъ просвѣщеніи, неподдержанныя и не оправданныя добрыми и полезными дѣянiями людей просвѣщенныхъ, подорвали вѣру въ достоинство научнаго образованія нашего простаго народа. И такъ народы вѣрятъ въ непогрѣшимость, премудрость, предвѣдѣніе, любовь и попеченіе—одного Бога, въ Котораго, каждый по своему, вѣрують, и тотъ изъ людей пріобрѣтаетъ ихъ довѣріе, кто говоритъ имъ отъ имени Божія. А въ этомъ и состоитъ сущность религіи, въ какомъ-бы видѣ она ни представлялась. Посмотрите въ исторію, и вы увидите, что чѣмъ религія народа духовнѣе, чище, возвышеннѣе, тѣмъ его идеалы свѣтлѣе, жизнь полнѣе, тѣмъ онъ могущественнѣе и долговѣчнѣе. И напрасно ученые люди ломаютъ головы надъ неразрѣшимыми для человѣческаго ума вопросами объ особенномъ призваніи каждаго народа и предназначенной ему извѣстной доли участія въ дѣятельности всего человѣчества; они не нарисуютъ ни одному народу ясна-

го будущаго. Лучше было-бы, если-бы ученые христіане утверждали въ массахъ христіанскихъ народовъ божественное ученіе нашей вѣры, очищали ихъ религіозныя понятія, уничтожали въ нихъ предрасудки, учили оправдывать святыя вѣрованія доброю жизнію, давали опытно понять счастье добродѣтели, правоты совѣсти и внутренняго довольства, и затѣмъ — учили пользоваться плодами наукъ и чистыми наслажденіями, какія даютъ природа и благородныя искусства, — тогда народы нравственно крѣпкіе, дѣятельные, честные, мужественные, безкорыстные, воздержные, здоровые, смотрящіе неуклонно въ обѣтованную землю блаженной вѣчности, исполнили-бы на землѣ всякое призваніе, какое укажетъ имъ исторія, или лучше сказать — божественное Провидѣніе. Нынѣ все будущее народовъ рисуется въ яркихъ краскахъ внѣшнихъ земныхъ удобствъ и усовершенствованій, въ нарядности, сообщаемой такъ называемою цивилизаціей и въ умноженіи удобствъ жизни и удовольствій, а о развитіи нравственныхъ народныхъ силъ заботы мало; оттого и просвѣщенные современные народы представляютъ намъ печальную картину красиваго и изящно одѣтаго человѣка съ печатью внутренней разрушающей болѣзни на лицѣ.

Второю основою народнаго усовершенствованія, на которую особенно нынѣ разсчитываютъ, признаются законы государственные и формы правленія. Не трудно понять, что эти формы и законы обнимаютъ только внѣшнюю жизнь народовъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что всѣ наши внѣшнія дѣйствія опредѣляются внутренними побужденіями, помыслами и желаніями, — по слову Спасителя: „добрый человѣкъ изъ добраго сокровища своего сердца выноситъ доброе, а злой человѣкъ изъ злаго сокровища выноситъ злое“ (Мѡ. 12, 35). Поэтому очевидно, что всѣ законы государственные толь-

ко могутъ облегчать и содѣйствовать проявленіямъ во внѣшней жизни зачинаемаго въ душахъ человѣческихъ добра и ограничивать проявленія зла. Кто же наполнить добромъ сокровищницы сердець человѣческихъ и кто заградить источникъ текущаго изъ нихъ зла? Кто прояснить въ сознаніи милліоновъ людей законы нравственные, служащіе основаніемъ законовъ государственныхъ, и внушить повиновеніе сначала первымъ, а затѣмъ и послѣднимъ? — Опять скажутъ: наука, опять — просвѣщеніе... Нѣтъ; того и другаго для этого мало. Кромѣ того, что милліоннымъ массамъ, какъ мы сказали, науки недоступны, недоступны еще ни для человѣческаго глаза, ни для человѣческой власти глубины сердець человѣческихъ. Только Богъ можетъ войти въ наши души, все въ нихъ упорядочить, оживотворить, только Онъ можетъ покорить Себѣ и Своимъ законамъ умы и сердца людей. Это несокрушимое убѣжденіе всего человѣчества; его-то и выражаетъ Библия простымъ словомъ *страха Божія*, — словомъ понятнымъ для всѣхъ народовъ на всѣхъ степеняхъ ихъ умственного и нравственного развитія. Присоедините къ этому главному нравственному содержанію всевозможныхъ религій божественное ученіе христіанства о возрожденіи человѣчества Христомъ Спасителемъ и Юго благодатію, объ освобожденіи людей отъ власти грѣха, о воспитательномъ значеніи Церкви, о семейныхъ добродѣтеляхъ, — и вы получите истинныя основы для всѣхъ видовъ общественнаго благоустройства и всѣхъ родовъ народнаго преуспѣянія. Только при этихъ основахъ плодотворны науки и просвѣщеніе. Здѣсь — объясненіе и тому печальному явленію нашего времени, — замѣченному и въ исторіи древнихъ народовъ, — что рядомъ съ усиленіемъ научнаго образованія усиливается развращеніе нравовъ, рядомъ съ благотворными государственными законами растутъ и множатся преступ-

ленія, рядомъ съ развитіемъ умовъ развивается и искусство обходить законы и скрывать преступленія. Отсюда само собою выходитъ заключеніе. что если за успѣхами научнаго образованія пойдетъ слѣдомъ упадокъ въ народахъ вѣры и доброй нравственности, то не нужно будетъ долго ждать и разслабленія и паденія даже великихъ христіанскихъ народовъ, не взирая на внѣшній блескъ ихъ цивилизаціи.

Третьею основою благосостоянія и преуспѣянія народовъ надобно по справедливости признать *власть*. Она защищаетъ народы отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, ограждаетъ законы, преслѣдуетъ преступленія. Всемирная исторія не представляетъ примѣровъ такихъ сумасбродныхъ воззрѣній на значеніе власти, какія встрѣчаемъ мы нынѣ у многихъ людей ученыхъ, — именно, что при распространеніи просвѣщенія власть становится лишнею и подлежащею уничтоженію, что каждый народъ самъ составляетъ верховную власть и долженъ управляться самъ собою. Борьба за власть, которая такъ манитъ людей честолюбивыхъ и своекорыстныхъ, внутреннія смуты и насилія людей порочныхъ, которыхъ не можетъ уничтожить никакое образованіе, — потребность въ дружномъ направленіи народныхъ силъ противъ враговъ внѣшнихъ, — все это во всѣ вѣка убѣждало народы желать власти твердой, свободной въ своихъ дѣйствіяхъ и сосредоточенной. И какая власть наиболѣе оказывалась крѣпкою и благотворною? Та, на которой во мнѣніи народовъ являлась печать божественнаго избранія, — или въ особыхъ знаменіяхъ религіознаго характера, или въ силѣ дарованій особо выдающихся предводителей и благодѣтелей народовъ, которые по самымъ великимъ дѣламъ своимъ были признаваемы особыми избранниками, или наконецъ въ силѣ преданія и наслѣдственности родовъ властителей.

лей, что почиталось печатію Божія благоволенія къ родамъ царствующимъ и волею Промысла, сохраняющаго власть вѣками утвержденную. И только при этихъ условіяхъ народы повинуются власти не по принужденію, и не „по страху только, какъ говоритъ Апостоль, но и по совѣсти“ (Рим. 13, 5), т. е. по признанію въ ея лицѣ Божіей власти, Божіей правды и Божія попеченія о народахъ; только тогда ея повелѣнія признаются безспорными, ея права непокосновенными, облакаемые ею лица—священными. Таковою при религіозномъ взглядѣ на власть представляется она народамъ, такою она признаетъ и сама себя, т. е. Богомъ поставленною, исполняющею волю Божію и предъ Богомъ отвѣтственною. Тогда ни въ народѣ не можетъ быть возмущеній противъ власти, ни со стороны власти—своекорыстія, насилія и грубаго произвола. Намъ скажутъ, что такое представленіе отношеній между властями и народами слишкомъ идеально, на дѣлѣ во всей полнотѣ неосуществимо; но таковы по существу своему всѣ идеалы: къ нимъ жизнь можетъ только приближаться, и чѣмъ болѣе приближается, тѣмъ становится правильнѣе и благоустроеннѣе. Таково и есть предлагаемое намъ Словомъ Божіимъ ученіе о власти и отношеніяхъ къ ней народовъ, и не найдете вы народа, которому бы оно показалось неестественнымъ и необѣщающимъ благотворнаго вліянія на жизнь народную. Только ученые послѣднихъ крайнихъ убѣжденій съ утратою вѣры возненавидѣли это ученіе; но посмотрите, чѣмъ обнаруживается на опытѣ отреченіе христіанскихъ народовъ отъ христіанскихъ началъ общественной жизни. Многіе-ли между людьми подобныхъ воззрѣній чувствуютъ благоговѣйный страхъ къ обязанностямъ, возлагаемымъ на человека властію?—Всѣ порываются къ ней и рвутъ ее на части. Многіе-ли со смиреніемъ и созна-

ніемъ своего недостойнства принимаютъ народное призваніе къ кормилу правленія, какъ званіе Божіе, не употребляя усилій къ достиженію власти съ своей стороны? — Мы слышимъ этотъ шумъ при выборахъ, рассказы объ этихъ проискахъ и интригахъ со стороны людей ищущихъ власти, и объ ошибкахъ не приготовленныхъ къ дѣлу властителей, объ ихъ своекорыстныхъ дѣйствіяхъ и о претерпѣваемомъ ими позорѣ и частыхъ паденіяхъ. Сличите идеалы христіанской власти, возвышающіеся до богоправленія, съ идеалами поборниковъ народоправленія, --- и вы согласитесь, что только христіанское ученіе о власти можетъ оградить народъ отъ этихъ смуть, волненій, уличныхъ сходовъ, забастовокъ и побоищъ, которыя составляютъ такую темную сторону жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ. Трудно приближаться къ идеалу власти христіанской, за то каждый шагъ въ этомъ восхожденіи обѣщаетъ увеличеніе народнаго спокойствія и благосостоянія; легко увлекаться современными идеалами самоуправленія и соціализма, за то каждый шагъ въ этомъ направленіи приближаетъ народы къ безначалію, разложенію и гибели.

Только при помощи религіи получаютъ настоящее свое значеніе и развитіе и главнѣйшія народныя силы: народное самосознаніе, патріотизмъ и воинская доблесть.

Народное самосознаніе есть великая сила. Народъ, не сознающій себя и своего положенія среди другихъ народовъ, живетъ инстинктивно, идетъ впередъ оцупью и равнодушенъ къ своей судьбѣ. На самосознаніи утверждаются понятія и о народной чести. Когда-же самосознаніе народа получаетъ свое истинное значеніе? Когда народъ въ чувствѣ благодарности къ Богу утѣшается, какъ Божіимъ даромъ, своею страпою, своею силою, дарами природы, которыми надѣлено его отечество,

своими успѣхами въ устроеніи своей жизни и благодѣяніями Божіими, о которыхъ хранитъ память его исторія; но съ другой стороны—принимаетъ съ чувствомъ смиренія и покорности волю Божіей утраты, бѣдствія, пораженія и даже уничтоженіе, — какъ *Божіи посыланія* по нашему народному выраженію, или дѣйствія Божіей правды, оскорбленной грѣхами народа. Такое самосознаніе плодотворно, потому что при благополучіи составляетъ народную обязанность и честь быть достойнымъ милости Божіей и хравитъ дары Божіи и завѣты предковъ, а при несчастіи побуждаетъ исправляться и обращаться къ Божіей помощи и милосердію. Напротивъ, безъ этихъ внушеній вѣры народное самосознаніе обращается въ грубую гордость, недостойную народа разумнаго и тѣмъ болѣе христіанскаго, и въ вызывающую дерзость и тщеславіе, которыя оскорбляютъ другія націи и часто накликаютъ на народы великія бѣдствія. Еще ощутительнѣе въ народной жизни отсутствіе смиреннаго сознанія зависимости отъ воли и милости Божіей, когда народы, утратившіе по своей винѣ свою силу и самостоятельность, носятся съ своими историческими воспоминаніями, съ поблекшею своею славою и своими великими *національными идеями* на посмѣшище другимъ народамъ, сильнымъ и цвѣтущимъ.

Патріотизмъ есть чувство еще болѣе воодушевляющее народы, такъ какъ оно глубже проникаетъ и больше наполняетъ сердца милліоновъ людей, привязанныхъ къ своей родинѣ, гдѣ каждая отдѣльная личность имѣетъ свои сокровища. Но патріотизмъ становится узкимъ и блѣднымъ, когда относится только къ внѣшнимъ предметамъ, къ вещамъ и даже къ людямъ, наполняющимъ нашу страну, или соотечественникамъ. Держась на этихъ сравнительно слабыхъ основахъ, патріотизмъ легко переходитъ въ космополитизмъ, когда лучшая природа

и лучшіе люди чужихъ странъ выманиваютъ насъ изъ отечества и заставляютъ не только небрежно, но и презрительно относиться къ своей родинѣ, что составляетъ постыдный недугъ многихъ изъ нашихъ образованныхъ людей. Отчего происходитъ это странное и печальное явленіе? Отъ того, что для этихъ людей отечество было только родиною и мѣстомъ воспитанія ихъ плоти, а не духа; отъ того, что ихъ духъ отъ юности питался впечатлѣніями и понятіями чужихъ странъ и народовъ. Иныя ощущенія и стремленія наполняютъ сердца гражданъ, для которыхъ отечество есть и *родина духа*, гдѣ они получили первыя впечатлѣнія своей религіи, гдѣ они развились нравственно подъ ея руководствомъ, гдѣ полюбили храмы Божіи, богослуженіе, молитвы, священные обряды и обычаи, гдѣ *ощутили Бога* и познали счастье духовнаго союза съ Нимъ въ таинствахъ своей вѣры. Получившіе такое воспитаніе русскіе люди и за границей вспоминаютъ свои родныя религіозныя торжества, и входя въ храмъ православный, обрѣтаемый въ чужихъ странахъ, чувствуютъ себя какъ-бы на родинѣ. И вотъ что удивительно, язычники понимали, что народная религія есть глубочайшее основаніе патріотизма. Такъ древніе римляне щадили религіозные памятники покоряемыхъ ими народовъ и собирали ихъ боговъ въ свою столицу, чтобы облегчить для нихъ утрату самостоятельности и расположить ихъ къ себѣ, а нынѣ ученые христіане думаютъ быть истинными патріотами только во имя своихъ научныхъ познаній и гуманныхъ идей.

Почитаемъ излишнимъ говорить о значеніи религіи въ дѣлѣ защиты отечества и *воинской доблести*. Русскимъ людямъ это извѣстно по своему опыту и военной славѣ своего отечества. Не за женъ только своихъ и дѣтей, не за свои только города, села, дома и родныя поля съ несокрушимымъ мужествомъ подвизаются въ

борьбѣ съ врагами русскіе воины, но наиболѣе за свою православную вѣру, за храмы Божіи, за отечественныя святыни и могилы доблестныхъ, благочестивыхъ предковъ. И что воодушевляетъ въ пылу сраженій несравненнаго русскаго воина? Вѣра въ вѣчное воздаяніе отъ Бога за мученическую кончину при защитѣ родины и упованіе на молитвы соотечественниковъ. Не знаемъ, сохранится-ли эта чудная доблесть въ русскихъ войнахъ, если, отучивши ихъ отъ Церкви, заставятъ умирать только за великолѣпные города, художественныя произведенія, заводы, театры, бібліотеки, музеи и другіе народныя памятники цивилизаціи...

Осмотримся и съ сердечною заботою подумаемъ о судьбѣ нашего любезнаго отечества. Твердо поставлено оно Промысломъ Божіимъ на истинныхъ основахъ народной жизни. Много милостей оно видѣло отъ Господа въ прошедшемъ, и въ настоящемъ оно велико и славно; но много мы, русскіе люди послѣдняго времени, надѣлали ему зла своими заблужденіями и ошибками. Раскаемся и исправимся. Принесемъ горячую молитву за Благочестивѣйшаго Государя нашего, да умудритъ Его Господь, и да поможетъ Ему доброе въ насъ сохранить, потерянное возвратить, поврежденное исправить и державною рукою неуклонно направлять наше отечество къ истинному и всестороннему преуспѣянію. Аминь.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

идея священнаго союза.

(Продолженіе *)

„Какое прекрасное и великое дѣло быть истинно религіознымъ человѣкомъ, а не казаться только имъ, и какъ рѣдко встрѣтишь такого человѣка!“ говорилъ императоръ Александръ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ потрясающихъ событій отечественной войны, одному изъ лучшихъ представителей христіанства на западѣ **). „Всякій человѣкъ, безъ исключенія, есть первоначально эгоистъ; онъ ищетъ лишь самого себя, онъ преслѣдуетъ лишь свои сокрытыя цѣли до тѣхъ поръ, пока не пересоздастъ, не возродитъ его христіанство. Хуже-же всего то, что онъ старается скрыть это отъ другихъ и отъ самого себя, что онъ старается убѣдить самого себя, что онъ служитъ общему благу; тогда какъ дѣйствительными двигателями его

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 11.

***) Это было 20 сентября 1818 года. За день передъ тѣмъ императоръ Александръ присутствовалъ на освященіи національнаго памятника (въ память событій 1813, 14 и 15 гг.) на Темповской горѣ близъ Берлина. Епископъ Эйлертъ произнесъ рѣчь, произведшую очень сильное впечатлѣніе на императора. Государь пожелалъ имѣть рѣчь для перевода ея на русскій языкъ и раздалъ солдатамъ, и выразилъ желаніе, чтобы епископъ лично принесть ему ея списокъ. Эйлертъ спѣшилъ исполнить желаніе русскаго императора. Александръ принялъ его лично и долго разговаривалъ съ нимъ. Само собою понятно, что весь разговоръ носилъ на себѣ религіозный характеръ. Мы будемъ впоследствии имѣть случай возвратиться къ этой чрезвычайно важной для нашего вопроса бесѣдѣ. См. Fyler, Characterzüge aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III. T. II, стр. 272—282.

дѣйствій являются или тщеславіе, или честолюбіе, или жадность, или инья, глубоко сокрытыя въ сердцѣ, побужденія. Никакая человѣческая мудрость не въ состояніи искоренить этого эгоизма. Напротивъ, она усиливаетъ его еще болѣе, дѣлая человѣка гордымъ и оставляя сердце въ той-же степени пустымъ и неисправимымъ, въ какой обогащаетъ она его разумъ знаніями и ошибочными заключеніями. Человѣкъ обманываетъ себя и другихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не подвергнетъ себя тяжелой операціи внутренняго очищенія. Только въ самомъ себѣ можно узвать навѣрное другихъ. „Лишь съ того времени, какъ христіанство сдѣлалось для меня выше всего и вѣра въ Спасителя обнаружилась во мнѣ во всей своей силѣ,—лишь съ того времени, о какъ благодаренъ я Богу, душа моя обрѣла миръ“. Императоръ, говоритъ нашъ свидѣтель, произнесъ эти слова, положи свою руку на сердце, съ глубокимъ и теплымъ чувствомъ. Я видѣлъ и слышалъ, что въ государѣ говорило истинное и глубокое чувство вѣры.—Богъ высоко поставилъ, сказалъ я, Ваше Императорское Величество, но эта исповѣдь Вашихъ устъ, это убѣжденіе Вашей души, дарованная Вамъ свыше, выше всякаго земнаго могущества, величія и славы. Ваше земное величіе покоится на основаніи небесномъ“. Императоръ молчалъ и опустилъ глаза; затѣмъ онъ взглянулъ на меня серьезно, но кротко, положилъ руку на мое плечо и, глубоко вздохнувъ, продолжалъ: „о, и я не сразу достигъ до великой цѣли! Мой путь къ возрожденію, вѣрте мнѣ, шелъ черезъ многія сомнѣнія и тяжелую борьбу. Императрица Екатерина была умная, великая женщина; ея память будетъ жить въ русской исторіи; но дѣло религіознаго воспитанія поставлено было при Петербургскомъ дворѣ также плохо, какъ и вездѣ: много словъ, но мало духа, много внѣшнихъ формъ, но святая сущность христіанства оставалась для насъ сокрытою. Я чувствовалъ пустоту души, и какое-то неопредѣленное предчувствіе носилось предо мною. Я жилъ и развлекался“. „Но, продолжалъ императоръ возвышеннымъ голосомъ и съ истинно восточнымъ одушевленіемъ *), пожаръ

*) Aber, sprach er mit wahrhaft orientalischen Begeisterung und mit erhobener Stimme etc. Eylert. T. II, стр. 278.

Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ Господень на ледяныхъ поляхъ исполнилъ мое сердце теплою, невѣданною до сихъ поръ вѣрою. Я позналъ тогда Бога, открытаго намъ въ священномъ писаніи, я сталъ понимать Его волю и Его законъ. Во мнѣ родилось твердое и сознательное рѣшеніе посвятить самого себя и свое правленіе прославленію Его имени. Съ той поры я сдѣлался инымъ человѣкомъ. Спасеніе Европы отъ гибели было вмѣстѣ съ тѣмъ и моимъ спасеніемъ, и моимъ освобожденіемъ“ *).

Въ этихъ словахъ императора Александра заключается указаніе на два основные момента его религіозно-нравственнаго возрожденія. Александръ былъ во всю первую половину правленія, по его собственнымъ словамъ, такой-же эгоистъ, какъ и большинство его высокообразованныхъ современниковъ. Честолюбіе и славолюбіе были главнѣйшими пружинами его дѣйствій; стремясь къ осуществленію несбыточныхъ идеаловъ современныхъ философовъ, онъ гонялся прежде всего за славою, заботился болѣе всего объ увѣковѣченіи своего имени. Пожаръ Москвы впервые показалъ ему тщету всѣхъ человѣческихъ стремленій и силъ. Онъ не могъ найти опоры и утѣшенія въ своихъ убѣжденіяхъ, и свѣтъ божественнаго откровенія впервые освѣтилъ его душу. Но возрожденіе его подъ впечатленіемъ такого потрясающаго событія, какимъ былъ пожаръ Москвы, не было еще полное. Испытанія подготовили только почву для принятія истины; у Александра были пока однѣ надежды и упованія. Онъ пересталъ ждать помощи человѣческой и ждалъ помощи свыше. И вотъ наступилъ второй великій моментъ. Богъ силъ явился передъ нимъ въ своемъ страшномъ величіи. Онъ произнесъ свой судъ надъ непобѣдимымъ завоевателемъ и его несмѣтными полчищами. Онъ дунулъ и они

*) Въ этой-же бесѣдѣ Александръ такъ выразился о событіяхъ войны за свободу Европы: „Все это совершилъ Богъ! Но таковы уже люди! они начинаютъ уже забывать это, начинаютъ спорить, какая армія сдѣлала болѣе другихъ. Все это дѣло злаго эгоизма, забывающаго, что всѣмъ добрымъ мы обязаны одному Богу. При всякомъ случаѣ, въ частной бесѣдѣ и публично я громко заявляю, что все это великое міровое событіе есть дѣло милосердія и помощи Божіей. Это-же убѣжденіе, говоря вообще, присуще и всему моему народу“. См. Eylert, Charakterzüge. Т. II, стр. 276.

исчезли съ лица земли. Небывалая, страшная катастрофа была въ полномъ смыслѣ слова дѣломъ Божиимъ, а не дѣломъ рукъ человѣческихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, чтобы понять, почему гибель великой арміи представилась Александру именно судомъ Божиимъ, необходимо обратиться еще разъ къ военнымъ событіямъ 1812 года. Мы увидимъ, что и въ этихъ событіяхъ, какъ было доселѣ, соображенія и планы человѣческіе имѣли наименьшее, а обстоятельства непредвидѣнныя, возникавшія сами собою, наибольшее значеніе. Послѣднія сомнѣнія должны были исчезнуть съ той минуты, когда невидимый Владыка міра такъ ясно открылся въ событіяхъ предъ потрясенною душою императора и такъ неожиданно и такъ быстро исполнилъ упованія, возложенныя на Него въ минуты великой скорби и несчастія, подавившаго силы слабого смертнаго.

Бываютъ моменты въ жизни человѣка, когда мечты и планы, которыми онъ успокоиваетъ себя въ опасностяхъ, вдругъ исчезаютъ,—когда истина является предъ нимъ внезапно во всей своей наготѣ и когда онъ, волею или неволею, убѣждается въ крайней безвыходности своего положенія. Такая минута наступила впервые и въ жизни великаго завоевателя вечеромъ 6-го октября 1812 года. Въ этотъ день императоръ дѣлалъ по обыкновенію смотръ своей гвардіи въ Кремлѣ *). Уже съ ранняго утра со стороны Калуги слышался гулъ пушечныхъ выстрѣловъ. По городу начали ходить самыя тревожные слухи **). Рассказывали, что Кутузовъ внезапно атаковалъ всѣми своими силами Мюрата, что французы, захва-

*) „Смотръ“, говоритъ очевидецъ, „былъ настолько удаченъ, насколько позволяли обстоятельства. Полковники соперничали въ стремленіи представить каждый свой полкъ въ наилучшемъ видѣ. Смотря на полки, трудно было повѣрить, что солдаты перенесли и переносятъ еще такъ много“. Le duc de Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 271.

***) Сегюръ утверждаетъ, что приближенные долго не рѣшались докладывать Наполеону объ этомъ пропсествіи. Любопытны мотивы, они характерны для тогдашняго настроенія великой арміи: „les uns, par incredulite ou incertitude, et redoutant un premier mouvement d'un patience; quelques autres, par mollesse, pesitant à provoquer un signal terrible, ou par crainte d'etre envoyes pour verifier cette assertion et de s'exposer à une course fatigant“. И такъ духъ работливости и страха господствовалъ въ это время окончательно въ великой арміи. См. Сегюръ, Histoire de Napoleon et de la grand armée. Т. II, стр. 106.

ченныя въ расплохъ, были вытѣсненны изъ своихъ позицій, что они потеряли почти весь свой багажъ и даже часть артиллеріи. Вскорѣ прискакалъ курьеръ отъ Мюрата, и хотя изъ его донесенія оказывалось, что въ концѣ концовъ нападеніе русскихъ было отражено побѣдоносно, но эта новая побѣда французовъ какъ-то странно не гармонировала съ потерей значительнаго количества плѣнныхъ и 38 орудій *).

Тотчасъ же по полученіи роковой вѣсти, императоръ прекратилъ смотръ **) и отдалъ приказъ всей арміи немедленно же выступить изъ Москвы. Тарутинскій бой или, какъ называли его французы, нападеніе при Винковѣ, крайне встревожилъ Наполеона. Подобное происшествіе казалось ему невозможнымъ, немислимымъ до самой послѣдней минуты. Правда, Наполеонъ лучше кого-либо другаго сознавалъ всю опасность своего положенія, но упорная надежда на скорый миръ, надежда, основанная на глубокомъ знаніи характера императора Александра, и неискоренимое убѣжденіе въ неизмѣримомъ превосходствѣ своей арміи надъ непріятельскими войсками ***) , удерживали его въ Москвѣ и заставляли пренебрегать всѣми просьбами и предостереженіями своихъ генераловъ.

Мюратъ уже за нѣсколько дней до Тарутинскаго сраженія предупреждалъ императора объ опасности своего положенія. И въ самомъ дѣлѣ, неаполитанскій король былъ удаленъ на цѣлыхъ три перехода отъ главныхъ французскихъ силъ; онъ занималъ крайне неудобную и подвергавшуюся опасности обхода позицію въ виду сильнаго непріятели, расположеннаго

*) Курьеръ Мюрата доносилъ, впрочемъ, лишь о потерѣ 12 орудій. См. Сегюръ, Т. II, стр. 107.

**) Сегюръ говоритъ, что императоръ измѣнился въ лицѣ, но тотчасъ-же овладѣлъ собою и продолжалъ смотръ; но Шамбре, свидѣтель болѣе правдивый, говоритъ прямо: „въ тотъ-же моментъ смотръ прекратился и императоръ отдалъ приказъ выступить“. См. Шамбре, Expedition de Russie, Т. II, стр. 212.

***) Въ этомъ отношеніи очень важно свидѣтельство Фезензака: „Je suis persuade que la belle tenue de notre armée au milieu des plus grandes miseres a contribue à l'obstination de l'empereur, en lui persuadant qu'avec de pareils hommes rien n'était impossible“. Fezensac, Souvenirs militaire, p. 272. Итакъ, самая выносливость его солдатъ успявала упорство Наполеона, задерживала его въ Москвѣ и тѣмъ самымъ способствовала гибели великой арміи.

въ превосходно укрѣпленной позиціи; во всемъ его отрядѣ насчитывалось не болѣе 20,000 человекъ; его кавалерія потеряла большую часть лошадей и сдѣлалась совершенно негодною даже для фуражировокъ. Какъ же отнесся Наполеонъ къ жалобамъ и представленіямъ своего зятя?

„И такъ, Мюратъ въ самомъ дѣлѣ жалуется?“ спросилъ онъ въ полушутливомъ въ полудосадливомъ тонѣ генерала Розетти, прибывшаго отъ Мюрата съ депешами въ Москву“ *).

„Да, ваше величество, отвѣчалъ Розетти, король находится въ очень критическомъ положеніи“.

„Ба! перебилъ его Наполеонъ, съ легкою кавалеріею можно жить вездѣ; вся страна вокругъ короля не опустошена“.

Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ началъ разсматривать на картѣ позицію, занимаемую Мюратомъ.

„Что за идея“, воскликнулъ онъ вдругъ съ досадою, „прятаться во рву; на Нарѣ, вотъ гдѣ долженъ бы былъ стать Мюратъ“.

„Онъ и хотѣлъ такъ сдѣлать, возразилъ Розетти, но непріятель, численное превосходство котораго извѣстно вашему величеству, помѣшалъ ему въ этомъ“.

Вслѣдъ затѣмъ Розетти началъ подробно описывать императору печальное положеніе войскъ Мюрата. Наполеонъ слушалъ его, повидимому, внимательно, но то и дѣло перебивалъ такими словами: „Ба! Русскіе не атакуютъ васъ, они нуждаются въ покоѣ болѣе васъ; моя армія въ лучшемъ состояніи нежели когда-либо, нѣсколько дней отдыха поправили ее какъ гѣльза лучше“ **).

„Скажите королю“ объявилъ въ заключеніе Наполеонъ, „что завтра я посылаю ему конвой съ припасами; скажите ему, чтобы онъ во чтобы то ни стало удерживалъ свою позицію, что непріятель не атакуетъ его, но что, въ случаѣ нападенія, онъ долженъ укрѣпиться въ дефиляхъ близъ Воропова“.

*) Розетти прибылъ въ Кремль 1 октября въ восемь часовъ утра, а въ 10 ч. былъ введенъ въ кабинетъ императора. Шамбре, Histoire de expedition de Russie. Т. II, стр. 205. Тамъ-же весь разговоръ императора съ Розетти, стр. 205—206.

***) „Bah! ils ne vous attaqueront pas; ils ont plus besoin de repos que vous; mon armée est plus belle que jamais; quelques jours de repos lui ont fait le plu grand bien“. Шамбре, стр. 206.

Прошло шесть дней послѣ этого страннаго разговора, и то, что казалось Наполеону невозможнымъ, случилось въ дѣйствительности. Русскіе атаковали Мюрата. Правда, эта атака далеко не соотвѣтствовала ожиданіямъ. Диспозиція, составленная полковникомъ Толемъ, не была исполнена ни въ одной своей части. Войска выступили съ позицій слишкомъ поздно, и намѣреніе захватить непріятеля въ распахъ рѣшительно не удалось. Беннингсенъ, руководившій сраженіемъ, такъ потерялся въ рѣшительную минуту, что, ожидая воображаемаго наступленія непріятеля, собралъ на совершенно открытой мѣстности около пятидесяти баталіоновъ и удерживалъ ихъ тутъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ противника *). Все наше лѣвое крыло, находившееся подъ начальствомъ самого Кутузова, вовсе не принимало участія въ сраженіи. Только одно нападеніе нашихъ казаковъ подъ начальствомъ Орлова-Денисова на крайнее лѣвое крыло и въ тылъ непріятеля увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Кавалерія генерала Себастьяни, захваченная здѣсь въ распахъ, бѣжала въ страшномъ безпорядкѣ. Громадное количество багажа, 38 орудій и около 1500 плѣнныхъ достались въ руки нашимъ войскамъ. Но этотъ частный успѣхъ далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, онъ даже помѣшалъ успѣху главной атаки. Нападеніе Орлова-Денисова воспослѣдовало слишкомъ рано, въ то время когда остальные наши войска не успѣли еще достигнуть мѣстъ, назначенныхъ имъ по диспозиціи. Непріятель, во-время предувѣдомленный о грозившей ему опасности, успѣлъ собраться съ силами, отбилъ наши безпорядочныя и безсвязныя атаки и отошелъ въ порядкѣ къ позиціи близъ Воронова. Потери французовъ убитыми и ранеными не были велики и во всякомъ случаѣ не превосходили потери русскихъ. Въ числѣ убитыхъ съ нашей стороны былъ генераль Багговуть, одинъ изъ неустрашимѣйшихъ и популярнѣйшихъ вождей нашей арміи **).

Досада и негодованіе кипѣли въ средѣ нашихъ генераловъ

*) См. Беригарди, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 232.

***) См. отзывъ о немъ у Беригарди Toll's Denkwürdigkeiten. T. II: das war ein Mann von seltenem Werth и т. д.

и штабныхъ офицеровъ. Толь, человекъ сдержанный и хладнокровный, горько жаловался на печальные результаты дѣла, задуманнаго столь некусно и начатаго при столь удобныхъ обстоятельствахъ. Пылкій Коновницынъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Онъ называлъ Тарутинское сраженіе настоящимъ позоромъ для русскаго оружія *). „Какъ, говорилъ онъ, мы должны были уничтожить весь корпусъ Мюрата! И что же? Непріятель ускользнулъ отъ насъ съ ничтожными потерями“. Какъ водится въ такихъ случаяхъ, всѣ старались взвалить вину другъ на друга, всѣ ревностно разыскивали виновника неудачи и щедро разбрасывали вокругъ себя обвиненія. Всеобщее негодованіе обратилось на Ермолова. Разказывали, что наканунѣ назначеннаго нападенія онъ отправился на роскошный обѣдъ, устроенный генераломъ Кикинымъ въ какой-то помѣщичьей усадьбѣ, находившейся въ трехъ съ половиною верстахъ отъ крайняго лѣваго фланга нашей арміи. Тщетно разыскивали по всему лагерю адъютанты Коновницына нашего начальника штаба. Только поздно вечеромъ открыто было, наконецъ, мѣсто пребыванія Ермолова и Кикина **). Диспозиція была вручена по принадлежности, но было уже такъ поздно, что она могла быть роздана по войскамъ только на другой день. Обвиненіе противъ Ермолова не лишено было основанія. Самъ Кутузовъ имѣлъ на другой день случай убѣдиться во-очію въ небрежности начальника штаба первой арміи. Вполнѣ увѣренный, что все готово къ началу атаки, престарѣлый главнокомандующій отправился утромъ изъ Меташевки въ лагерь, ожидая застать войска въ полной готовности

*) Konownizyn, auf das äusserste entrüstet, erklärte ganz laut und unverholen, dies Gefecht sei schmachvoll für die russischen Waffen. Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 228.

***) Объ этомъ эпизодѣ свидѣтельствуютъ Бергарди, (т II, стр. 216), Щербининъ въ своихъ запискахъ и кн. А. В. Голлицинъ. Кикинъ былъ elegantный белетристъ и умѣлъ устранивать изысканные обѣды. Голлицинъ утверждаетъ, что Ермоловъ былъ найденъ въ селѣ Снасскомъ у генерала Шенелева. См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“, т. II, стр. 619 Ермоловъ въ своихъ запискахъ совершенно умалчиваетъ объ этомъ обстоятельствѣ, но говоритъ подробно объ интригахъ Коновницына и Толя и утверждаетъ, что они съ намѣреніемъ сѣяли вражду между Бенингсеномъ и Кутузовымъ съ цѣлью пріобрѣсти безграничное вліяніе на этого послѣдняго. См. записки Ермолова, Т. I, стр. 222—225.

и подъ ружьемъ въ заранѣе назначенныхъ пунктахъ. Каково-же было его удивленіе, его негодованіе, когда онъ увидѣлъ, что въ лагерѣ царятъ полнѣйшая тишина и спокойствіе, что ни одна лошадь не осѣдлана, ни одно орудіе не запряжено, что люди заняты обычными лагерными работами, и что нигдѣ не видно ни одного изъ генераловъ, предназначенныхъ вести въ бой войска. Гнѣвъ стараго фельдмаршала обрушился на перваго офицера генеральнаго штаба, попавшагося ему подъ руку, подполковника фонъ-Ейхена *). Хотя фонъ-Ейхенъ былъ рѣшительно неповиненъ въ случившемся, но Кутузовъ, не слушая оправданій растерявшагося офицера, осыпалъ его самыми рѣзкими укоризнами. Во время этой сцены къ фельдмаршалу приблизилась странная фигура: какой-то человекъ, закутанный въ солдатскую шинель, въ солдатской фуражкѣ, верхомъ на толстой маленькой лошаdkѣ. При видѣ этой маскеральной фигуры, фельдмаршалъ вышелъ изъ себя. „Это что за каналья?“ вскрикнулъ онъ съ досадою. „Капитанъ генеральнаго штаба, Брозинъ, оберъ-квартирмейстеръ перваго кавалерійскаго корпуса“, отвѣчала фигура, видимо сконфуженная. Кутузовъ не могъ удержаться отъ смѣха при этомъ неожиданномъ отвѣтѣ. Его гнѣвъ тотчасъ-же уступилъ мѣсто обычному добродушію. Фельдмаршалъ понялъ, что несправедливо сердиться на низшихъ, когда вся вина лежала очевидно выше. Дѣлать было нечего; пришлось отложить атаку до слѣдующаго дня **).

Когда на слѣдующій день нападеніе состоялось и не привело къ ожидаемымъ результатамъ, недовольство фельдмаршала на Ермолова не знало предѣловъ. Онъ приказалъ Коновницыну передать начальнику штаба первой арміи, чтобы онъ немедленно-же удалился изъ арміи. Коновницынъ всячески пытался успокоить и смягчить фельдмаршала. Ему удалось на-

*) Записки Щербинина; Toll's Denkwürdigkeiten, Т. II, стр. 217.

**) Богдановичъ замѣчаетъ на основаніи записокъ А. Б. Голлицина: „начальники войскъ предлагали выступить изъ лагеря нѣсколько позже; но Кутузовъ, не охотно рѣшавшійся на предположенное наступленіе, отложилъ его на цѣлыя сутки“. „Исторія отечественной войны“. Т. II стр. 476.

конецъ уговорить Кутузова не удалять Ермолова изъ арміи, а назначить его начальникомъ артиллеріи *).

Въ то время, когда добродушный фельдмаршалъ давалъ волю своему гнѣву, но не думалъ преслѣдовать никакихъ личныхъ цѣлей, Бенингсенъ дѣятельно подкапывался подъ него, рассчитывая, что настало, наконецъ, время, когда можно будетъ также успѣшно отдѣлаться отъ Кутузова, какъ въ свое время отъ Барклая. Едва только окончилось сраженіе, какъ между главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба произошло крайне рѣзкое объясненіе. Кутузовъ замѣтилъ, что на правомъ крылѣ слѣдовало-бы сдѣлать гораздо больше; Бенингсенъ возражалъ, что Кутузовъ не только задержалъ въ бездѣйствіи все лѣвое крыло, но и парализовалъ весь корпусъ Остермана. Само собою понятно, что Бенингсенъ не ограничился одними личными объясненіями съ фельдмаршаломъ. Дѣятельно распространялъ онъ свои обвиненія между офицерами арміи, и нашлись весьма многіе и многіе люди **), которые не задумывались повторять вслѣдъ за Бенингсеномъ, что Кутузовъ съ намѣреніемъ задержалъ войска лѣваго фланга, чтобы лишить Бенингсена вполнѣ заслуженной имъ славы.

Старый интриганъ не удовольствовался, однакоже, сплетнями въ арміи. Онъ обратился съ подробнымъ письмомъ къ императору Александру. Онъ обвинялъ Кутузова не только въ намѣренно дурномъ образѣ дѣйствій при Тарутицѣ, но и въ систематическомъ стараніи удерживать армію въ бездѣйствіи. По словамъ Бенингсена, Кутузовъ бездѣйствовалъ лишь для того, чтобы предаваться свободно своей изнѣженной и развратной жизни. Вся армія, утверждалъ онъ съ наглостью, хорошо это знаетъ; всѣмъ извѣстно, что Кутузовъ держитъ при себѣ молодую дѣвушку, переодѣтую казкомъ. Толь утверждаетъ, что въ письмѣ Бенингсена заключались и другія пикантныя подробности на счетъ частной жизни стараго фельдмаршала ***). Бенингсенъ не брезгалъ, какъ видно, никакими средствами, чтобы только свергнуть ненавистнаго ему Куту-

*) См. записки Щербинина, Toll's Denkwürdigkeiten, Т. II, стр. 218.

**) Въ числѣ ихъ былъ и Ермоловъ, см. его записки, т. I стр. 227.

***) Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 230.

зова, но на этотъ разъ онъ плохо рассчиталъ свои шансы на успѣхъ. Положеніе стараго фельдмаршала было далеко не такое, какъ въ свое время положеніе Барклая! Довѣріе, которымъ пользовался онъ въ глазахъ всей Россіи, ни сколько не уменьшилось, а скорѣе возрасло вслѣдствіе послѣднихъ событій. Самъ императоръ Александръ, не смотря на свое недавнее недовольство дѣйствіями Кутузова, менѣе нежели когда либо расположенъ былъ слушать внушенія и навѣты Бенningсена. Онъ не удостоилъ даже отвѣтомъ доносчика, и препроводилъ его письмо въ подлинникъ фельдмаршалу. Кутузовъ, давно уже искавшій случай отдѣлаться отъ Бенningсена, приказалъ ему оставить армию. Бенningсенъ понялъ, что время его еще не настало; немедленно-же уѣхалъ онъ изъ лагеря подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья*.

Такимъ образомъ, Тарутинское сраженіе, столь неудачное въ военномъ отношеніи, имѣло между прочимъ и то хорошее послѣдствіе, что избавило армию отъ присутствія опаснѣйшаго изъ интригановъ и положило ковецъ той двойственности, тѣмъ вѣчнымъ противорѣчіямъ, которыя пронстекали изъ постояннаго разлада между главнокомандующимъ и начальникомъ штаба. Но Тарутинскій бой имѣлъ и другія благодѣтельныя послѣдствія, совершенно опущенныя изъ виду нашими стратегами въ пылу взаимныхъ пререканій и общаго недозольства. Въ этотъ день случилось что-то новое, небывалое до сихъ поръ не только въ эту кампанію, но и во всѣ наши войны съ Наполеономъ. Во всѣхъ прежде бывшихъ столкновеніяхъ съ французами наши войска, не смотря на свою отчаянную храбрость и безпримѣрную стойкость, въ концѣ концовъ всегда принуждены были уступать поле битвы противникамъ. Эти вѣчныя отступленія не могли не отозваться самымъ невыгоднымъ, удру-

*) Бенningсенъ оставилъ армию уже во время бѣгства Наполеона изъ Россіи. Какъ смотрѣлъ на него Кутузовъ видно изъ слѣдующихъ мѣстъ его писемъ къ женѣ: „О Бенningсенѣ говорить не хочется; онъ глухой и злой человѣкъ; увѣрили его такіе-же простаки, которые при немъ, что онъ можетъ испортить меня у государя и будетъ командовать всѣмъ. Онъ, я думаю, скоро побѣдетъ“. Изъ письма отъ 25 октября: „Бенningсена почти къ себѣ не допускаю и скоро отправлю“. Изъ письма отъ 30 октября. См. письма Кутузова въ жемѣ. „Русская Старина“ 1872 г. стр. 651 и 652.

чающимъ образомъ на настроеніи нашихъ солдатъ. Они должны были породить въ нихъ съ одной стороны подавляющее убѣжденіе въ превосходствѣ и непобѣдимости непріятеля, а съ другой поселить въ нихъ недовѣріе къ своимъ вождямъ, столь пагубное для каждой арміи. Теперь, въ достопамятный день Тарутинскаго боя, непріятель впервые принужденъ былъ отступить передъ нашими войсками, бросить всѣ свои позиціи и оставить въ рукахъ нашихъ значительную часть своей артиллеріи и обоза. И весь этотъ результатъ достигнуть былъ лишь небольшою частью нашей арміи *), безъ особаго напряженія силъ, безъ особыхъ потерь съ нашей стороны. Не ясно ли, что все это должно было имѣть громадное вліяніе на поднятіе духа нашихъ солдатъ. ореоль непобѣдимости, окружавшій до сихъ поръ полчища Наполеона, исчезъ безвозвратно въ ихъ глазахъ, довѣріе къ вождямъ возвратилось, надежда на конечное и полное торжество нашего оружія вкоренилась глубоко въ сердцахъ. Провидѣніе вновь обратило ко благу и спасенію Россіи и человѣчества наши ошибки и заблужденія.

Было бы несправедливо утверждать, что вѣсть о Тарутинскомъ сраженіи побудила Наполеона оставить Москву; она лишь ускорила исполненіе того рѣшенія, которое давно уже было принято Наполеономъ. Въ концѣ сентября исчезли уже надежды завоевателя на миръ и уже тогда порѣшенъ былъ имъ окончательно вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія. Мысль о движеніи на Петербургъ была скоро оставлена Наполеономъ, точно также онъ не думалъ серьезно оставаться на зимовку въ Москвѣ, хотя и старался увѣрить всѣхъ въ противномъ. Отступление великой арміи на линію Днѣпра, въ Литву и Бѣлоруссію, оказалось подъ конецъ для него единственно возможнымъ и спасительнымъ маневромъ. Но какимъ путемъ должно было совершиться это отступление? Разумѣется, не по опустошенной Смоленской дорогѣ, гдѣ войскамъ пришлось-бы проходить по совершенной пустынѣ, а по какой-ни-

*) Съ нашей стороны въ дѣлѣ при Тарутинѣ принимали участіе только восемь баталіоновъ пѣхоты, десять казачьихъ полковъ и 4-й кавалерійскій корпусъ князя Васильчикова: всего пять тысячъ пѣхоты и семь тысячъ конницы. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 650.

будь другой, еще не тронутой нашествіемъ, дорогѣ. Различныя возможности представлялись тутъ Наполеону. Повидимому, проще всего было направить армию на Зубцовъ и Бѣлое, къ Витебску. Это былъ самый короткій и безопасный путь; Наполеону навѣрное удалось-бы спасти на немъ если и не всю, то по крайней мѣрѣ большую часть своей армии. Мысль объ этомъ пути блеснула на одинъ моментъ въ головѣ императора, но онъ тотчасъ-же съ негодованіемъ отвернулся отъ нея, какъ недостойной его, великаго завоевателя. Дѣло въ томъ, что отступление по этой дорогѣ слишкомъ-бы походило на бѣгство, а Наполеонъ сознавалъ лучше кого-либо, что даже одно подобіе бѣгства можетъ уничтожить все его обаяніе надъ умами, разсѣять призракъ его непобѣдимости и призвать къ оружію поработенные народы Европы. Въ виду этого опасенія императоръ избираетъ средній путь: онъ рѣшается двинуть свою армию на Калугу, Юхновъ и Ельню, къ Смоленску. Правда, на этомъ пути Наполеонъ можетъ встрѣтить всю непріятельскую армию; но онъ рассчитываетъ предупредить медленнаго и осторожнаго Кутузова, достигнуть раньше его Калуги, восстановить силы своей армии въ мѣстности, совершенно не тронутой войною и уничтожить вдобавокъ громадныя склады всякихъ припасовъ, заготовленные для русской армии. Независимо отъ всѣхъ этихъ очевидныхъ выгодъ, путь на Калугу сулитъ Наполеону и колоссальныя нравственныя преимущества. Направляясь на Калугу, онъ получитъ возможность утверждать, что онъ не отступаетъ, а идетъ на встрѣчу противнику, а старый Кутузовъ навѣрное дастъ ему и другую еще болѣе важную возможность—увѣрить свою армию и Европу, что русскіе вновь бѣжали передъ нимъ, не рѣшаясь противиться ему въ открытомъ полѣ *).

*) Бернгарди замѣчаетъ: „Und so möchte Napoleon's Wahl nicht unbedingt zu tadeln sein;—vorausgesetzt dass er alle Wechselfälle dieses Unternehmens wirklich mit Ernst und Klarheit überdacht hatte, wirklich fest entschlossen war sie zu bestehen, und wirklich sein Heer wie sich selbst der Aufgabe gewachsen fühlte,—kurz dass er durch eine besonnene und begründete Berechnung bestimmt wurde, nicht blos durch eine Stimmung“. Toll's Denkwürdigkeiten. Нечего и говорить, что въ рѣшеніи Наполеона Stimmung играло едва-ли не большую роль, чѣмъ расчетъ.

До послѣдней минуты Наполеонъ старался держать въ вѣдѣніи всѣхъ и каждаго и прежде всего несчастныхъ жителей Москвы на счетъ дѣйствительныхъ своихъ намѣреній. Онъ оставляетъ въ Кремлѣ сильный гарнизонъ подѣ начальствомъ маршала Мортъе и повелѣваетъ ему успокоить жителей на счетъ удаленія императора и большей части арміи. Маршалъ долженъ объявить жителямъ въ особой прокламаціи, что всѣ слухи объ окончательномъ очищеніи Москвы не имѣютъ ни малѣйшаго основанія, что французская армія направляется на Калугу, Тулу и Брянскъ, чтобы овладѣть этими важными пунктами и что императоръ въ скоромъ времени намѣревается возвратиться въ Москву *). Наполеонъ хотѣлъ даже обмануть и самого маршала, — по крайней мѣрѣ онъ поручилъ ему укрѣпить, какъ можно скорѣе и сильнѣе, Кремль и запасти на мѣсяць съѣстными припасами **).

Оставляя Москву, Наполеонъ старался показать, что старая самоувѣренность и старое счастье ни на минуту не покидаютъ его. Напрасно предупреждали его нѣкоторые изъ его сподвижниковъ, что путь, избранный имъ, сопряженъ съ большими опасностями, что обходное движеніе на Калугу потребуетъ много времени, что время года уже позднее и что зима со всѣми своими ужасами легко можетъ захватить великую армію на самой серединѣ дороги. Наполеонъ отвѣчалъ на всѣ эти предостереженія съ презрѣніемъ гевія, видящаго лучше и далѣе обыкновенныхъ смертныхъ. Долговременное пребываніе въ Москвѣ, успокоивалъ онъ своихъ офицеровъ, принесло намъ не малую пользу; оно дало возможность отдох-

*) „Demain, écrivait Napoleon à Berthier, quand l'armée sera partie, Mortier fera faire par la municipalité, une proclamation pour prévenir les habitans que les bruits d'évacuation sont faux; que l'armée se porte sur Kaluga, Tula et Bransk, pour s'emparer de ces points importans et des manufactures d'armes qui s'y trouvent; engager les habitans à maintenir la police, et empêcher qu'on ne vienne achever la ruine de la ville“. Chambray, Expedition de Russie. T. II, стр. 213.

**) Мортъе долженъ былъ кромѣ того собрать всѣхъ больныхъ въ госпиталѣ воспитательнаго дома и охранять его, равно какъ и магазины, спланными отрядами. Для всѣхъ этихъ цѣлей Мортъе получилъ, однако-же, очень мало войска; ему были оставлены: дивизія Лабурда, спѣшенные кавалеристы и пятьсотъ лошадей. См. Шамбре, Т. II, стр. 212.

нута нашимъ солдатамъ, оно дало намъ возможность отодвинуть къ Смоленску нашихъ раненыхъ, собранныхъ въ Москвѣ, Можайскѣ и Колоцкомъ. „Взгляните на это блестящее солнце“, говорилъ онъ имъ, указывая на безоблачное небо; „развѣ вы не узнаете въ немъ моей вѣрной звѣзды?“ „Пойдемъ на Калугу“, восклицалъ онъ съ притворнымъ энтузіазмомъ, „и горе тѣмъ, кто осмѣлится заградить намъ дорогу!“ *).

Уже одинъ взглядъ на армію, выступившую изъ Москвы на старую Калужскую дорогу, долженъ-бы былъ разрушить это самообольщеніе, если-бы оно только существовало дѣйствительно въ душѣ завоевателя. Наполеонъ выступалъ, правда, изъ Москвы съ большими силами, нежели онъ вошелъ въ нее. У него было подъ ружьемъ 107,000 человекъ **). Онъ везъ съ собою страшную артиллерію, состоявшую изъ 569 орудій; его пѣхота была въ отличномъ порядкѣ, полная самоувѣренности, далекая, не смотря на всѣ перенесенныя лишенія и страданія, отъ упадка духа и деморализаціи, но зато его кавалерія, за исключеніемъ одной гвардейской, потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей и была совершенно негодна къ серьезному употребленію. Артиллерійскія лошади находились также въ самомъ плачевномъ состояніи: изнуренныя продолжительною голодухою, онѣ едва тащили тяжелыя орудія и ежеминутно падали по дорогѣ ***). Было еще одно обстоятельство, способное навести тяжелое раздумье на опытнаго полководца. Французская армія покидала Москву, нагруженная добычею всякаго рода, за нею тянулись безконечныя обозы и плелись тысячи бѣглецовъ и безоружныхъ людей всякаго рода, начиная отъ отсталыхъ и раненыхъ солдатъ и оканчивая жепципами и малолѣтними дѣтьми. Тщетно старался обмануть Наполеонъ своихъ солдатъ на счетъ настоящихъ своихъ намѣреній. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы имъ

*) См. Barr, Memoires, стр. 221 — 222; Segur Histoire de la grande armée de Napoleon. Т. II, стр. 108.

**) У Шамбре показано ошибочно 104.000 человекъ, см. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 233.

***) О состояніи французской арміи при выходѣ изъ Москвы самыя точныя свѣдѣнія находятся у Шамбре. Т. II, стр. 313 и слѣд. См. также Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 233.

ператоръ думалъ дѣйствительно возвратиться въ Москву; всѣ были увѣрены, что армія навсегда покидаетъ разрушенную столицу *); всѣ, начиная отъ маршала и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, спѣшили захватить съ собою награбленную добычу. Самъ Наполеонъ вмѣсто того, чтобы облегчить по возможности свою армію, прибавилъ къ прежнимъ громаднымъ транспортамъ еще два новыхъ. Одинъ большой обозъ тащилъ всевозможныя трофеи, захваченные въ Москвѣ, въ томъ числѣ громадный крестъ, святый съ колокольни Ивана великаго; другой, еще болѣе громадный, везъ казну арміи и массу сокровищъ и драгоценностей, преимущественно церковныхъ, награбленныхъ въ Москвѣ **). Если такъ дѣйствовалъ самъ императоръ, то чего-же можно было ожидать отъ подчиненныхъ. Каждый изъ маршаловъ и генераловъ старался вывезти изъ Москвы какъ можно больше цѣнностей всякаго рода, въ особенности предметовъ роскоши. Множество дорогихъ и щегольскихъ экипажей виднѣлось въ обозѣ. Генералы, довольствовавшіеся до тѣхъ поръ простымъ фургономъ, везли теперь по нѣскольку каретъ и колясокъ и десятки возовъ, навьюченныхъ всевозможнымъ добромъ. Офицеры, не осмѣлившіеся до тѣхъ поръ и мечтать о собственномъ экипажѣ, запаслись теперь также роскошными каретами. Маркитанты нагрузили свои фуры вмѣсто съѣстныхъ припасовъ всевозможною добычею и хламомъ. Добыча всякаго рода виднѣлась даже на артиллерійскихъ повозкахъ, ея набиты были съ верху до низу фургоны, предназначенныя для перевозки раненыхъ и больныхъ. Жадность этихъ людей, обреченныхъ на гибель, шедшихъ на страшный судъ Божій, не знала предѣловъ. Всѣ думали только объ одной добычѣ и забывали о самомъ необходимомъ, о кускѣ хлѣба. Всадникъ обременялъ до послѣдней возможности своего изнуреннаго коня; пѣхотинецъ

*) „Хотя Наполеонъ объявлялъ, что онъ оставляетъ Москву лишь на короткое время и возвратится въ нее, разбивъ русскихъ, но положеніе дѣлъ было такъ хорошо всѣмъ извѣстно, что ему не удалось обмануть никого“. Шамбре, т. II, стр. 317.

***) См. Сегюръ, т. II, стр. 113.

прибавлялъ къ тяжести оружія и амуниці непомѣрную и бесполезную тяжесть добычи *).

Не менѣе колоссальной добычи должны были стѣснять и тормозить армію, во всѣхъ ея движеніяхъ, разношерстыя и безпорядочныя толпы безоружныхъ, влачившихся вслѣдъ за нею. Если Наполеонъ не успѣлъ увѣрить своихъ офицеровъ и солдатъ, что онъ въ скоромъ времени возвратится въ Москву, то еще менѣе успѣлъ онъ обмануть беззащитныхъ людей всякаго рода, существованіе которыхъ зависѣло во всѣхъ отношеніяхъ отъ арміи. Услыхавъ, что великая армія покидаетъ Москву, больные и раненые, собравъ свои послѣднія силы, оставляли госпитали, не смотря на всѣ убѣжденія и приказанія начальства, и тащились вслѣдъ за уходящими колоннами **). Иностранцы, оставшіеся въ Москвѣ и проживавшіе въ ней подъ покровительствомъ французовъ, спѣшили послѣдовать ихъ примѣру, опасаясь возмездія со стороны приближающихся русскихъ. Понятно, что они забирали съ собою свои семейства и остатки своихъ пожитковъ и что ихъ обозы увеличивали до безобразныхъ размѣровъ и безъ того уже колоссальный подвижной матерьялъ арміи ***).

Трудно представить себѣ странную картину выхода этой арміи изъ Москвы,—картину, описанную столько разъ очевидцами. Впереди шли баталіоны, вполне сохранившіе и свою воинственную осанку, и приличный, даже грозный, внѣшній видъ ****). Безконечными рядами тянулись они по дорогамъ, со-

*) Шамбре, т. II, стр. 316. Фезензакъ, стр. 276 и 277, замѣчаетъ между прочимъ: „Выступленіе началось еще ночью. Этотъ походъ носилъ на себѣ какой-то мрачный характеръ. Сумракъ ночи, молчаніе среди солдатъ, еще дымящаяся развалины Москвы, попираемая нашими ногами, все соединилось, чтобы поразиить печалью воображеніе. Всякій изъ насъ смотрѣлъ съ безпокойствомъ на начало этого отступленія; солдаты, и тѣ живо сознавали всю затруднительность положенія“.—„Трудно представить себѣ что-либо страннѣе движенія этой арміи; обширная равнина, растилающаяся подъ Москвою, давала возможность наблюдать его во всей полнотѣ. Мы тащили съ собою все, что спасено было отъ пожара“.

**) „Aussi beaucoup de blessés et de malades, au lieu de rester dans les hôpitaux, les avaient quittes pour suivre leurs régiments“. Chambray. T. II, стр. 317.

***) Chambray, Expedition de Russie. T. II, 317.

****) „Пѣхота, преимущественно гвардейская,—говоритъ Поновъ въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи „Французы въ Москвѣ въ 1812 г.“,—еще походила на

путствуемъе многочисленною артиллеріею, едва поспѣвавшею вслѣдъ за ними на своихъ измученныхъ клячахъ. Еще болѣе жалкій видъ чѣмъ артиллерія представляла, когда-то столь многочисленная и грозная, кавалерія этихъ страшныхъ полчищъ. Въ рядахъ ея насчитывалось офиціально еще 14,500 лошадей *), но изъ нихъ только 4500, входившихъ въ составъ гвардейской кавалеріи, въ состояніи были еще нести службу; всѣ остальные едва волочили ноги, а 5000 всадниковъ остались уже вовсе безъ лошадей, и изъ нихъ была сформирована пѣшая бригада. За великолѣпною пѣхотою, за жалкою артиллеріею и за еще болѣе жалкою кавалеріею, тянулась въ хаотическомъ безпорядкѣ какая-то странная масса, напоминавшая собою давно забытыя картины далекаго прошлаго. Образованные офицеры, участники этого безпримѣрнаго похода, невольно вспоминали при этомъ зрѣлищѣ тѣ страшныя орды татаръ, которыя двигались когда-то по этой же самой мѣстности **). И въ самомъ дѣлѣ, какое поразительное сходство! И тутъ, на ихъ глазахъ, двигалась не регулярная армія, назначенная исключительно для боевыхъ цѣлей, а цѣлая орда, тащившая за собою и свои семейства, и домашній скарбъ, и награбленную добычу, и тысячи плѣнныхъ. Тутъ двигалась пестрая смѣсь каретъ, колясокъ, богатыхъ экипажей, повозокъ; тамъ тянулись длинные обозы, нагруженные такъ называемыми трофеями, тутъ бородатые русскіе мужики шли, задыхаясь подъ тяжестью навьюченной на нихъ

стройное войско; но и то въ незначительномъ количествѣ, которое сопровождалось беспорядочными толпами солдатъ“. Эти слова противурѣчатъ всѣмъ источникамъ. Они единодушно говорятъ, что пѣхота находилась въ отличномъ состояніи и что число ея было весьма значительно, доходило до 90,000 ч. (въ таблицахъ Шамбре показано 89,640 человекъ пѣхоты и артиллеріи). О толпахъ безоружныхъ солдатъ, окружавшихъ баталіоны, не было въ то время еще рѣчи. Если бы французская пѣхота была незначительна и разстроена уже при выступленіи изъ Москвы, то развѣ она могла бы драться такъ превосходно подъ Малоярославцемъ, не говоря уже о Вязьмѣ, Красномъ и Березнѣ.

*) У Шамбре показано 14,314 лошадей

***) „Взобравшись на вершину холма, я долго смѣтрѣлъ на это зрѣлище, напоминавшее походы азіатскихъ завоевателей“. Фезензакъ, стр. 278. „Но остальное (кроме пѣхоты и артиллеріи) наполняло въ ужасающихъ размѣрахъ татарскую орду на обратномъ пути изъ счастливаго набѣга“. Сегюръ. Т. II, стр. 112.

добычи; тамъ другіе плѣнники гнали вмѣстѣ съ солдатами цѣлыя стада тощихъ быковъ и овецъ; тутъ ѣхали на возахъ, нагруженныхъ всевозможнымъ скарбомъ, тысячи женщинъ, дѣтей, раненыхъ солдатъ, деньщиковъ, слугъ и всевозможнаго сброду *). Вся эта хаотическая, недисциплинированная масса, сбита въ одно цѣлое странною игрою случая, — масса, говорившая на всевозможныхъ языкахъ Европы, двигалась впередъ, руководимая лишь однимъ смутнымъ инстинктомъ самосохраненія. „Странное“, восклицаетъ очевидецъ, „внушительное, но въ тоже время дикое зрѣлище!“ **) Легко себѣ представить, въ какомъ порядкѣ двигалась эта масса. У каждаго моста, въ каждомъ узкомъ мѣстѣ происходили остановки и невѣроятная сумятица. Все тѣснилось и давило другъ друга въ такихъ мѣстахъ. Экипажи, повозки, аммуниціонныя и лазаретныя фуры сбивались и перепутывались до такой степени другъ съ другомъ, что не въ состояніи были двинуться съ мѣста въ теченіи цѣлыхъ часовъ ***).

Беспорядокъ этотъ не могъ укрыться отъ глазъ Наполеона, но онъ уже не былъ въ состояніи положить ему предѣлъ. Когда императоръ выѣхалъ изъ Москвы и попалъ въ хвостъ выступающей арміи, то его конвойные съ трудомъ пролагали ему дорогу сквозь эти хаотическія массы. Съ досадою и озлобленіемъ смотрѣлъ императоръ на дикій беспорядокъ, окружавшій, тѣснившій его со всѣхъ сторонъ. Необходимо было положить сразу конецъ всему этому безобразію, надо было отдать приказъ бросить и сжечь на мѣстѣ всѣ эти экипажи, повозки, обозы, всю эту бесполезную добычу, — добычу, которая должна была достаться въ руки непріятелю при первомъ появленіи казаковъ. Но Наполеонъ, распорядившійся когда то столь безусловно своими полчищами, не могъ уже отважиться на подобное распоряженіе. Онъ не рѣшался посягнуть на ту самую добычу, которою манилъ онъ самъ до сихъ поръ своихъ солдатъ, на которую они смотрѣли какъ на единствен-

*) См. между прочимъ Сегюръ. Т. II, стр. 112, 113.

**) Шамбре. Т. II, стр. 317.

***) Шамбре. Т. II, стр. 317.

ную награду за всё вынесенныя ими страданія и лишенія *). Къ тому же добыча повсюду прикрывалась жизненными припасами, а могъ-ли думать Наполеонъ объ уничтоженіи этихъ послѣднихъ? Снабжена-ли была армія при выступленіи изъ Москвы въ достаточномъ количествѣ всѣмъ необходимымъ, или же и тутъ, въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ, все было предоставлено случаю, инстинкту самосохраненія и произволу отдѣльныхъ личностей?

Если въ чемъ либо, то именно въ продовольственномъ вопросѣ обнаруживается во всей полнотѣ безпримѣрное ослѣпленіе, постигшее грознаго завоевателя въ самый рѣшительный и роковой моментъ его жизни. Не смотря на безобразное и безцѣльное истребленіе запасовъ всякаго рода, найденныхъ въ Москвѣ французами, въ городѣ все еще оставались большіе склады и магазины, пощажены пожаромъ и грабежомъ. Хотя Наполеонъ, собираясь выступить изъ Москвы, имѣлъ достаточно времени для собиранія запасовъ, для равномернаго распредѣленія ихъ между отдѣльными частями арміи, но онъ совершенно опустилъ изъ виду это первостепенное обстоятельство и отдалъ запасы на жертву произволу и истребленію. Нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія части, запаслись въ избыткѣ мукою и, не имѣя возможности забрать съ собою все, сожгли громадныя магазины съ хлѣбомъ. Наоборотъ, другія, и очень многія части, принуждены были, выступая изъ Москвы, довольствоваться самою незначительною долею провіанта. „Семеновскій монастырь, говоритъ полковникъ Фезензакъ, объяръ былъ пламенемъ въ тотъ моментъ, когда мы подошли къ Калужской заставѣ. Тутъ жгли съѣстные припасы, которыхъ не могли взять съ собою, и по странной небрежности, вполнѣ достойной этого времени, не извѣстили даже командировъ полковъ объ этой мѣрѣ. Во многихъ изъ нашихъ фургоновъ было еще достаточно мѣста, а тутъ жгли на нашихъ глазахъ припасы, которые, быть можетъ, спасли бы намъ жизнь“ **).

*) Сегюръ. Т. II, стр. 114.

***) О легкомысленномъ истребленіи запасовъ въ Москвѣ свидѣлствуютъ единогласно всѣ писатели, принимавшіе участіе въ русскомъ походѣ. См. соотвѣтству-

Два обстоятельства объясняютъ это, на первый взглядъ непонятное, упущеніе Наполеона. Императоръ былъ, во-первыхъ, глубоко убѣжденъ, что онъ успѣетъ достигнуть Калуги скорѣе Кутузова и притомъ вовсе безъ всякаго боя, а потому и считалъ излишнимъ заботиться о припасахъ. Во-вторыхъ, голова его была занята въ это время совершенно иными дѣлами, не имѣвшими ничего общаго ни съ продовольственными, ни съ стратегическими соображеніями. Страшныя чувства злобы и мести всецѣло овладѣли душою императора съ того момента, когда онъ убѣдился въ бесплодности всѣхъ попытокъ заключить миръ съ Россіею, когда государь, котораго онъ привыкъ считать слабымъ и податливымъ, не удостоилъ даже его отвѣта. Демоническія силы овладѣваютъ теперь окончательно душою Наполеона и берутъ верхъ надъ всѣми соображеніями холоднаго разсудка. Русскіе вели съ нимъ до сихъ поръ войну истребительную: они жгли при его приближеніи свои города, деревни и села, они не задумались сжечь свою собственную столицу; они высылали противъ него не однихъ солдатъ, но и казаковъ, и вооруженныхъ поселянъ, а какъ поступали эти послѣдніе съ людьми, имѣвшими несчастье попасть къ нимъ въ плѣнъ, хорошо было извѣстно всей арміи. Отнынѣ Наполеонъ рѣшается всецѣло слѣдовать примѣру, поданному его врагами. Онъ будетъ вести войну возмездія, войну беспощадную; онъ отдастъ приказъ истреблять огнемъ всѣ города и селенія, покидаемыя его войсками; онъ прикажетъ убивать плѣнныхъ, которые не въ состояніи будутъ слѣдовать за его полчищами, онъ уничтожитъ до основанія все то, что уцѣлѣло еще отъ Москвы и прежде всего взорветъ на воздухъ Кремль со всѣми его святынями и дворцами. Принимая эти ужасныя рѣшенія, Наполеонъ старается, однако-же, напередъ оправдать себя въ глазахъ свѣта, показать, что сами русскіе вынуждаютъ его къ такимъ варварскимъ поступкамъ. Маршалъ Бертье долженъ былъ написать, по его распоряженію, слѣдующее письмо къ русскому главнокомандующему: „Генераль Лористонъ имѣлъ порученіе предложить вашей свѣтло-

юція мѣста у Серюра, Лабома и др., а также Fezensac, Souvenirs militaires, p. 277.

сти условиться о мѣрахъ, которыя могли-бы придать войнѣ характеръ, сообразный съ установленными обычаями, а равно изыскать средства, дабы избавить страну отъ бѣдствій, не вытекающихъ непосредственно изъ войны. Несомнѣнно, что опустошеніе собственной страны на столько-же губельно для Россіи, на сколько оно горестно для императора. Ваше сіятельство легко поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ буду я ожидать извѣщенія о конечномъ рѣшеніи вашего правительства по этому вопросу“ *).

Кутузовъ не замедлилъ отвѣтить на это посланіе. Онъ сообщилъ, что всѣ предложенія Лористона повергнуты имъ уже на разсмотрѣніе императора, но что онъ не имѣетъ, да и не могъ еще получить, по краткости времени, какого-либо отзыва изъ С.-Петербурга. Что-же касается до личнаго мнѣнія его, главнокомандующаго **), то ему остается лишь повторить то, что уже было заявлено имъ Лористону. Онъ убѣжденъ, что крайне трудно сдерживать въ какихъ бы то ни было предѣлахъ народъ, раздраженный тѣмъ, что происходитъ предъ его глазами,—народъ, который уже болѣе 200 лѣтъ не видѣлъ непріятели внутри своего отечества, который не можетъ, наконецъ, различать между тѣмъ, что принято, и что не принято военными обычаями. Иное дѣло армія. „Что-же касается до арміи, которою я имѣю честь командовать, заканчиваетъ свое письмо Кутузовъ,—то весь свѣтъ признаетъ, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ она руководится принципами, свойственными вѣрной, храброй и великодушной націи. Я самъ въ теченіи моей долгой военной службы не зналъ иныхъ принциповъ, кромѣ указанныхъ, и я убѣжденъ, что непріятели, съ кото-

*) Подлинникъ письма Бертье, равно какъ и отвѣтъ князя Кутузова помещены у Шамбре, Histoire de expedition de Russie. T. II, стр. 319.—321.

**) Je répéterai in une vérité, dont vous apprécierez sans, mon prince, toute la force et l'étendue: c'est qu'il est didifficile, d'arreter, malgré tout le désir qu'on peut en avoir, un peuple aigri par ce qu'il voit un peuple qui depuis trois cents ans (триста лѣтъ, князь Кутузовъ очевидно забываетъ о польскихъ опустошеніяхъ начала XVII в.), n'a pointe connu de guerre intérieure, qui est pret à s'immoler pour sa patrie, et qui n'est point susceptible de ses distinctions entre ce qui est ou n'est pas d'usage dans les guerres ordinaires. Chambray. T. II, стр. 320.

рыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, всегда отдадутъ справедливость моимъ правиламъ на этотъ счетъ“.

Письмо Кутузова развязывало, по мнѣнію Наполеона, ему руки. Если Кутузовъ заявлялъ, что онъ не въ состояніи удерживать въ предѣлахъ разъяреннаго русскаго поселанина, вставшаго на защиту своей родины и святыни, то и Наполеонъ съ своей стороны находилъ возможнымъ дать полную волю чувствамъ злобы и мести, кипѣвшимъ въ его груди *). Увлекаемый страстнымъ порывомъ, привыкнувъ считать себя непогрѣшимымъ и безнаказаннымъ, Наполеонъ совершилъ величайшее преступленіе, и что еще хуже, величайшую ошибку своей жизни: онъ отдалъ маршалу Мортье приказъ уничтожить огнемъ остатки Москвы и взорвать на воздухъ Кремль. Инструкціи, отправленныя къ маршалу уже на другой день по выходѣ изъ Москвы, отличались необыкновенною точностью и строгостью. Маршалъ долженъ былъ сжечь водочные склады, казармы и всѣ общественныя зданія, за исключеніемъ одного воспитательнаго дома. Ему предписывалось сжечь Кремлевскій дворецъ, разломать всѣ ружья, находящіяся въ арсеналѣ и взорвать на воздухъ стѣны Кремля. Когда всѣ эти распоряженія будутъ исполнены, когда Кремль будетъ уже объятъ пламенемъ, только тогда Мортье долженъ выступить изъ Москвы по направленію къ Можайску. Наполеонъ какъ будто боится, что Мортье не рѣшится исполнить въ точности его варварскій приказъ **). Настоятельно возобновляетъ онъ свое предписаніе въ концѣ инструкціи; онъ напоминаетъ маршалу, что онъ отнюдь не долженъ удаляться изъ Москвы до тѣхъ поръ, пока Кремль не будетъ взорванъ ***). Къ неслыханному и бесполезному варварству присоединялась, какъ и во многихъ другихъ его дѣйствіяхъ, мелочная мстительность, столь свойственная вообще грубо плебейской, солдатской натурѣ Напо-

*) Помимо всего этого Наполеонъ хотѣлъ, быть можетъ, достигнуть этою перепискою и иныхъ цѣлей: онъ думалъ усыпить вниманіе Кутузова, дать видъ, что онъ желаетъ продолжать переговоры и не думаетъ о выступленіи изъ Москвы. См. Шамбре, т. II, стр. 321.

***) Подлинникъ приказа, отданнаго Мортье, см. у Шамбре. Т. III, стр. 436—437.

***) „Il aura soin de rester à Moscou jusqu'à ce qu'il ait vu lui-même sauter le Kremlin“. Снамбрау. Т. III, стр. 436.

леона. Наполеонъ и въ эту трудную минуту, когда все его вниманіе должно было быть поглощено важными движеніями его арміи, не забылъ въ своей инструкціи ненавистнаго ему Растопчина. Мортье получилъ приказъ сжечь домъ бывшего генераль-губернатора, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ отъ перваго пожара; такая-же участь должна была постигнуть и домъ графа Разумовскаго *). Обрекая на истребленіе остатки Москвы и Кремль, Наполеонъ не только не беспокоился объ участи несчастныхъ москвичей, пережившихъ всѣ ужасы пожара и грабежа, но, напротивъ, онъ обрекалъ ихъ сознательно и намеренно на страшную гибель. Мортье долженъ былъ держать въ строгой тайнѣ полученные имъ приказы; не было и рѣчи о предупрежденіи жителей о страшной, грозившей имъ бѣдѣ! **)

*) „Il aura soin de faire mettre le feu aux deux maisons de l'ancien gouverneur et à celle de Razoumovski“. Т. III, стр. 437.

**) Поступая такъ безжалостно съ мирными жителями Москвы, Наполеонъ хотѣлъ, однако-же, выказать себя гуманнымъ полководцемъ по отношенію къ своимъ солдатамъ. Въ инструкціи, отправленной маршалу Мортье изъ Красной Шахры 21-го октября, императоръ поручаетъ особенной заботливости маршала раненыхъ и больныхъ солдатъ великой арміи, находившихся въ Москвѣ. Маршалъ долженъ употребить для вывозки раненыхъ экипажи молодой гвардіи, сѣшенной кавалеріи и вообще всѣ тѣ фуры, которыя будутъ въ его распоряженіи. Римляне, говоритъ императоръ, дали гражданскіе вѣнки тѣмъ, кто спасалъ гражданъ; герцогъ Тревизскій заслужилъ ихъ столько, сколько спасеть онъ солдатъ. Въ случаѣ крайности онъ можетъ посадить раненыхъ на лошадей своихъ и своего штаба, такъ сдѣлалъ когда-то самъ императоръ подъ С. Жанъ-д'Акрэмъ. Затѣмъ маршалу внушается еще разъ, что онъ долженъ спасти раненыхъ во что бы то ни стало, что онъ заслужитъ полное благоволеніе императора, что онъ долженъ собрать всѣхъ своихъ генераловъ и офицеровъ, дать имъ почувствовать всю важность этой мѣры и какую услугу окажутъ они императору, спасши ему жизнь пятисотъ солдатъ. Поклонники Наполеона останавливаются съ удивленіемъ на этой инструкціи, упуская изъ виду другія мѣста этой инструкціи, бросающія нѣсколько страшный свѣтъ на прославленное великодушіе Наполеона. Такъ, на примѣръ, императоръ приказываетъ отдавать предпочтеніе французамъ и осуждаетъ хладнокровно на гибель своихъ раненыхъ союзниковъ, въ числѣ которыхъ, не говоря уже о иѣмцахъ, итальянцахъ и т. д., находились, преданные ему душою и тѣломъ, поляки. Странно также, что Наполеонъ говоритъ въ своей инструкціи о пятистахъ раненыхъ, тогда какъ ему было очень хорошо извѣстно, что въ Москвѣ оставалось не сотни, а тысяча раненыхъ и больныхъ. Какъ относился завоеватель къ несчастнымъ жертвамъ своего властолюбія, видно изъ слѣдующаго его письма къ Бертье, писаннаго 5-го октября, т. е. за нѣсколько дней до пресловутой инструкціи Мортье. „Мой кузенъ! Кажется, память начала измѣнять моему генераль-интенданту. Мы не вѣрится, чтобы пошадобилось 45 дней для

Совершая такіе ужасные поступки, не вызываемые и не оправдываемые никакими потребностями нужды, Наполеонъ пытался въ то же время явить себя въ глазахъ свѣта великодушнымъ побѣдителемъ и внушить Франціи и Европѣ совершенно превратное и туманное представленіе о положеніи великой арміи и о своихъ ближайшихъ намѣреніяхъ. Въ одинъ и тотъ-же день диктовалъ онъ свой варварскій приказъ маршалу Мортье и свой пресловутый, хвастливый 25-й бюллетень. Относительно своихъ намѣреній на счетъ Москвы онъ выражался крайне двусмысленно. „Съ одной стороны, говорилось въ бюллетенѣ, укрѣпили и вооружили Кремль, и въ то же время подвели подъ него подкопы, чтобы взорвать его на воздухъ“. Столь-же неопредѣленно выражался бюллетень и о дальнѣйшихъ движеніяхъ великой арміи. „Одни думаютъ, что императоръ пойдетъ на Тулу и Калугу, чтобы провести зиму въ этихъ губерніяхъ, занимая Москву гарнизонами, помѣщенными въ Кремль; другіе полагаютъ, что императоръ взорветъ Кремль и сожжетъ всѣ уцѣлѣвшія публичныя зданія, а самъ съ войсками приблизится къ Польшѣ, чтобы занять зимнія квартиры въ дружелюбной странѣ“. Участь, приготовленная Москвѣ, высказывалась довольно ясно въ слѣдующихъ словахъ бюллетеня: „Москва не имѣетъ военнаго значенія и потеряла уже политическое, потому что сожжена и разорена на сто лѣтъ“ *). Но само собою понятно, что Наполеонъ ничѣмъ не повиненъ

вывоза раненыхъ, находящихся въ Можайскѣ, Колоцкомъ монастырѣ и Гжатскѣ, такъ какъ я полагаю, что въ теченіи 45 дней значительная часть раненыхъ выздоровѣетъ, другая умретъ и для эвакуаціи останется самая малость, ибо опять показалъ, что по прошествіи трехъ мѣсяцевъ послѣ сраженія остается только одна шестая часть раненыхъ. Такимъ образомъ, считая въ данномъ случаѣ шесть тысячъ раненыхъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, останется изъ нихъ для транспорта всего только тысяча. Я твердо намѣренъ оставаться господиномъ моей операціонной линіи и желаю, чтобы всѣ мои раненые были эвакуированы“.

Изъ этого письма видно, что память Наполеона также заблуждалась, хотя и въ другомъ направленіи, нежели память его интенданта. Интендантъ показывалъ слишкомъ высокія цифры, императоръ слишкомъ низкія. Но важнѣе всего то, что интересы стратегическіе стояли для императора неизмѣримо выше участи всѣхъ раненыхъ въ мѣръ. Оно такъ и должно быть, но для чего надѣвать въ такомъ случаѣ маску гуманности и говорить о доблестныхъ примѣрахъ древнихъ римлянъ?

*) См. 25-й бюллетень.

въ этомъ фактѣ; онъ вызванъ самими русскими и ихъ варварствомъ; Наполеонъ даже по отношенію къ нимъ остается тѣмъ-же великодушнымъ побѣдителемъ, какимъ являлся онъ всегда и вездѣ. Наполеону совѣтовали, утверждалъ бюллетень, „сжечь всѣ оставшіяся въ Москвѣ зданія и опустошить огнемъ и мечомъ ея окрестности на 20 миль вокругъ, и научить русскихъ, что они должны были вести правильную войну, а не какъ татары; но онъ отвергъ эту жестокую мѣру“.

Адскіе замыслы Наполеона не удались однако же вполне. Приготовленія французовъ къ истребленію зданій, къ взрыву Кремля, не могли остаться тайною. Въ Дѣвничьемъ монастырѣ непріатели начали вездѣ рыть канавки отъ церкви и вокругъ стѣнъ. Монахини въ недоумѣніи и ужасѣ спрашивали французовъ, что они дѣлаютъ, но они отвѣчали, что сами не знаютъ. Вдругъ пронесся слухъ, что всю Москву взорвутъ и перебьютъ всѣхъ русскихъ. Священникъ спрашивалъ французскаго генерала на счетъ этихъ слуховъ. „Уходите отсюда, отвѣчалъ генералъ, и молитесь за своихъ“. Ужасъ монастырскихъ жителей дошелъ до высшей степени, когда они замѣтили, что въ подвалахъ подъ церковью поставлены были бочки съ порохомъ и съ боевыми зарядами. У самой церкви французы поставили бочку съ виномъ и зажгли ее. Огненные потоки устремились со всѣхъ сторонъ къ деревяннымъ постройкамъ монастыря. Монахини и бѣглецы, укрывавшіеся въ монастырѣ, пораженные страхомъ, бросились въ подвалы, вытащили пороховыя бочки и залили водою; огненные потоки водки были засыпаны и затоптаны землею *). Монастырь, какъ будто чудомъ спасенъ былъ отъ гибели.

Приготовленія французовъ къ взрыву Кремля также не укрылись отъ вниманія жителей, да и сами французы не особенно заботились объ этомъ. Въ Кремлѣ рыли канавы, насыпали ихъ порохомъ, устраивали мины на виду у всѣхъ. На работы брали насильно русскихъ, а потомъ, чтобы не разгла-

*) „Какъ съ этой бѣдой покончили, говорятъ очевидца, бросались во кельямъ и церквамъ, гдѣ стояли непріатели. Тамъ во многихъ мѣстахъ разложена была содома, а въ нее воткнуты зажженные свѣчи. Богъ помпловалъ, все успѣли погасить“. „Французы въ Москвѣ“. Попова, „Русскій Архивъ“ 1876 г. кн. 8, стр. 331.

сили, взяли ихъ съ собою при выступленіи изъ Москвы. Легко себѣ представить положеніе этихъ несчастныхъ. „Меня туда взяли французы“, рассказывалъ одинъ изъ нихъ, „и другихъ многихъ работниковъ изъ нашихъ привели и приказали намъ подкопы рыть подъ Кремлевскія стѣны, подъ соборы и подъ дворецъ, и сами тутъ-же рыли. А у насъ просто руки не подымались. Пусть все погибаетъ, да хоть не нашими руками. Да воля то не наша была; какъ ни горько, а копай! Окаянные-то тутъ стоятъ, и какъ увидятъ, что кто изъ насъ плохо работаетъ, такъ сейчасъ прикладами бьютъ; у меня вся спина избита“ *).

Отдѣльные непріятельскіе солдаты и офицеры, болѣе человѣчные, нежели ихъ повелители, старались предупредить несчастныхъ жителей о грозящей имъ гибели **). Многие спѣшили спастись бѣгствомъ изъ Москвы, и ихъ рассказы о предстоящемъ взрывѣ вскорѣ дошли до главной квартиры генерала Винцингероде, стоявшаго съ своимъ отрядомъ въ селѣ Чапникахъ, въ 12 верстахъ отъ Москвы. Горе и ужасъ объяли тамъ всѣхъ при этой вѣсти. „Взрывъ Кремля, говорили они, гдѣ покоятся мощи угодниковъ, поразитъ отчаяніемъ всю Россію, привыкшую почитать святыню Кремля своимъ палладіумомъ“. Винцингероде, человѣкъ страстный и увлекающійся, рѣшился во чтобы-то ни стало предупредить замыслы Наполеона. „Нѣтъ, Бонапартъ не взорветъ Кремля“, говорилъ онъ съ негодованіемъ. „И далъ ему знать, что если хотя одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіеся намъ въ плѣвъ французы будутъ повѣшены“ ***). Не принявъ надлежа-

*) См. Толмачевой, „Разказы очевидцевъ“, стр. 137.

***) Одинъ солдатъ старой гвардіи, знакомый Бестужева-Рюмина, пришелъ къ нему, 6-го октября вечеромъ, проститься и пожелать всякаго благополучія, потому что отданъ привязъ на другой день съ восходомъ солнца выступать въ походъ. Простившись, солдатъ просилъ его проводить и, пройдя шаговъ десять, взялъ его за руку и сказалъ: „спасайтесь, если можете, Кремль будетъ взорванъ на воздухъ, также и ушечный дворъ. Все приготовлено, даны даже приказанія убивать всѣхъ, кто носитъ оружіе и сажетъ всѣ оставшіеся зданія“. См. Чтенія Общ. Ист. и древн. 1859 г. кн. II, отд. V, стр. 176. Были и другіе случаи предупрежденія. См. Цюновъ, „Французы въ Москвѣ“. „Рус. Архивъ“ 1876 г. кн. 8, стр. 81.

****) См. Воспоминанія князя Шаховскаго. Военный сборникъ за 1864 г. № 5, стр. 69—99.

щихъ мѣръ предосторожности, захвативъ съ собою лишь нѣсколькихъ казаковъ, забывъ даже взять трубача, Винцингероде отправился въ Москву и имѣлъ тутъ несчастіе попасть вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ Нарышкинымъ въ руки французовъ. Тщетно заявлялъ русскій генераль, что онъ пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ парламентаря, полагаясь на честь французовъ. Маршалъ Мортъе спокойно и безстрастно выслушивалъ его горячія заявленія, но объявилъ въ концѣ, что онъ обязанъ удержать его военно-плѣннымъ до тѣхъ поръ, пока участь его не будетъ рѣшена самимъ императоромъ *).

Между тѣмъ наступила страшная минута. Въ ночь съ 8-го на 9 октября маршалъ Мортъе тихо выступилъ изъ Москвы съ своими войсками. Отойдя на небольшое разстояніе отъ города, онъ далъ заранѣе условленный сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ. Сотрясеніе отъ перваго взрыва было самое ужасное. Земля заколебалась, дрогнули всѣ зданія, даже на окраинахъ города полопались всѣ стекла, во многихъ домахъ треснули стѣны и обрушились потолки. Внутри домовъ ничто не оставалось на мѣстѣ; людей посбрасывало съ постелей. Раздѣтые, израненные осколками стеколъ, камнями и желѣзомъ, несчастные выбѣжали въ ужасѣ на улицы. Непроницаемый мракъ окутывалъ всю Москву; холодный осенній дождь лилъ потоками. Отовсюду слышались дикіе крики, визгъ и стоны людей, раздавленныхъ падающими зданіями. Слышались призывы о помощи, но помогать было некому. Кремль освѣщенъ былъ зловѣщимъ пламенемъ пожара, одинъ взрывъ продолжалъ тамъ слѣдовать за другимъ, земля не переставала колебаться. Все напоминало, казалось, послѣдній день міра **).

Наконецъ, начало свѣтать и взоры москвичей, пережившихъ эту страшную ночь, невольно обратились къ Кремлю. Каково-же было ихъ удивленіе и радость, когда въ первыхъ лучахъ солнца явилась предъ ними во всемъ своемъ блескѣ

*) Подробности о плѣненіи Винцингероде см. у Попова, гдѣ собраны всѣ свидѣтельства, относящіяся къ этому эпизоду. „Русскій Архивъ“ за 1876 г. кн. 8, стр. 383 и слѣд.

***) Много подробностей о взрывѣ — у Толчезевой, „Разсказы очевидцевъ“, стр. 42, 54, 100.

золотая глава Ивана великаго. „Онъ стоялъ, говоритъ очевидецъ, по прежнему богатыремъ, къ нашей радости и досадѣ французовъ, или лучше сказать, ихъ предводителя, по волѣ котораго все это дѣлалось“. Результатъ взрывовъ далеко не соответствовалъ распоряженіямъ Наполеона. Правда, самъ Наполеонъ объявилъ во всеуслышаніе, „что Кремль, арсеналъ и магазины, все разрушено, что древняя столица Россіи и древнѣйшій дворецъ ея царей не существуетъ болѣе, что Москва превращена въ груды развалинъ, въ пещистую и зловонную клоаку, что она утратила всякое значеніе, военное и политическое, что она предоставлена на произволъ русскихъ нищихъ и грабителей“. Въ дѣйствительности, разрушеніе не было такое абсолютное, какъ можно-бы было вывести изъ этихъ громкихъ фразъ. Грановитая палата и царскій дворецъ были, правда, разрушены, всѣ остальные зданія въ Кремлѣ сильно повреждены, по за то всѣ соборы и даже значительная часть Кремлевскихъ стѣнъ остались невредимыми. И въ остальныхъ частяхъ города Мортъе не успѣлъ исполнить буквально распоряженій своего повелителя. Даже домъ Растопчина остался цѣлъ. Не слѣдуетъ усматривать, впрочемъ, какого-то приступа великодушія со стороны французскаго генерала въ этихъ упущеніяхъ. Едва-ли приходится повторять, вмѣстѣ съ однимъ изъ офицеровъ великой арміи *), басню о негодномъ порохѣ, отпущенномъ Мортъе для взрыва Кремля. Негодный порохъ не произвелъ-бы тѣхъ опустошеній, которыя произведены были въ дѣйствительности; Наполеоновскіе маршалы не осмѣливались намѣренно нарушать распоряженія своего императора, а порывы великодушія и сентиментальности были чужды этимъ грубымъ солдатскимъ натурамъ. Если взрывы не произвели того дѣйствія, какое предполагалось, то виною этому были

*) Fezensac, Souvenirs militaires, свидѣтельствуетъ, что маршалъ Мортъе постарался смягчить жестокіе приказы, отданные ему, что онъ заботился средъ всѣхъ ужасовъ объ участи раненыхъ и больныхъ, и что все это дѣлаетъ честь его сердцу и характеру, но онъ не говоритъ, въ чемъ заключалось это смягченіе. Показанія о негодномъ порохѣ давалъ нѣкто Шмидтъ графу Растопчину. См. „Русск. Архивъ“ 1864 г. стр. 824.

крайняя поспѣшность, съ которою устраивались мины, а также значительный дождь, начавшійся еще наканунѣ *).

Нравственное впечатлѣніе, произведенное разрушеніемъ Кремля, было во всѣхъ отношеніяхъ крайне невыгодное для Наполеона. Этотъ актъ бѣшеной злобы не могъ испугать никого, а могъ внушить только чувства негодованія и отвращенія и своимъ и чужимъ. Императоръ Александръ, нравственно укрѣпленный столькими тяжелыми испытаніями, могъ почерпнуть изъ страшной вѣсти объ уничтоженіи національной святыни русскаго народа лишь еще большую рѣшимость не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока врагъ рода человѣческаго не будетъ низвергнутъ окончательно. Вѣсть о взрывѣ Кремля пришла въ Петербургъ одновременно съ извѣстіями о пораженіи Мюрата при Тарутинѣ. По свидѣтельству Штейна, эти послѣднія вѣсти вызвали всеобщую радость въ Петербургѣ; что-же касается до святотатственнаго покушенія на Кремль, то всѣ видѣли въ немъ, по словамъ Шишкова, лишь одно стремленіе завоевателя утолить хотя чѣмъ-нибудь свою адскую злобу **). Всѣ ликовали, хорошо понимая, что новое преступленіе Наполеона вооружить противъ него еще болѣе и безъ того уже озлобленныя русскія массы. Даже люди, еще такъ недавно терявшіе голову и вопившіе такъ громко о мирѣ, преисполнились теперь вдругъ воинственнымъ жаромъ. Никто уже не сомнѣвался въ окончательной гибели Наполеоновскихъ полчищъ; заботились лишь о томъ, чтобы ни одинъ французъ не возвратился съ оружіемъ въ рукахъ на свою родину. При дворѣ былъ въ этотъ день настоящій праздникъ, носившій чисто семейный характеръ ***). Въ числѣ приглашенныхъ къ столу были и баронъ Штейнъ. Императрица - мать, еще такъ недавно трепетавшая передъ Наполеономъ, и такъ настойчиво совѣтовав-

*) На дождь указываетъ и Поповъ, но говоритъ тѣмъ не менѣе: „дорожа человѣческимъ достоинствомъ, мы готовы вѣрить, что Мортъе отпустилъ негодный порохъ для этой цѣли“. Такая ибра не имѣетъ достаточнаго основанія.

***) „Не усматривая никакой возможности оставаться долѣе въ Москвѣ, спѣшить выдти изъ нея, насыщая адскую свою злобу подорваніемъ Кремля“.... „Шишковъ, Записки, Т. I, стр. 162.

****) „Der Hof feierte gerade ein Familienfest, Stein, war zur kaiserlichen Tafel geladen“. Перцъ, Stein's Leben. Т. 3, стр. 199.

шая сыну просить мира у гордаго завоевателя, была теперь внѣ себя отъ восторга, отъ первыхъ успѣховъ нашего оружія *). За столомъ она говорила много и оживленно о послѣднихъ событіяхъ. Подъ конецъ у нея сорвалась такая фраза: „Право, я буду стыдиться, что я нѣмка, если хотя одинъ человѣкъ изъ французской арміи возвратится изъ-за Рейна въ отечество“. При этихъ словахъ Штейнъ сначала вспыхнулъ, а потомъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва. „Ваше Величество, обратился онъ къ императрицѣ“, вставъ съ своего мѣста, „крайне несправедливо выражаетесь о нѣмцахъ, да притомъ еще въ присутствіи русскихъ, которые обязаны имъ столь многимъ. Вы не должны были говорить, что стыдитесь быть нѣмкою, а должны были назвать вашихъ родственниковъ, нѣмецкихъ государей. Я самъ жилъ на Рейнѣ въ 1792 году и слѣдующихъ годахъ, я знаю, что храбрый нѣмецкій народъ тутъ не причемъ: если-бы ему довѣряли, если-бы умѣли имъ пользоваться, то ни одинъ французъ не перебрался-бы черезъ Эльбу, не говоря уже о Вислѣ и Днѣпрѣ“. Императрица-мать была въ первый моментъ крайне смущена такою смѣлою рѣчью, но вскорѣ она оправилась и отвѣчала съ достоинствомъ: „Вы правы, г-нъ баронъ, благодарю васъ за урокъ“ **).

Мы не знаемъ, какъ отнесся императоръ Александръ къ этой, столь необычной при дворахъ, сценѣ. Безъ сомнѣнія, онъ оцѣнилъ лучше кого-либо прямодушіе Штейна и горячее чувство патріотизма, проникавшее все его существо; безъ сомнѣнія, его настроеніе было въ тѣ минуты крайне далеко отъ всякаго высокомерія и самохвальства. Онъ одинъ оставался твердъ и непоколебимъ въ минуту всеобщаго упадка духа. Теперь, когда счастье видимо начало склоняться на сторону императора Александра, когда первый лучъ свѣта прорѣзалъ, наконецъ, непроглядную тьму, окружавшую его со всѣхъ сто-

*) Die Kaiserin-Mutter, welche noch kurz zuvor so gebeugt auf Frieden gedungen hatte, war jetzt vom Glück und Siege aufgeregt“. Перцъ, Steins Leben. Т. 3, стр. 199.

***) Die Kaiserin, anfangs bestürzt über die kräftige Rede, fasste sich jedoch bald und erwiederte würdig: Sie haben Recht, Herr Baron, ich danke Ihnen für die Lection“. Перцъ, Stein's Leben. Т. 3, стр. 200.

ронъ, онъ былъ крайне далекъ отъ мысли видѣть въ этомъ поворотѣ свою собственную заслугу. Онъ усматривалъ въ перемѣнѣ счастья помощь свыше, онъ приводилъ ее въ непосредственную связь съ своимъ нравственнымъ возрожденіемъ и очищеніемъ. Не силы человѣческія, а силы небесныя ополчились противъ врага человѣчества и готовились испровергнуть его гордыню. Онъ, Александръ, и весь вѣрный народъ его не болѣе какъ смиренные исполнители предначертаній Всевышняго. „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“ — слова эти должны сдѣлаться отнынѣ ихъ девизомъ.

И въ своемъ собственномъ лагерѣ Наполеонъ среди полчищъ, привыкшихъ слѣпо исполнять его волю, встрѣтилъ не мало людей, осуждавшихъ если не гласно, то въ душѣ—его варварскіе поступки. „Что будетъ съ нами, въ этой странѣ, среди народа, такъ смертельно оскорбляемаго нами, говорили, пожимая плечами ветераны великой арміи при видѣ дымящихся развалинъ Кремля, при видѣ отсталыхъ русскихъ плѣнныхъ, безжалостно пристрѣливаемыхъ по дорогамъ, по распоряженію императора“. „Этотъ поджогъ“, — говоритъ Шамбре, одинъ изъ участниковъ экспедиціи, — „не оправдываемый никакимъ военнымъ мотивомъ, не можетъ быть разсматриваемъ иначе, какъ актъ безумной мести Наполеона, взбѣшеннаго, что ему не удалось преклонить Александра подъ свое ярмо. Подобный поступокъ приносилъ только пользу его врагамъ, раздувая ненависть, которую старались внушить русскому народу къ французамъ и побуждая Александра вести войну истребительную противъ французской арміи, — войну, которая столь противорѣчила мягкому и гуманному характеру русскаго государя“ *).

Высказывая такое рѣзкое и рѣшительное порицаніе образу дѣйствій Наполеона, Шамбре выражалъ лишь единогласное мнѣніе всѣхъ тѣхъ людей, которые не утратили еще окончательно чувства и здраваго смысла, для которыхъ интересы и честь арміи не были еще заглушены окончательно слѣпымъ поклоненіемъ генію Наполеона и рабскою привычкою льстить

*) Chambray, Expedition de Russie. T. II, стр. 325.

своему властелину. Разрушеніе Кремля и другіе поступки дикой, безцѣльной мести не могли внушить воинамъ Наполеона ни прежней самоувѣренности, ни обычнаго твердаго и даже радостнаго настроенія. Предчувствіе чего-то небывалаго, страшнаго, тяготѣло надъ ними. Никто изъ нихъ не переживалъ еще ощущеній, подобныхъ тѣмъ, которыя испытывали они теперь, выстуая на старую Калужскую дорогу *). „Вѣрьте мнѣ, говорилъ старый польскій полковникъ: страшный судъ Божій постигнетъ нашу армію“. „Мы идемъ на встрѣчу мрачной будущности“, говорилъ тотъ-же ветеранъ своимъ офицерамъ. „Москва со всѣми ея средствами уничтожена, армія деморализована, кавалерія погибла; если насъ застигнетъ теперь зима, то я не знаю, что, не исключая и самаго генія императора, можетъ спасти насъ отъ катастрофы. Вы увидите, что это будетъ война пространства и времени, предсказанная намъ Нарбономъ. Наполеонъ двинулся на Москву вопреки совѣтамъ лучшихъ своихъ генераловъ; онъ занялъ Москву, и что-же? Уже прежде, этимъ-же самымъ путемъ, потерю этой самой Москвы, спасена была Россія. Когда 200 лѣтъ тому назадъ поляки занимали Кремль, русскіе подготовили изъ Тулы и Калуги освобожденіе Россіи. На эти города отступили и теперь русскіе. Быть можетъ, мое предпочтеніе къ историческимъ аналогіямъ обманываетъ меня, но если непріятель расположился въ этомъ направленіи, то я думаю, что нашимъ сообщеніямъ съ Смоленскомъ грозитъ опасность уже теперь“ **).

Тяжелое предчувствіе страшной бѣды коснулось и самого Наполеона; оно помрачило его прежній свѣтлый взглядъ. Онъ, оцѣнивавшій прежде такъ быстро и вѣрно общее положеніе дѣлъ,—онъ, всегда изумлявшій враговъ своими смѣлыми и быстрыми движеніями, начинаетъ вдругъ задумываться и колебаться въ нерѣшительности, начинаетъ искать спасенія въ сложныхъ и искусственныхъ маневрахъ, забывая свое старое правило, что на войнѣ, какъ и въ жизни вообще, самое про-

*) Объ этомъ тяжеломъ настроеніи говорятъ однаково всѣ свидѣтели, въ томъ числѣ и такіе спокойные, правдивые люди, какъ Фезензакъ и Брандтъ. См. Fezensac, Souvenirs milit., стр. 277; Брандтъ стр. 441 и другія.

***) Aus dem Leben des General's der Infanterie von Brandt. T. I, стр. 441.

стое бываетъ наилучшее и спасительное. Панегеристы Наполеона утверждаютъ, что императоръ выступилъ изъ Москвы съ намѣреніемъ обойти позиціи русскихъ при Тарутинѣ по новой Калужской дорогѣ и достигнуть Калуги ранѣе Кутузова, но что, желая обмануть противника, онъ двинулся сначала по старой Калужской дорогѣ *). Но подобное объясненіе странныхъ маневровъ Наполеона, по выходѣ изъ Москвы, не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Наполеонъ уже въ первый день по выступленіи изъ Москвы достигъ съ своими главными силами линіи Пахры. Вице-король, шедшій впереди другихъ, расположился бивуакомъ въ Ветутинкѣ; главная квартира императора перенесена была въ Троицкое, за вице-королемъ слѣдовалъ Нэй, потомъ старая гвардія и двѣ дивизіи Даву; дивизія Розе и дивизія Морана находились въ арьергардѣ. Въ теченіи всего этого перехода движеніе французской арміи было скрыто отъ русскихъ войсками Мюрата, стоявшими по прежнему у Воронова. Въ главной квартирѣ Кутузова ничего не могло быть извѣстно объ этомъ движеніи, а обмануть противника тѣмъ, что остается ему неизвѣстнымъ, невозможно. Достигнувъ линіи Пахры, Наполеонъ внезапно отдалъ приказъ своей арміи повернуть на Фоминское, и фланговымъ маршемъ достигнуть новой Калужской дороги. Могли ли эта вторая и важнѣйшая часть сложнаго маневра Наполеона укрыться отъ вниманія русской главной квартиры? Понятно, что вѣтъ. Толпы казаковъ повсюду слѣдили за движеніями французовъ въ этомъ направленіи; можно было предусмотрѣть, что вѣсть объ этомъ фланговомъ движеніи достигнетъ Кутузова ранѣе, нежели французы доберутся до Фоминскаго. Къ тому-же фланговое движеніе по проселочнымъ дорогамъ сопряжено было для великой арміи, съ ея громадными обозами, съ большими трудностями, и могло совершаться лишь крайне медленно. Къ довершенію бѣды, пошелъ дождь, дороги испортились; въ низкихъ мѣстахъ, особенно у мостовъ, изнуренныя лошади не въ состояніи были тронуться съ мѣста. Пришлось

*) Такъ смотритъ между прочимъ на эти движенія извѣстный Гурго, называя ихъ, *une manoeuvre habile*“.

тратить по напрасну цѣлыя часы дорогаго времени, и вице-король, шедшій во главѣ арміи, достигъ Фоминскаго цѣлыми сутками позже, нежели въ томъ случаѣ, еслибы армія пошла съ самаго начала новою Калужскою дорогою *).

Не смотря на всѣ эти проволочки, Наполеонъ и на слѣдующій день оставался въ убѣжденіи, что ему удастся обойти Кутузова. Его передовыя войска достигли въ этотъ день Катова и Боровска; но уже въ русскомъ лагерѣ принимались мѣры для предупрежденія французовъ. Партизаны и казаки доставили въ главную квартиру извѣстіе о движеніи большихъ непріятельскихъ массъ къ Фоминскому и Боровску. Извѣстіе было неожиданностью для нашего генеральнаго штаба. Все спало въ Летапекѣ, когда прибылъ туда съ важною вѣстью майоръ Болховскій. Посланный разбудилъ дежурнаго офицера, поручика Щербинина, а тотъ далъ знать немедленно-же Коновницину и Толлю **). Изъ депеши, привезенной Болховскимъ, оказалось, что Наполеонъ выступилъ со всѣми своими массами изъ Москвы и что онъ спѣшитъ достигнуть новой Калужской дороги. Толль и Коновницинъ поняли, что рѣшительная минута наступила; они поспѣшили къ главнокомандующему и разбудили его. Выслушавъ донесеніе своихъ помощниковъ Кутузовъ, не говоря ни слова, палъ на колѣни предъ св. образомъ; горячо, со слезами радости, благодарилъ онъ Всевышняго ***). Россія была спасена, великая армія Наполеона обре-

*) О фланговомъ движеніи Наполеона кромѣ Шамбре, Фена и другихъ см. въ особенности Бернгарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*. Онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Anders stellte sich die Sache, wenn Napoleon einfach und ohne Künstelei, gleich von Moscau an auf der neuen Strasse vorrückte. Hier stand Broussier schon seit dem 15t. in Fominskoie; jede Bewegung in grader Richtung dahin war durch ihn maskirt, und möchte wohl auch nicht gleich am ersten Tage entdeckt worden sein. Napoleon kam so bis Fominskoie, und zum Theil sogar über diesen Punct hinaus, ehe seine Absicht durchschaut war“. Bernhardi. T. II, стр. 239.

***) См. записки Щербинина; Бернгарди, т. II, стр. 243.

***) Нѣсколько иначе рассказываетъ это самъ Болховскій въ своихъ запискахъ. См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“, т. III, стр. 15. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ сущность дѣла остается, впрочемъ, одна и таже. И тамъ, и тутъ престарѣлый полководецъ воздастъ прежде всего благодареніе и хвалу Всевышнему.

чена на гибель. Немедленно-же были отданы рѣшительные приказы. По мысли Толля рѣшено было во что бы то ни стало предупредить непріятеля у Малоярославца и, если возможно, отбросить его назадъ. Вся армія должна была выступить изъ Тарутинскаго лагеря и слѣшить на встрѣчу непріятеля. Но такъ какъ это выступленіе не могло состояться раньше вечера, то задача задержать Наполеона, хотя на нѣкоторое время, возложена была на генерала Дохтурова. Дохтуровъ былъ высланъ изъ лагеря по направленію къ Фомицкому еще наканунѣ при первомъ извѣстіи о появленіи непріятельскихъ отрядовъ у Красной Пахры. Теперь ему посланъ былъ приказъ слѣшить, какъ можно скорѣе, къ Малоярославцу, занять своими войсками этотъ важный пунктъ и выдвинуть четыре казачьихъ полка на дорогу между Малоярославцемъ и Боровскомъ. Въ этомъ-же направленіи былъ двинуть немедленно и Платовъ съ нѣсколькими казачьими полками и одною конною батареею. Милорадовичу было предписано развѣдать расположеніе непріятельскихъ силъ у Воронова и въ свою очередь послѣшить къ Малоярославцу въ томъ случаѣ, если окажется, что непріятель двинулся отъ Воронова къ новой Калужской дорогѣ. Съ обычною своею осторожностью Кутузовъ увѣдомилъ Калужскаго губернатора о движеніи непріятеля и предписалъ ему принять мѣры къ вывозу провіанта, присутственныхъ мѣстъ и т. д. *).

Уже черезъ нѣсколько часовъ получено было донесеніе отъ Милорадовича. Изъ него оказалось, что непріятельскія войска у Воронова снялись съ позиціи и направились къ новой Калужской дорогѣ. Теперь разсѣялись послѣднія сомнѣнія на счетъ намѣреній непріятеля и вечеромъ того-же дня вся русская армія выступила изъ Тарутина и направилась къ Малоярославцу черезъ Меташевку, Угодскій заводъ и Спасское. Между тѣмъ непріятельскія колонны медленно, такъ сказать ощупью, подвигались впередъ. 11 октября вице-король выступилъ изъ Боровска, а авангардъ его, дивизія Дельзона, подо-

*) О всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Кутузова см. Богдановичъ, т. III, стр. 15 и слѣд. и Бернгарди, т. II, стр. 243 и слѣд.

шелъ къ самому Малоярославцу. Отрядъ казаковъ, занимавшій этотъ городъ, немедленно-же отступилъ передъ непріятельскою пѣхотою. Дельзонъ, при наступленіи вечера, достигъ рѣки Лужи, обтекающей Малоярославецъ съ этой стороны; онъ тотчасъ переправился черезъ нее и занялъ городъ, но имѣлъ неосторожность оставить въ немъ всего два баталіона *). Въ тотъ-же день старая гвардія, Даву, Розе и Мюратъ дошли до окрестностей Боровска, куда и перенесена была главная квартира Наполеона. Позади всѣхъ шелъ Нэй; его войска, страшно утомленныя движеніемъ по проселочнымъ дорогамъ, только поздно вечеромъ начали подходить къ Буйкасову.

Въ теченіи всего этого дня Наполеонъ оставался въ полномъ убѣжденіи, что маневръ его удастся какъ нельзя лучше, что обойденный Кутузовъ не въ состояніи будетъ заградить ему пути на Калугу. Убѣжденіе это окрѣпло окончательно, когда императоръ узналъ поздно вечеромъ, что дивизія Дельзона утвердилась въ Малоярославцѣ и что кромѣ казаковъ нигдѣ не видно русскихъ. Но уже на другой день рано утромъ императору донесли, что русскіе пытаются вытѣснить Дельзона изъ Малоярославца. На первый разъ онъ не придалъ этому извѣстію особенной важности **). Онъ выѣхалъ изъ Боровска уже довольно поздно, не спѣша, видимо спокойный; но чѣмъ болѣе подвигался онъ впередъ, тѣмъ явственнѣе и сильнѣе доносился до него гулъ пушечныхъ выстрѣловъ и частой ружейной пальбы. Лицо императора принимало все болѣе и болѣе безпокойный видъ, онъ останавливался и прислушивался по временамъ ***). Грохотъ битвы усиливался. „Какъ, неужели русскіе предупредили его, неужели маневръ его не удался,—неужели ему не удалось обойти стараго, неповоротливаго

*) Дельзонъ имѣлъ, впрочемъ, свои основанія: онъ не рѣшился ввести всю свою дивизію въ городъ, расположенный на высотѣ за рѣкою и опаснымъ дефиле, на склонѣ пронасти, куда легко могло его сбросить внезапное ночное нападеніе. См. Сегюръ. Т. II, стр. 118.

**) „Le lendemain 24, il apprit qu'on disputait à Delzons la possession de Malo-Jaroslavetz. Il ne s'en émut, guere, soit confiance, soit incertitude dans ses projets“. Segure. Т. II, стр. 116.

***) „Il sortait donc de Borowsk, tard et sans de hater, quand le bruit d'un combat tres vif arriva jusqu'à lui: alors il s'inquiete, etc. Segur. Т. II, стр. 117.

Кутузова?“ Волнуемый этими странными сомнѣніями, императоръ възъезжаетъ на холмъ, господствующій надъ окрестностью, и дѣйствительное положеніе дѣлъ предстаетъ передъ нимъ внезапно во всей наготѣ. Ожесточенный бой кипитъ въ небольшомъ разстояніи впереди его. Вся окрестность застлана густымъ пороховымъ дымомъ; русскіе дерутся съ его войсками въ самыхъ улицахъ Малоярославца; уже весь корпусъ вице-короля введенъ въ дѣло, а тамъ далеко за Малоярославцемъ, на окраинѣ темныхъ лѣсовъ, окаймляющихъ горизонтъ, виднѣются темныя, необозримыя массы, сверкающія оружіемъ. Дѣло уяснилось, Наполеонъ видитъ передъ собою не авангардную стычку, а настоящее сраженіе; впереди его стоятъ не отдѣльвые корпуса русскихъ, а вся непріятельская армія. Не вѣроятное и невысказанное случилось вновь, какъ уже нѣсколько разъ въ теченіи этой странной кампаніи. Всѣ его глубокообдуманые планы и хитросплетенныя комбинаціи разсыпались въ прахъ. Неповоротливый, боязливый медвѣдь опередилъ его, смѣлаго и быстрого орла *).

Малоярославецъ, небольшой городъ Калужской губерніи, представляетъ во многихъ отношеніяхъ большія удобства для защиты отъ непріятеля, наступающаго со стороны Боровска **).

*) Les Russes l'avaient-ils prevenu? sa manoeuvre etait-elle manquée, n'avait-il point mis assez de rapidité dans cette marche ou il s'agissait de dépasser le flanc gauche de Kutusof? Segur. T. II, стр. 117.

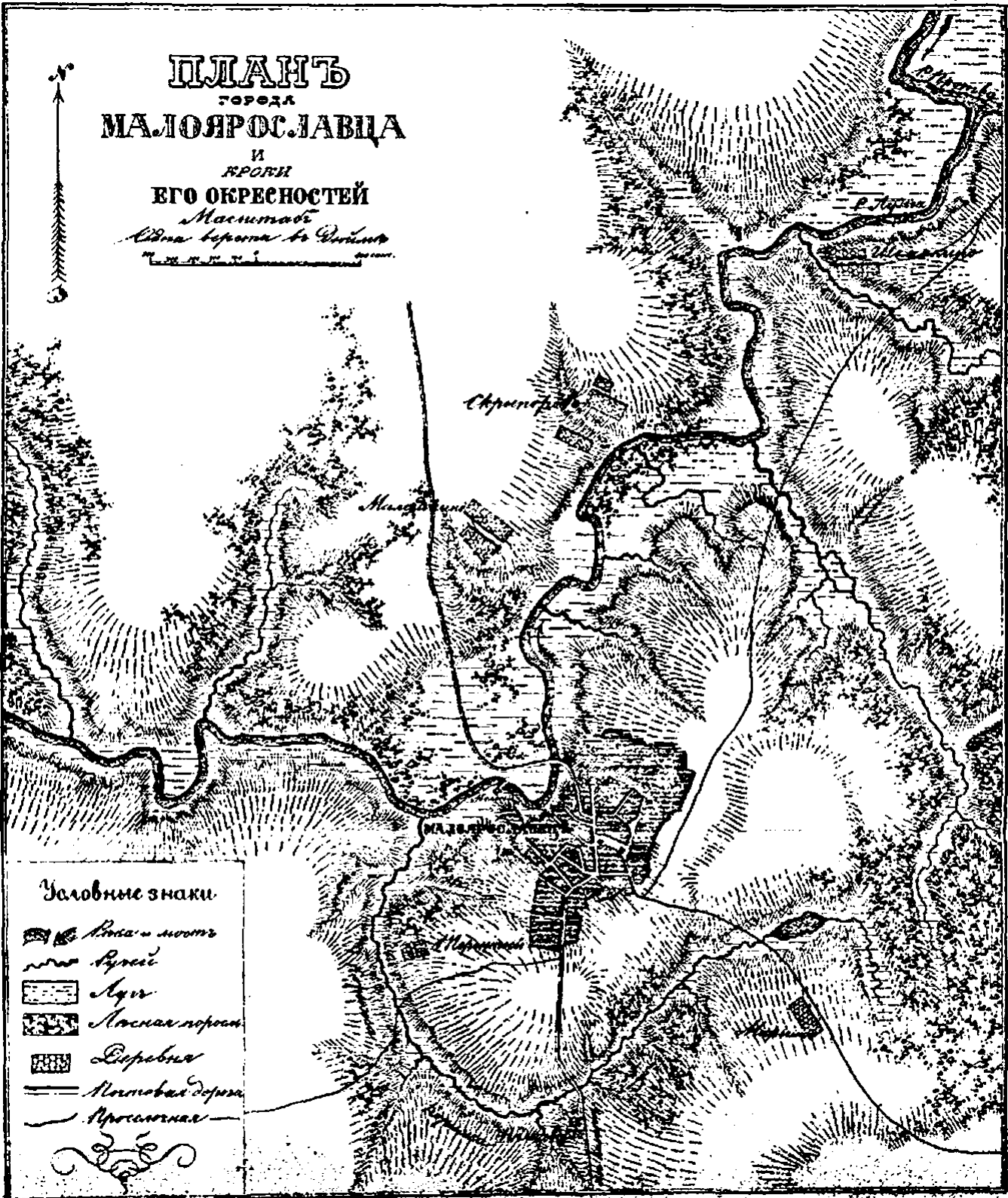
**.) Для болѣе нагляднаго пониманія послѣдующихъ событій прилагается при семъ планъ г. Малоярославца и окрестностей, снятій, по вашей просьбѣ, съ карты поручикомъ запаса арміи, нынѣ вольнослушателемъ Харьковскаго университета В. А. К. Планъ этотъ, какъ убѣдите каждый, при его внимательномъ разсмотрѣніи, отличается существенно отъ всѣхъ прежде снятыхъ, напримѣръ отъ плана, приложеннаго къ „Исторіи отечественной войны“ Богдановича. Мѣстность изображена на немъ болѣе ясно и отчетливо, а такія важныя линіи, какъ р. Корижа, не только начерчены, но названы поименно. Послѣ подробнаго обозрѣнія мѣстности г. В. А. К. прислалъ намъ слѣдующую замѣтку о позиціи Малоярославецкой: „В. Глинка справедливо замѣчаетъ, что „если-бы на крутизну горъ, на эти природою устроенныя стѣны крѣпости бросить 20, 30 пушекъ, поставить выше, вправо у переправы батарею, прикрыть дивизією штыковъ и встрѣтить такимъ порядкомъ непріятеля, то великая армія Наполеона, не затѣвая попытки овладѣть городомъ, должна-бы была искать себѣ другаго пути въ Калугу. Малоярославецъ былъ-бы не приступенъ“. Дѣйствительно, хотя Лужа не широка и не глубока, но мѣстность, впереди лежащая, дѣлаетъ переправу почти

Передъ самымъ городомъ, съ сѣверной стороны, течетъ рѣка Лужа, образуя большую, глубокую дугу, направленную своею выпуклою стороною къ городу. Круто и обрывисто подымается южный берегъ рѣки; на высотахъ его, изрѣзанныхъ оврагами, расположенъ городъ. За городомъ возвышенности тянутся далѣе на югъ, образуя обширное и открытое плато; еще далѣе на югъ, на самомъ краю горизонта тянутся обширные лѣса. Замѣчательно, что ни французы, ни русскіе не сумѣли воспользоваться выгодами этой мѣстности. Дельзонъ предупредилъ русскихъ подъ Малоярославцемъ, но вмѣсто того, чтобы занять городъ всѣми силами, онъ остановился съ своими войсками на сѣверномъ низменномъ берегу Лужи и отрядилъ въ Малоярославецъ только два слабыхъ баталіона. Уже ночью прибылъ къ Малоярославцу Платовъ съ 14 казачьими полками, но онъ не остановился у города, а двинулся вверхъ по Лужѣ и занялъ всѣ мѣста у бродовъ черезъ рѣку. За часъ до разсвѣта явился передъ городомъ Дохтуровъ съ значительными массами пѣхоты, конницы и сильною артиллеріею. Немедленно же атаковалъ онъ непріятельскіе баталіоны въ Малоярославцѣ и безъ труда вытѣснилъ ихъ изъ города; но и онъ въ свою очередь повторилъ ошибку только что сдѣланную непріятельскимъ генераломъ. Онъ не прогналъ даже непріятельскій авангардъ за Лужу, не занялъ города всѣми своими силами,

невозможною. Почти отъ самой рѣки поднимается рядъ значительныхъ возвышенностей съ весьма крутыми скатами, усѣянныхъ кустарникомъ и перерѣзанныхъ оврагами. Отъ самаго моста дорога идетъ направо отъ отдѣльной возвышенности почти съ отвѣсными скатами, или вѣрнѣе сказать—утесистаго кургана, называемаго городищемъ (см. планъ), что показываетъ, это мѣсто было самое падешное отъ непріятельскихъ нашествій, и что оно именно играло такую роль во времена татарскихъ погромовъ. Далѣе дорога поднимается въ гору подъ угломъ не менѣе 30—35°; съ одной ея стороны оврагъ, покрытый кустарникомъ, съ другой Черноостровскій монастырь съ рѣзкими каменными стѣнами, заключающимъ въ себѣ, кромѣ церкви, нѣсколько домовъ. Тактическая важность этого монастыря чрезвычайно велика. Дельзонъ понималъ это, и расположивъ въ немъ (во время боя) бригаду, отдалъ приказаніе не оставлять его даже въ томъ случаѣ, если-бы французскіе войска оттѣснены были за Лужу“. Изъ этого описанія, составленнаго очевидцемъ-наблюдателемъ, ясно, почему бой за Малоярославецъ отличался такимъ упорствомъ и при упущеніяхъ, сдѣланныхъ обѣими сторонами, не могъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ.

ПЛАНЪ ГОРОДА МАЛОЯРОСЛАВЦА И КРОВА ЕГО ОКРЕНОСТЕЙ

Масштабъ
Съдѣла Верста къ Верстамъ

Условные знаки

- Вода и болота
- Лѣсъ
- Луги
- Лѣсная поросль
- Луга
- Железнодорожная линия
- Дорога

Директоръ Общественнаго Школа, въ Крутецѣ.

а размѣстивъ въ Малоарославцѣ своихъ егерей, установился въ прикрытой рвами позиціи передъ городомъ. Дельзонъ спѣшилъ воспользоваться ошибкою своего противника: немедленно-же онъ двинулъ впередъ всю свою дивизию. Въ улицахъ Малоарославца загорѣлся отчаянный бой, но Дохтуровъ вмѣсто того, чтобы воспользоваться превосходствомъ силъ, вводитъ въ дѣло баталіонъ за баталіономъ, полкъ за полкомъ. Обѣ стороны скоро получили значительныя подкрѣпленія. Самъ вице-король поспѣшилъ на мѣсто боя; послѣдовательно двинулъ онъ противъ русскихъ дивизіи Бруссье и Пино. Съ другой стороны начали подходить къ Малоарославцу главныя силы Кутузова. Корпусъ Раевского, шедшій впереди, немедленно-же принялъ участіе въ дѣлѣ. Солнце подвинулось уже далеко за полдень, когда прибыли, наконецъ, главныя силы Кутузова; тотчасъ-же расположились они густыми массаами поперекъ Калужской дороги, всего лишь въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ города.

Между тѣмъ бой въ улицахъ Малоарославца *) кипѣлъ все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ и съ тѣмъ-же перемѣннымъ счастіемъ. Французы, подкрѣпляемые все новыми и новыми войсками, четыре раза вытѣсняли русскихъ изъ города, но едва только колонны ихъ выходили изъ улицъ города на плато, какъ русскіе встрѣчали ихъ убійственнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ и заставляли искать спасенія въ

*) Самый упорный бой происходилъ „у монастыря“. 19 егерскій полкъ, впереди котораго шелъ его полковой священникъ Васильковскій съ животворящимъ крестомъ въ рукахъ, вытѣснилъ непріятеля изъ средины города къ самому монастырю; обѣ стороны долго оспаривали небольшую площадь предъ его св. вратами. Генераль Дельзонъ, видя, что войска его, тѣплыми напими, спускаются къ мосту, кинулся впередъ, чтобы ободрить ихъ, и въ то самое время когда защищалъ упорно дефиле, ведущее къ рѣкѣ между монастыремъ и городищемъ, былъ смертельно пораженъ пулею въ голову; выскочилъ съ нимъ погибъ родной братъ его, бросившійся къ нему на помощь. Потеря вождя еще болѣе смѣшала французовъ: не удержась на горѣ, они стѣснились у монастырскихъ воротъ, ища укрыться за оградю; наши егеря ворвались туда же вслѣдъ за ними и штыками и грудью сбрасывали непріятеля въ ровъ. Въ этой-то ужасной свалкѣ сотни выстрѣловъ напечатлѣлись на св. вратахъ, вокругъ св. лика Христа Спасителя“. См. „Историческое описаніе Малоарославцаго Черноостровскаго Николаевскаго общежительнаго монастыря“. Составилъ І. Д. С.-Петербургъ, 1863 г., стр. 63—64.

поспѣшномъ отступленіи. Въ свою очередь русскіе, вытѣснивъ непріятеля изъ города и достигнувъ высокаго берега Лужи, подвергались убійственному огню французской артиллеріи и, ослабленные имъ, принуждены были отступать передъ новыми ожесточенными атаками непріятеля. Такимъ образомъ, условія мѣстности заставляли противниковъ драться почти исключительно въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ Малоярославца, выбивать другъ друга изъ домовъ, садовъ и огородовъ. Этотъ бой происходилъ при самыхъ страшныхъ условіяхъ. Дома и другія постройки вскорѣ загорѣлись, улицы были завалены грудами труповъ убитыхъ и раненыхъ. Артиллерія могла двигаться только по этимъ мостамъ живаго и мертваго человѣческаго мяса *). Старые французскіе солдаты, хорошо понимавшіе, что отъ исхода боя зависитъ спасеніе всей арміи, дрались съ неслыханнымъ ожесточеніемъ; но наши молодые солдаты, по большей части рекруты, воодушевляемые своими офицерами, не уступали имъ въ отчаянномъ мужествѣ. Разстрѣлявъ всѣ патроны, противники вступали въ рукопашный бой, дрались штыками, прикладами, душили другъ друга, сталкивали въ обрывы. Солдаты, засѣвшіе въ домахъ и окруженные со всѣхъ сторонъ, нерѣдко погибали въ пламени. Такая-же ужасная участь постигла и сотни раненыхъ.

Къ вечеру счастье начало, повидимому, склоняться окончательно на сторону русскихъ. Подкрѣпленные 27 и 3 пѣхотною дивизіею, войска Дохтурова послѣ отчаянныхъ усилій еще разъ вытѣснили непріятеля изъ улицъ Малоярославца и проникли до самаго моста чрезъ Лужу. Тогда вице-король, къ которому начали подходить въ это время другіе корпуса французской арміи, рѣшился пустить въ дѣло свои послѣдніе резервы, итальянскую гвардію. Онъ самъ сталъ во главѣ этого отборнаго отряда. Ободренные его примѣромъ и словами, остатки дивизій Дельзона, Брусье и Пино вновь ринулись въ атаку. Русскіе не могли устоять противъ этого отчаяннаго на-

**) „Когда французы послѣ долгихъ, напрасныхъ усилій завладѣли наконецъ городомъ, тогда можно было пустить въ ходъ артиллерію. Она прошла черезъ Малоярославецъ по грудамъ мертвыхъ и умирающихъ, раздробляя ихъ самымъ ужаснымъ образомъ“. Шамбре. Т. II, стр. 333.

тиска. Въ пятый разъ горящія, залитыя кровью развалины Малоюрославца перешли въ руки французовъ. Увлеченные успѣхомъ, непріятельскія колонны выступили на открытое плато и бросились съ штыками въ рукахъ на русскія батареи *). Уже они приближались къ орудіямъ, не смотря на залпы картечью, выносившіе цѣлые ряды, какъ вдругъ глубокой оврагъ остановилъ ихъ стремительный натискъ. Поражаемые отовсюду смертоноснымъ огнемъ, итальянцы и французы начали отступать, ряды ихъ смѣшались; въ этотъ моментъ бросилась на нихъ русская конница и обратила ихъ въ полное бѣгство. Русскіе гнали за французами до самыхъ улицъ Малоюрославца, но наступившая темнота не дозволила имъ предпринять новой попытки вытѣснить непріятеля изъ города **).

Такъ окончился достопамятный бой при Малоюрославцѣ. Съ обѣихъ сторонъ введено было въ дѣло приблизительно по 25000 человѣкъ; и съ той и съ другой легло на мѣстѣ около 5000 человѣкъ. Побѣда осталась на сторонѣ французовъ,—по крайней мѣрѣ поле битвы осталось въ ихъ рукахъ. Войска вице-короля расположились бивуакомъ среди дымящихся раз-

*) Это послѣднее отчаянное усиліе непріятеля описано подробно у Сегюра. Курьезно заключеніе этого автора: „Такъ побѣдили 18,000 итальянцевъ и французовъ, собранныхъ въ глубинѣ рва, 50,000 русскихъ, расположенныхъ надъ ихъ головами и поддерживаемыхъ всеми препятствіями, которыя можетъ представить городъ, погресенный на крутомъ откосѣ“. Сегюръ. Т. II, 124. Всѣ другіе французскіе авторы, за исключеніемъ ярыхъ панегиристовъ Наполеона, далеки отъ подобнаго хвастовства.

**) Ужасны были послѣдствія боя для несчастнаго города. Изъ 200 домовъ уцѣлѣло лишь 20. Церкви были сожжены и ограблены. Никольскій монастырь также потерялъ значительно: церковь ограблена, деревянное строеніе выжжено; особенно-же пострадали каменные въѣздыя ворота, на фронтѣ которыхъ не задолго до непріятельскаго нашествія былъ изображенъ по извести ликъ Спасителя. Все вокругъ него въязвлено картечными и ружейными пулями, но ни одна изъ нихъ не коснулась Божественнаго изображенія, какъ-бы въ знаменіе того, что Спаситель рода человѣческаго обратилъ лице Свое въ день брани къ намъ, уповающимъ на милость Его, и сокрушилъ мышцы на ся уповающихъ. Всѣ улицы города представляли груды пепла и развалинъ. Окрестность, окровавленная площадь, улицы—все было усеяно мертвыми тѣлами. Ужасно было взглянуть на монастырскій ровъ, заваленный трупами людей и лошадей. См. „Историческое описаніе Малоюрославца и Черноостровскаго монастыря“. Составилъ I. I. С.-Петербургъ, 1863 г., стр. 62 и слѣдующія.

валищъ Малоярославца; двѣ дивизіи изъ корпуса Даву, Жерара и Компана переправились черезъ Лужу и расположились бивуакомъ въ открытомъ полѣ — одна на право, другая на лѣво отъ города; наконецъ, кавалерія Мюрата, прибывшая лишь поздно вечеромъ, прошла черезъ Малоярославецъ и расположилась впереди его *), насупротивъ русскихъ позицій.

Съ своей стороны Кутузовъ послѣ потери города не счелъ удобнымъ оставлять всю армію въ виду бивуакирующаго непріятели. Только одинъ Милорадовичъ съ 2-мъ и 3-мъ пѣхотными корпусами и съ кавалеріею Корфа и Васильчикова остался на прежнемъ мѣстѣ въ виду Малоярославца; вся остальная армія отошла на 2½ версты назадъ и заняла удобную оборонительную позицію на рѣчкѣ Корижѣ **).

Наполеонъ посѣтилъ вечеромъ поле сраженія, но онъ обѣзжалъ его далеко не съ такими чувствами, какъ поприща своихъ прежнихъ триумфовъ. Его смущало не столько участь раненыхъ, которыхъ приходилось бросить на произволъ судьбы, сколько сознаніе всей тяжести понесенной имъ потери, а еще болѣе тяжелое предчувствіе, что эта страшная жертва была принесена совершенно бесполезно, что легко можно-бы было избѣжать этой бессмысленной рѣзни. И въ самомъ дѣлѣ, потеря 5000 лучшихъ солдатъ значила для Наполеона гораз-

*) О пришествіи части кавалеріи Мюрата свидѣтельствуетъ очевидецъ и участникъ событія, полковникъ Кальпрейтъ. Французскіе писатели, не исключая и Шамбре, игнорируютъ этотъ фактъ. См. Bernhardt, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 248.

**) В. А. К. въ письмѣ, присланномъ имъ, такимъ образомъ описываетъ позицію на Корижѣ: „Богдановичъ говоритъ, что Кутузовъ расположилъ послѣ сраженія свои главныя силы въ 2½ верстахъ отъ города на Калужской дорогѣ въ крѣпкой позиціи, но не обозначаетъ точно этой позиціи. Изъ другихъ авторовъ мы узнаемъ, что Кутузовъ отвелъ свои войска за Корижу. Корижа находится дѣйствительно въ 2½ верстахъ къ югу отъ Малоярославца. Вытекая изъ небольшого озера къ сѣверу отъ деревни Марьяина, она обтекаетъ въ видѣ дуги г. Малоярославецъ съ южной и западной стороны, пересѣкаетъ у деревни Нѣмцово новую Калужскую дорогу и впадаетъ въ Лужу выше Малоярославца, неподалеку отъ деревни Терентьево. Корижа это не столько рѣчка, сколько глубокой оврагъ, на днѣ котораго протекаетъ небольшой ручей. Она ограничиваетъ собою съ юга Малоярославецкое плато; за нею, по направленію къ Калугѣ, мѣстность вновь возвышается. Берега оврага очень круты, изрѣзаны и поросли кустарникомъ. Трудно представить себѣ позицію, болѣе удобную для обороны“.

до болѣе, нежели такая-же потеря для русскихъ. И какъ легко было избѣжать этой потери! Стоило лишь пойти изъ Москвы прямо по новой Калужской дорогѣ, не тратить время на фланговое движеніе по непроходимымъ проселочнымъ дорогамъ, идти какъ можно скорѣе и ради спасенія арміи пожертвовать большею частью обоза и добычи. А теперь? Малоярославецъ былъ взятъ цѣною страшныхъ потерь, но путь на Калугу оставался по прежнему загражденнымъ. Вся русская армія, превосходявшая уже теперь численностью французскую, стояла на немъ, и все заставляло думать, что Кутузовъ не оставитъ своей позиціи безъ рѣшительнаго боя. А чѣмъ кончится этотъ бой? Во всякомъ случаѣ онъ страшно ослабитъ великую армію и приведетъ ее на край гибели.

Полный самыхъ мрачныхъ мыслей, Наполеонъ оставилъ поле сраженія и немедленно направился въ сосѣднее селеніе Городню, гдѣ приготовлена была для него квартира *). Побѣдителю полуміра пришлось помѣститься въ полуразрушенной **), вонючей лачугѣ бѣднаго ткача. Здѣсь въ мрачной и грязной горницѣ должна была рѣшиться судьба великой арміи и ея вождя. Первые часы ночи прошли въ чтеніи и выслушиваніи докладовъ начальниковъ частей; всѣ доносили, что непріятель видимо готовился на слѣдующій день къ генеральному сраженію. Чтобы провѣрить эти показанія, Наполеонъ послалъ маршала Бессьера осмотрѣть русскія позиціи ***).

Въ 11 часовъ маршалъ возвратился; онъ засталъ императора въ обществѣ Бертье и Мюрата, молчаливаго, погруженнаго въ глубокія думы. Бессьеръ доложилъ, что онъ тщательно осмотрѣлъ весь фронтъ русской позиціи и что онъ находитъ ее неприступною. „О, небо! воскликнулъ Наполеонъ, складывая на груди руки, такъ-ли, хорошо-ли осмотрѣли?—отвѣчайте!“ Бессьеръ повторилъ свои слова: „триста гренадеровъ, добавилъ онъ, могутъ остановить на ней цѣлую армію“.

*) Въмѣстѣ съ Наполеономъ возвратилась въ Городню и его гвардія. Городня лежитъ на пути къ Боровску.

**) Такъ свидѣтельствуетъ Сегюръ, т. II, стр. 126; Шамбре говоритъ просто о крестьянской избѣ. Т. II, стр. 384.

***) О посылкѣ Бессьера говоритъ подробно Сегюръ. Т. II, стр. 126.

Лицо императора поблѣднѣло. Досада, явное недовольство самимъ собою мучили его. „И такъ его армія выдержала побѣдоносный бой, а онъ самъ побѣжденъ. Дальнѣйшій путь отрѣзанъ ему; его маневръ разстроенъ. Кутузовъ, этотъ старикъ, этотъ скифъ, предупредилъ его! И онъ не въ правѣ обвинять свою звѣзду. Солнце Франціи развѣ не послѣдовало за нимъ въ Россію? Еще вчера путь черезъ Малоярославецъ былъ свободенъ. Счастіе не измѣнило ему, онъ самъ измѣнилъ своему счастью“ *).

Императоръ усѣлся у грязнаго стола; передъ нимъ была разостлана карта Россіи. Помолчавъ немного, онъ началъ говорить о перемѣнѣ, вызванной во всемъ положеніи дѣлъ прибытіемъ Кутузова; но вдругъ онъ умолкъ, взялся обѣими руками за голову и, опершись локтями на столъ, погрузился въ глубокое раздумье. Прошло болѣе часу; императоръ оставался все въ томъ-же положеніи; его глаза направлены были на карту, онъ какъ будто забылъ о присутствіи своихъ сподвижниковъ. Бессьеръ, Мюратъ и Бертье хранили молчаніе; они догадывались, какая страшная борьба кипитъ въ душѣ ихъ повелителя, и терпѣливо дожидались исхода. Наконецъ императоръ очнулся. Онъ всталъ съ своего мѣста и объявилъ маршаламъ, что увѣдомить ихъ рано утромъ о своемъ рѣшеніи **).

Но и на другой день Наполеонъ медлилъ рѣшеніемъ. Извѣстіе, что непріятельская кавалерія показалась на его правомъ флангѣ, по дорогѣ въ Медынь, усилило еще болѣе его колебанія и раздумье. Русскіе уже отрѣзали ему прямой путь на

*) Весь этотъ монологъ находится у Сегюра, т. II, стр. 127. Быть можетъ, онъ и вымышленъ, но онъ соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе положенію Наполеона въ этотъ моментъ.

**) Эта знаменитая сцена описана подробно самымъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ, Шамбре, т. II, стр. 134. Отпустивъ генераловъ, Наполеонъ послалъ приказъ маршалу Даву стать въ авангардѣ и увѣдомилъ его, что утромъ онъ приблизится къ нему со всею арміею. Тогда-же посланъ былъ приказъ Нэю расположиться съ двумя своими дивизіями между Боровскомъ и Малоярославцемъ. Всѣ эти распоряженія показываютъ, что Наполеонъ думалъ дать сраженіе на слѣдующій день. Остатокъ ночи императоръ провелъ, по словамъ Сегюра, крайне безпокойно. Онъ то ложился, то вставалъ, постоянно звалъ къ себѣ кого-нибудь. Сегюръ. Т. II, стр. 128.

Калугу; теперь они собираются отрѣзать ему болѣе удобный и не разоренный путь къ Смоленску на Медынь, Юхновъ и Ельню. Эта новая опасность крайне встревожила его. Еще разъ созвалъ онъ своихъ генераловъ на военный совѣтъ *). Приглашены были король Неаполитанскій, Бессьеръ и графъ Лобау. Императоръ открылъ совѣщаніе такими словами: „Неприятель, кажется, не намѣренъ отступать и намъ предстоитъ сраженіе. Въ виду положенія арміи слѣдуетъ-ли намъ принять бой или же уклониться отъ него?“ Бессьеръ и Мюрать отвѣчали, что армія разобьетъ несомнѣнно русскихъ, тѣмъ болѣе, что регулярная русская армія уже уничтожена въ битвѣ подъ Москвою, и что у русскихъ нѣтъ другихъ солдатъ, кромѣ ополченцевъ и рекрутъ. Но сраженіе, добавили они, разстроитъ окончательно нашу армію; наши кавалерійскія и артиллерійскія лошади и безъ того уже погибли большею частью; чѣмъ-же замѣвимъ мы новую потерю; намъ придется бросить нашихъ раневыхъ. „Опасно и рисковано при такомъ положеніи дѣль продолжать движеніе къ Калугѣ, гораздо лучше отступить на Смоленскъ“. А вы какого мнѣнія? обратился императоръ къ графу Лобау. „Государь, я полагаю, что мы должны возвратиться на Нѣманъ кратчайшимъ и извѣстнѣйшимъ намъ путемъ черезъ Можайскъ, и притомъ какъ можно скорѣе **). Эти послѣднія слова графъ повторилъ нѣсколько разъ съ особымъ удареніемъ. Наполеонъ былъ страшно потрясенъ словами Лобау Могила его арміи, его славы, его самого, вдругъ открылась предъ нимъ. Онъ отвернулся отъ своихъ совѣтниковъ. „Мнѣ надо осмотрѣть еще разъ поле битвы! Прикажите подать лошадей“. И императоръ быстрыми шагами вышелъ изъ горницы.

Онъ вновь направился къ полю битвы. Медленно ѣхалъ онъ по лугу, окаймлявшему сѣверный берегъ Лужи; лишь немногіе офицеры слѣдовали за нимъ, его конвой далеко отсталъ отъ него. Императоръ находился въ тылу своей арміи; онъ

*) Подробности объ этомъ военномъ совѣтѣ находятся у Гурго. См. также Бернгарди. Т. II, стр. 251.

***) „le plus promptement possible“.

долженъ былъ находить себѣ путь среди массы артиллерійскихъ и транспортныхъ фуръ, повозокъ и экипажей всякаго рода. Вдругъ невдалекѣ отъ него поднялась тревога. Какіе-то всадники появились внезапно, какъ будто выросли изъ земли. То были казаки Платова. Еще ночью они переправились чрезъ рѣку, прокрались незамѣтно къ Боровской дорогѣ и вдругъ съ дикимъ крикомъ бросились на французскую батарею, направлявшуюся къ Малоярославцу. Непріятели, захваченные въ расплохъ, бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ. Объятые паническимъ страхомъ, они бросали орудія, фуры. Казаки захватили 11 орудій, массу добычи; они могли-бы взять въ плѣнъ самого Наполеона, но обычная страсть къ грабежу испортила все дѣло. Гоняясь за маркитантами и обозными фурами, казаки разсѣялись по всему лугу и дали возможность Наполеону ускользнуть отъ неминуемой бѣды *).

Возвратясь изъ своей рекогносцировки, императоръ еще разъ собралъ военный совѣтъ. Кромѣ Мюрата, Бертье и Бессьера онъ пригласилъ еще Даву и вице-короля Евгенія. Первый заговорилъ на этотъ разъ Мюратъ. Въ противоположность своему вчерашнему мнѣнію онъ выступилъ вдругъ сторонникомъ самаго рѣшительнаго, смѣлаго образа дѣйствія. Пусть обвиняютъ его въ безумствѣ. Война измѣняетъ все, она даетъ каждому дѣлу свое имя. Тамъ, гдѣ нѣтъ иного пути, кромѣ нападенія, мудрость обращается въ безразсудство, а безразсудство въ мудрость. Останавливаться невозможно, бѣжать опасно,—слѣдовательно надо идти впередъ. Что значать эти грозныя русскія позиціи, эти непроходимые лѣса? Онъ презираетъ ихъ. Пусть дадутъ ему остатки его кавалеріи и кавалерію гвардіи, и онъ бросится въ эти лѣса, опрокинетъ эти баталіоны и откроетъ арміи дорогу въ Калугу.

Наполеонъ далъ выговориться пылкому Неаполитанскому королю. „Довольно безразсудной дерзости“, возразилъ онъ ему холодно и мрачно, „уже достаточно сдѣлано для славы; те-

*) Этотъ случай, самъ по себѣ не важный, показываетъ, однакоже, что форпостная и развѣдочная служба пришли уже въ это время въ французской арміи въ крайній упадокъ. Наполеонъ оставилъ къ тому же безъ всякаго прикрытія всю мѣстность на своемъ правомъ флангѣ. См. Шамбре, т. II, стр. 336.

перь пора подумать о спасеніи остатковъ арміи“. Дошла очередь до Бессьера. „Для подобныхъ усилій не хватитъ силы даже въ гвардіи“, замѣтилъ онъ, возражая Мюрату. „Уже теперь говорятъ, что за недостаткомъ транспортныхъ средствъ раненый побѣдитель достается въ добычу побѣжденному, что всякое раненіе теперь смертельно. И такъ солдаты не охотно послѣдуютъ за Мюратомъ. И на какую позицію, противъ какихъ непріятелей собирается онъ вести ихъ? Развѣ вы не видѣли вчерашняго поля сраженія, развѣ забыли, съ какою яростью бросались на встрѣчу смерти русскіе рекруты, только что обмундированные и вооруженные?“ Маршалъ окончилъ свою рѣчь словами, „что въ отступленіи заключается единственное спасеніе арміи“. Наполеонъ ничего не возражалъ противъ этого роковаго слова; онъ, видимо, одобрялъ его своимъ молчаніемъ.

Но возникалъ вопросъ, какимъ путемъ должно совершиться это отступленіе, прямымъ-ли на Можайскъ, или болѣе обходнымъ на Медынь. Герцогъ Экмюльскій (Даву) высказался въ пользу послѣдняго направленія, но Мюратъ началъ съ жаромъ возражать ему. Онъ выразилъ изумленіе, какъ отваживаются дѣлать императору подобныя предложенія. Неужели Даву покліялся погубить армію? Какимъ образомъ хочетъ онъ направить такую длинную и тяжелую колонну безъ проводниковъ на дорогу совершенно неизвѣстную, отрывающую нашъ флангъ ударамъ непріятеля? Кто прійметъ на себя его защиту? Не самъ-ли Даву! Для чего отвергать единственный путь къ спасенію—дорогу безопасную, на Можайскъ, черезъ Верею. Тамъ уже собраны съѣстные припасы, тамъ все намъ извѣстно, тамъ ни одинъ измѣнникъ не можетъ свести насъ съ настоящаго пути.

При этихъ словахъ Даву, пылая гнѣвомъ, не въ состояніи былъ сдерживать себя долѣе. „Я предлагаю, сказалъ онъ, отступать черезъ страну плодосную, по пути дѣвственному, обильному, нетронутому; къ тому-же путь этотъ короче пути на Верею, и непріятель можетъ воспользоваться имъ, чтобы предупредить насъ въ Можайскѣ. А путь на Верею, это путь, идущій по пескамъ и грудамъ пепла; по немъ тянутся транспорты съ ранеными, они увеличатъ наши затрудненія; мы не

встрѣтимъ тамъ ничего кромѣ развалинъ, слѣдовъ крови, скелетовъ и голода. Я долженъ былъ, впрочемъ, подать мой голосъ, такъ какъ этого требовали отъ меня; я буду повиноваться приказу противному моему мнѣнію съ одинаковымъ рвеніемъ, но лишь одинъ императоръ имѣетъ право заставить меня молчать, а не Мюрать, который не мой государь и никогда не будетъ имъ“ *).

Споръ между королемъ и маршаломъ грозилъ принять самый скандальный характеръ; никогда еще не происходило подобной сцены въ присутствіи императора. Въ былое время Наполеонъ не потерпѣлъ-бы ни минуты подобнаго тона, подобныхъ рѣчей въ своемъ присутствіи. Теперь онъ отнесся къ нимъ съ полнѣйшимъ безучастіемъ. Погруженный въ свои мысли, поглощенный страшною борьбою съ самимъ собою, онъ даже не вслушивался въ горячія рѣчи спорившихъ. Да и о чемъ шелъ споръ? О направленіи отступленія. Но развѣ въ этомъ второстепенномъ вопросѣ заключался весь ужасъ положенія Наполеона? Онъ заключался въ самой идеѣ отступленія! Наполеонъ сознавалъ очень хорошо всю необходимость отступленія; онъ понималъ, что съ 60000 человѣкъ, безъ кавалеріи, немыслимо побѣдить 90000 отчаянныхъ непріятелей; онъ зналъ, что въ предстоящей битвѣ всѣ нравственныя преимущества будутъ на сторонѣ русскихъ, что даже сама побѣда погубитъ въ концѣ концовъ его армію; онъ отлично зналъ все это, но въ то же время онъ чувствовалъ, какія страшныя послѣдствія повлечетъ за собою отступленіе, и внутренній голосъ шепталъ ему, что отступая, онъ поведетъ себя и армію въ отверстую, безславную могилу.

Онъ закрылъ военный совѣтъ, не выразивъ ни однимъ словомъ своего конечнаго рѣшенія **) Еще разъ взглянулъ онъ на поле сраженія, на открытую, безграничную даль, разстилающуюся передъ нимъ. Какъ, неужели здѣсь, у этого городка, превращеннаго въ груды развалинъ, на этомъ обширномъ

*) Всѣ эти подробности у Сегюра. Т. II, стр. 134, 138.

**) Онъ закрылъ совѣтъ такими словами: „Хорошо господа! Я рѣшу самъ“. Сегюръ. Т. II, стр. 137.

плато, предъ этими невзрачными сѣверными лѣсами, должно остановиться покореніе міра, долженъ пресѣчься двадцати-лѣтній путь побѣдъ и славы, — неужели здѣсь счастье впервые отварачивается отъ него, и звѣзда его меркнетъ? О, эта мысль слишкомъ чудовищна, черезчуръ невѣроятна! Развѣ нѣтъ иного исхода, развѣ его геній не найдетъ на этотъ разъ иного спасительнаго пути? Нѣтъ! Всѣ доводы разума и военнаго искусства громко говорятъ въ пользу отступленія; самыя безстрашныя и холодныя, какъ Даву, самыя вѣрныя и слѣпо вѣрующіе въ его побѣдоносную звѣзду, какъ Евгенийъ, говорятъ отступать, или мы погибнемъ. Да и самъ онъ думаетъ точно также. Его разумъ ведетъ упорную борьбу съ его чувствомъ. Въ этой страшной борьбѣ таютъ, какъ свѣтъ, его гигантскія силы. Онъ падаетъ въ обморокъ, подобно женщицѣ, онъ теряетъ на нѣсколько моментовъ сознаніе *). Но вотъ онъ очнулся, и ему доносятъ, что у Боровска, въ нѣсколькихъ миляхъ позади его арміи, появились казацкіе развѣзды. Это извѣстіе, само по себѣ ничтожное, разрѣшаетъ его сомнѣніе, приводитъ къ концу его внутреннюю борьбу. То былъ послѣдній, слабый толчекъ, толкнувшій его на путь гибели **). Онъ не колеблется болѣе, онъ отдаетъ приказъ отступать на Смоленскъ, и притомъ кратчайшимъ путемъ на Верею и Можайскъ ***).

*) Cet effort fut si penible, il conta tant à sa fierte, que, dans combat interieur, il perdit l'usage de ses sens". Сержуръ. Т. II, стр. 138. Другіе авторы ничего не говорятъ, впрочемъ, объ этомъ состояніи императора.

***) Ceux que le secoururent on dit que le rapport d'une autre echauffourés de cosacks vers Borowsk, a quelques lieus derriere l'armée, fut le faible et dernier choc qui acheva de le determiner a cette funeste resolution". Сержуръ. Т. II, стр. 138.

***) Французскіе писатели извѣстнаго лагеря увѣряютъ насъ, что Наполеонъ лишь потому не отважился на генеральное сраженіе подъ Малоярославцемъ, что не желалъ подвергнуть гибели тысячи своихъ раненыхъ, транспортировать которыхъ онъ не имѣлъ никакой возможности. Мы уже знаемъ, какъ относился Наполеонъ къ жертвамъ своихъ войнъ, а потому и не можемъ придать подобнымъ объясненіямъ ни малѣйшей цѣны. У Наполеона были совершенно другія причины, побудившія его уклониться отъ рѣшительной битвы. Не говоря уже о нравственныхъ моментахъ, численный перевѣсъ былъ въ это время рѣшительно на сторонѣ русскихъ. У Наполеона сосредоточено было подъ Малоярославцемъ 63,000 пѣхоты, тогда какъ число русской пѣхоты доходило до 90,000 тысячъ. Конница Наполеона находилась въ самомъ жалкомъ состояніи, у русскихъ была отличная

Въ то время, когда великій завсеватель переживалъ страшную внутреннюю борьбу и самъ принужденъ былъ произнести столь необычное для него и роковое слово „отступленіе“, въ русской главной квартирѣ происходили не менѣе странныя и достопамятныя сцены. Позиція, занимаемая русскою арміею на берегу рѣчки Корижи, была настолько крѣпка, что никто ни на минуту не сомнѣвался въ возможности отразить здѣсь побѣдоносно всѣ нападенія. Самъ фельдмаршалъ былъ, повидимому, такого-же мнѣнія. Еще въ одиннадцать часовъ вечера онъ объявилъ собравшимся генераламъ, что онъ твердо намѣренъ противостать здѣсь Наполеону и рѣшить судьбу непріятеля генеральнымъ сраженіемъ *). Въ числѣ присутствующи-

и многочисленная кавалеріи. Въ артиллеріи замѣчалось также большое неравенство силъ. У Наполеона было подъ Малоярославцемъ всего 360 орудій (остальныя орудія находились при корпусахъ Нзя, Мортъе и Понятовскаго, которые не могли принять участія въ сраженіи), у русскихъ насчитывалось 622 орудія. Этого мало. Упряжныя лошади французской артиллеріи находились въ такомъ печальномъ состояніи, что французскія батареи могли стрѣлять съ позиціи, но не въ состояніи были маневрировать и передвигаться быстро съ мѣста на мѣсто. Наконецъ не только артиллерія, но и пѣхота великой арміи снабжены были зарядами всего лишь на одно сраженіе. Итакъ, Наполеонъ имѣлъ весьма основательныя причины уклониться отъ рѣшительнаго боя подъ Малоярославцемъ. Иной вопросъ, почему не рѣшился Наполеонъ обойти позицію Кутузова на Корижѣ и двинуться на Медынь, Юхновъ и Ельню;—почему не рѣшился онъ сдѣлать этого даже тогда, когда Кутузовъ началъ отступать къ Калугѣ? Чтобы оправдать Наполеона, замѣчали, что въ такомъ случаѣ Кутузовъ могъ-бы преградить ему дорогу у Массальска, но Кутузовъ навѣрное не сдѣлалъ-бы этого. Изъ донесенія его государю и изъ другихъ данныхъ мы знаемъ, что Кутузовъ заботился исключительно о прикрытіи Калуги. Если-бы непріятельская армія показала у Юхнова, то Кутузовъ по всей вѣроятности успѣшилъ-бы занять дорогу отъ этого города въ Калугѣ у Знаменскаго и ни въ какомъ случаѣ не пошелъ-бы къ Массальску. Да, наконецъ, если-бы Наполеонъ принималъ въ соображеніе такія возможности, то почему-же не имѣлъ онъ въ виду, что Кутузовъ могъ предупредить его и на старой Смоленской дорогѣ подъ Вязьмою? Въ дѣйствительности Наполеонъ и не взвѣшивалъ даже серьезно возможности пойти на Медынь. Въ непонятномъ ослѣпленіи онъ не видѣлъ иного выбора кромѣ прямого пути на Калугу или возвращенія на старую Смоленскую дорогу. Въ этомъ ослѣпленіи заключалась главная причина гибели его полчищъ. См. между прочимъ Бертигарди. Т. II, стр. 251, 261.

*) Въ такомъ смыслѣ доносилъ Кутузовъ и императору: „Завтра, писалъ онъ, я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего ни подъ какимъ видомъ непріятеля въ Калугу не пушу“. См. Богдановичъ, т. III, стр. 48.

щихъ былъ и хорошо извѣстный намъ англійскій генераль Вильсонъ. Дружески пожимая руку Кутузова, онъ поздравлялъ его съ рѣшеніемъ, вполне достойнымъ и его характера, и дѣла, которое онъ призванъ защищать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ фельдмаршала забыть все прежнія недоразумѣнія и выражалъ надежду оказать съ своей стороны полезныя услуги въ предстоящемъ сраженіи. Кутузовъ отвѣчалъ не меньшими любезностями. Онъ заявилъ, что намѣренъ находиться съ Вильсономъ въ постоянныхъ сношеніяхъ во время сраженія, предлагалъ ему даже отдавать приказанія его именемъ *).

Генералы удалились въ полномъ убѣжденіи, что на другой день должно произойти рѣшительное сраженіе. Но намѣренія Кутузова вовсе не были такъ тверды, какъ казалось это на первый взглядъ, да и самая точка зрѣнія его на общее положеніе дѣла и на способъ дѣйствій противъ Наполеона была вовсе не такова, какъ большинства его совѣтниковъ и генераловъ. Не только такіе нахалы, какъ Вильсонъ, не только все наши боевые генералы, но и даже такіе высокообразованные офицеры и стратеги, какъ Ермоловъ, Толль, Коновницынъ, полагали, что отъ Наполеона нечего теперь опасаться какихъ либо наступательныхъ дѣйствій, что онъ думаетъ теперь лишь объ одномъ отступленіи, и притомъ путемъ наименѣе опаснымъ и гибельнымъ для его арміи. Исходя изъ такой общей точки зрѣнія, молодые совѣтники Кутузова полагали, что теперь настало время дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ противъ непріятели, отрѣзать ему все иныя пути отступленія кромѣ опустошенной Можайской дороги и преградить ему путь у Вязьмы. „Необходимо“, говорили они, „не только не выпускать его изъ Малоярославца на новую Калужскую дорогу, но и заградить ему болѣе окольный путь на Медынь. Совершенно иначе смотрѣлъ на положеніе и на планы непріятели Кутузовъ. Старый фельдмаршалъ не имѣлъ еще въ это время точныхъ свѣдѣній объ окончательномъ очищеніи Москвы французами. Положеніе непріятельской арміи далеко не казалось

*) Это послѣднее увѣреніе можетъ быть вымышлено хвастливымъ англичаниномъ. Wilson, Geheime Geschichte des Feldzug's von 1812 in Russland. Стр. 201.

ему такимъ безнадежнымъ, какъ его совѣтникамъ. Онъ справедливо думалъ, что если на сторонѣ непріятеля и не было теперь превосходства числа, но за то было другое, болѣе существенное преимущество—масса старыхъ, опытныхъ и закаленныхъ въ бояхъ солдатъ. Изъ опыта прежнихъ войнъ Кутузовъ вынесъ самое высокое мнѣніе о военномъ геніи Наполеона. Онъ самъ былъ убѣжденъ, что Наполеонъ занятъ въ настоящее время болѣе всего мыслью объ отступленіи и спасеніи своей арміи; но это убѣжденіе вовсе не исключало возможности, что императоръ французовъ могъ перейти при случаѣ и при первой-же оплошности противника къ наступленію. Не слѣдовало, по мнѣнію Кутузова, слишкомъ напирать на такого противника, какъ Наполеонъ, слишкомъ тѣснить его, доводить до отчаянія и тѣмъ самымъ вызывать съ его стороны, быть можетъ, опасныя и даже гибельныя для дѣла Россіи рѣшенія. Несравненно лучше вести противъ великаго полководца ту-же самую войну, которая примѣнялась до сихъ поръ на дѣлѣ съ такимъ успѣхомъ. Надо держаться системы строго-оборонительной, наносить противнику всевозможный вредъ при каждомъ удобномъ случаѣ, но избѣгать всякаго рѣшительнаго столкновенія съ нимъ. Время и пространство должны играть въ этой войнѣ и впредь такую-же роль, какую играли они въ ней сначала. Наполеонъ зашелъ уже глубоко внутрь Россіи и понесъ при Малоярославцѣ чувствительный уронъ; теперь можно завлечь его еще дальше, уступить ему въ случаѣ крайности Калугу, перейти за лѣвію Оки. Рано или поздно, и надо полагать, что скоро, силы его окончательно оскудѣютъ, и тогда волею или неволею онъ принужденъ будетъ повернуть назадъ. Тогда настанетъ время дѣйствовать, тогда наша армія, усилившись войсками Чичагова и Витгенштейна, пріобрѣтетъ несомнѣнное превосходство надъ противникомъ, тогда явится намъ на помощь и нашъ страшный союзникъ, русская зима. Такимъ способомъ гораздо легче и вѣрнѣе можно достигнуть конечной цѣли войны, истребленія непріятельской арміи, и что самое важное,—при такомъ образѣ дѣйствій мы сохранимъ массу драгоценной русской крови, которой пролито уже такъ много. „Не мудрено атаковать ихъ и разбить, говаривалъ старый

фельдмаршалъ, а надобно такъ разбить, чтобы было дешево для насъ“ *).

Стоя на такой почвѣ, имѣвшей свое разумное и глубокое основаніе, Кутузовъ принужденъ былъ вести постоянную борьбу съ противоположными мнѣніями своихъ совѣтниковъ. Иногда онъ изнывалъ въ этой борьбѣ, иногда онъ дѣлалъ уступки, но всегда возвращался тотчасъ-же къ своей первоначальной программѣ и умѣлъ провести ее до конца. Такъ случилось и подъ Малоярославцемъ. Кутузовъ какъ будто окончательно уступилъ требованіямъ своихъ окружающихъ и обѣщалъ дать на другой день генеральное сраженіе, но, распрощавшись съ генералами и обдумавъ вновь хорошенько все дѣло, онъ возвратился къ прежнему убѣжденію. „Французы, рассуждалъ онъ, оказали необычайное упорство въ только что окончившемся сраженіи, поле битвы осталось за ними, не смотря на героическія усилія нашей пѣхоты. Несомнѣнно, они могутъ драться съ такимъ-же упорствомъ и ожесточеніемъ и завтра; ихъ ветераны могутъ прорвать ряды нашихъ новобранцевъ. И тогда что? Наполеонъ вступитъ съ торжествомъ въ Калугу, а наша армія прійдетъ въ такое-же разстройство, какъ послѣ Бородина. У непріятели, быть можетъ, есть уже и другіе крайне опасныя для насъ планы. Сегодня получено извѣстіе отъ генерала Иловайскаго, что на Медынской дорогѣ показались значительныя непріятельскія силы; у Кременскаго произошло даже столкновеніе съ нашими казаками. Отъ генерала Кутейникова, дѣйствующаго въ тылу непріятели подъ Боровскомъ, получены важныя, перехваченныя имъ бумаги. Изъ нихъ видно, что непріятель собираетъ подробныя свѣдѣнія о дорогахъ между Медынью, Юхновымъ и Малоярославцемъ. Быть можетъ, Наполеонъ собирается обойти насъ этими обольными путями и захватить Калугу въ тылу нашей арміи. Въ виду всего этого бесполезно и опасно оставаться долѣе у Мало-

*) Само собою понятно, что Кутузовъ нигдѣ и никогда не высказывалъ подробно и систематически своего взгляда на способъ войны съ Наполеономъ. Пытаясь характеризовать въ общихъ чертахъ систему стараго фельдмаршала, мы имѣли въ виду всю совокупность его дѣйствій въ достопамятную кампанію 1812 г.

ярославца, — надо отступать дальше къ Калугѣ и расположиться на позиціи или у Детчина, или у Гончарова“ *).

Прійдя къ такому рѣшенію, фельдмаршалъ тотчасъ-же послалъ за Толлемъ и Коновницынымъ и сообщилъ имъ свое новое рѣшеніе, но понятно, что они не одобряли его и пытались склонить Кутузова въ пользу перваго рѣшенія **). Кутузовъ послалъ за Ермоловымъ, надѣясь встрѣтить у него поддержку своему мнѣнію, но и онъ рѣшительно высказался противъ отступленія. Онъ съ жаромъ доказывалъ, что со стороны Наполеона нечего опасаться наступательныхъ дѣйствій, что позиція не благопріятствуетъ ему, что на нашей сторонѣ и превосходство числа, и преимущество въ артиллеріи, что у насъ масса превосходной конницы, тогда какъ у непріятеля нѣтъ почти никакой. Въ заключеніе Ермоловъ заявилъ, что если уже отступать, то не по новой Калужской дорогѣ, а по дорогѣ на Медынь. „Какъ возможно это въ виду непріятеля?“ возразилъ Кутузовъ. Ермоловъ отвѣчалъ, что Платовъ взялъ-же непріятельскія пушки по ту сторону рѣчки Лужи. „Я люблю говорить съ тобою“, замѣтилъ Кутузовъ, „ибо никогда обстоятельства не представляются тебѣ въ худомъ видѣ“ ***). Понятно, что доводы Ермолова не могли разсѣять опасеній Кутузова. Самая позиція при Корижѣ казалась ему во многихъ отношеніяхъ неудобною, и, переговоривъ на счетъ ея съ полковникомъ Кроссаромъ, старый фельдмаршалъ рѣшилъ окончательна и безповоротно отступить.

*) Едва-ли можно согласиться съ Богдановичемъ и другими авторами, что Кутузовъ рѣшился отступить даже на югъ и пожертвовать даже Калугою, единственно изъ опасенія за свой лѣвый флангъ. Несомнѣнно, что въ рѣшеніи Кутузова гораздо болѣе имѣли значеніе общія соображенія, подробно развитыя нами въ текстѣ.

**) Vergebens, замѣчаетъ Бернгарди, widersprach Toll und bot alles auf ihn von diesem Entschluss zurück zubringen. Kutusow und sein Generalquartiermeister gingen eben von gar zu verschiedenen Ansichten aus. Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 225.

***) Ермоловъ, записки, т. I, стран. 236. Ермоловъ полагаеъ, что Кутузовъ самъ не ожидалъ нападешя со стороны Наполеона, что онъ соглашался съ разсужденіями его, Ермолова, но что тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ отступить. Ермоловъ не пытается объяснить такой странности.

Въ два часа утра Кутузовъ вновь потребовалъ къ себѣ генераловъ. Всѣ ожидали услышать о какой-то важной и неожиданной перемѣнѣ, и они не ошиблись. „Я получилъ извѣстія, объявилъ фельдмаршалъ, которыя побуждаютъ меня отказаться отъ моего намѣренія—удерживать позицію подъ Малоярославцемъ. Я предполагаю отступить за Корижу, чтобы сохранить сообщеніе съ Калугою и Окою“.

„Слова эти, утверждаетъ Вильсонъ, поразили всѣхъ присутствующихъ какъ громомъ“. Нѣкоторые и въ томъ числѣ, разумѣется, самъ Вильсонъ пытались возражать фельдмаршалу, указывали на опасность, съ которой будетъ соединено отступление въ темнотѣ и по узкой плотинѣ, особенно въ томъ случаѣ, если непріятель замѣтитъ наше движеніе и поведетъ на насъ атаку *). Вильсонъ, по собственному свидѣтельству, говорилъ и горячился больше всѣхъ. Подъ конецъ фельдмаршалъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣзко прервалъ его такими словами: „Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ возраженій. Я лучше построю непріятелю золотой мостъ, нежели подвергну себя опасности получить coup de collier **). Повторяю вамъ къ тому-же то, что говорилъ я вамъ уже раньше: я вовсе не убѣжденъ, что окончательное уничтоженіе императора Наполеона и его арміи принесетъ міру безусловное благодѣяніе. Его наслѣдство достанется не Россіи или какой-нибудь другой державѣ, а той державѣ, которая уже владычествуетъ на морѣ, и господство которой оказалось-бы невыносимымъ для всѣхъ“ ***).

Покончивъ объясненіе съ Вильсономъ, Кутузовъ отдалъ немедленно-же приказъ отступать. Мрачныя предсказанія Вильсона не оправдались. Не смотря на темноту ночи, отступление совершилось въ образцовомъ порядкѣ. Солдаты и офицеры, безусловно довѣрившіе своему главнокомандующему, без-

*) Эти опасенія не совсѣмъ для насъ понятны. Изъ осмотра мѣстности, сдѣланнаго В. А. К., оказывается, что въ тылу позиціи на Корижѣ нѣтъ никакихъ плотинъ или опасныхъ дефиле, что дорога идетъ по совершенно ровнымъ мѣстамъ и что она такъ широка и удобна, что по ней можетъ пройти цѣлый батальонъ развернутымъ фронтомъ.

***) Coup de collier--неоправимый ударъ.

***) См. Wilson, Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland. стр. 203.

ропотно подчинялись его распоряженіямъ. Войска двинулись по направленію къ Детчину тремя колоннами. Милорадовичъ остался съ значительною частью пѣхоты и съ 14 казачьими полками на прежней позиціи у Корижи. Изъ Детчина князь Кутузовъ доносилъ императору, что Наполеонъ пытается обойти нашу армію и достигнуть Калуги черезъ Медынь. „А по сему, писалъ онъ въ заключеніе, оставивъ сильный отрядъ подъ начальствомъ Милорадовича у Малоярославца, я отошелъ 14 сего октября къ Детчину“.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

Современное состояніе вопроса о соединеніи греческой Церкви
съ римскою съ точки зрѣнія римско-католическаго журнала

„L'UNIVERS“.

Въ № 1-мъ „L'Union Chretienne“ за настоящій годъ напечатана интересная корреспонденція, заимствованная этимъ журналомъ изъ римско-католическаго изданія „L'Univers“. Корреспонденція касается современнаго состоянія вопроса о соединеніи Церкви греческой съ латинскою и, по всей вѣроятности, принадлежитъ перу какого-либо вліятельнаго латинскаго патера или даже прелата. Корреспондентъ имѣлъ возможность наблюдать грековъ непосредственно, въ самомъ ихъ отечествѣ; а потому его сужденія о нихъ, при всей своей латинской ненависти и нетерпимости къ нимъ, даютъ читателю возможность болѣе или менѣе правильно рѣшить интересный вопросъ, т. е. вопросъ о возможности или невозможности въ наши дни церковнаго союза грековъ съ латинянами. Съ этою-то корреспонденціею и съ замѣчаніями на нее „L'Union Chretienne“ мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей.

Извѣстно, говоритъ „L'Union Chretienne“, въ предварительныхъ своихъ замѣчаніяхъ къ этой корреспонденціи, что двѣ Церкви, т. е. латинская и греческая или собственно византійская, послѣ различныхъ историческихъ переворотовъ, а также послѣ обрядовыхъ, каноническихъ и догматическихъ преребаній, всегда начинавшихся властолюбивымъ нашествіемъ и исходящимъ отъ него,—

окончательно раздѣлились вслѣдствіе постановленія папою Иннокентіемъ III, по завоеваніи Константинополя крестоносцами, своихъ латинскихъ епископовъ на апостольскихъ престолахъ Востока. Это папское распоряженіе вполне дѣлаетъ Иннокентія III единоличнымъ творцемъ церковной *схизмы* или окончательнаго расторженія союза между Востокомъ и Западомъ, потому что до этого времени между обѣими Церквями существовало лишь разногласіе, но не было еще раздѣленія.

Папскія епископства на Востокеѣ или вмѣстѣ съ скоротечнымъ завоеваніемъ крестоносцевъ; но папство всецѣло отдалось схизмѣ, и даже въ настоящее время назначаетъ епископовъ *in partibus infidelium* (въ страны невѣрныхъ), на кафедры, занятія несомнѣнно законными преемниками апостоловъ.

Итакъ папство произвело схизму. Своими послѣдовательно вводимыми новшествами, которыя оно украшало именемъ догматовъ и которыя „L'Union Chretienne“ не колеблясь называетъ по-просту ересями, папство ископало непроходимую бездну, отдѣляющую латинскую церковь отъ досточтимой Церкви восточной, всегда предлагавшей одно и тоже апостольское ученіе и всегда остававшейся вѣрною установленіямъ первенствующей Церкви, утвержденнымъ на семи вселенскихъ соборахъ.

Эти историческіе факты доказаны такъ ясно, такъ неопровержимо, что трудно даже понять, какимъ образомъ можно оспаривать ихъ. Предпославши эти общія соображенія, „L'Union Chretienne“ переходитъ къ ультрамонтанской корреспонденціи журнала „L'Univers“. Вотъ эта корреспонденція изъ Константинополя, или собственно изъ Перы:

„Греки всегда были, да и въ настоящее время остаются политиканами; они преслѣдуютъ често съ восточнымъ упрямствомъ великую идею панэллизма, т. е. домогаются возстановленія ново-византійской имперіи, съ первымъ императоромъ въ лицѣ безсильнаго аѳинскаго короля и съ столицею въ Константинополѣ. До самыхъ послѣднихъ годовъ, греки были искренними друзьями русскихъ и самыми дѣятельными агентами русскаго по-

литическаго вѣроломства въ Оттоманской имперіи (sic!). Въ то же время, наоборотъ, они были самыми страстными противниками западной политики въ Константинополѣ. Они надѣялись воспользоваться русскими и думали заставить ихъ служить успѣхамъ великой панэллинской идеи. Но ихъ продолжительная иллюзія разсѣялась наконецъ; они очень поздно узнали, что Россія работаетъ на Востокъ только для себя самой, а не для нихъ; что она никогда не позволитъ греческому королю взойти на императорскій тронъ возстановленнаго Константинополя. Не рассчитывая болѣе на Россію, они обратили свой взоръ на Западъ, надѣясь чисто съ восточнымъ упрямствомъ склонить на свою сторону Англію и Францію“.

„Вслѣдъ за Санъ-Стефанскимъ трактатомъ греки объявили себя самыми лучшими друзьями Англіи и Франціи; они льстили обѣимъ державамъ поочередно, и такимъ образомъ добились того, что грекамъ, вопреки всѣмъ политическимъ резонамъ, отдали Фессалию и небольшую часть Эпира. Затѣмъ мы видимъ ихъ усердно, хотя и притворно, кадящими внуку короля Карла X, графу Шамбору и нео-филеэллину Гамбеттѣ. Но всего этого еще не было для нихъ достаточно, имъ надобно было вмѣстѣ съ этимъ привлечь на свою сторону общественное католическое мнѣніе; и чтобы достигнуть этой цѣли, они стали публично твердить, что схизма была единственною причиною всѣхъ бѣдствій христіанскаго Востока. Въ этомъ отношеніи греки были совершенно правы, и никогда греческія уста не провозглашали болѣе великой истины, чѣмъ эта (sic!). Но если-бы кто захотѣлъ проникнуть до послѣднихъ основъ этой мысли, если бы кто захотѣлъ узнать тайныя цѣли грековъ, тотъ *изумился бы ихъ вѣроломству и ихъ наивности*. Греки утверждаютъ и теперь, что они не суть схизматики, что ихъ превращенная въ зумію Церковь (sic!) есть единственно истинная апостольская Церковь, одна сохранила евангельскую истину и апостольское ученіе. Латиняне-же, въ ихъ глазахъ, суть схизматики, если только не еретики, такъ-какъ, именно, римская церковь отдѣлилась отъ Церкви Констан-

тинопольской; а потому именно она долженъ покориться, а не патриархъ Константинопольскій: однимъ словомъ, вселенская Церковь (т. е. римская) должна подчиниться закону ничтожнаго меньшинства (т. е. Церкви греческой). Все высшее греческое духовенство *отличается постыднымъ невѣжествомъ въ дѣлахъ историческихъ; оно не хочетъ учиться, не хочетъ углубляться въ спорные вопросы, не хочетъ искать истину; оно застыло въ своихъ византійскихъ сказкахъ и вымыслахъ*“.

Въ этомъ мѣстѣ „L'Union Chretienne“ прерываетъ корреспондента и съ удивленіемъ спрашиваетъ: ужели кто-либо можетъ признать папство достаточно проникшими *въ историческія дѣянія*; ужели латиняне глубоко изучили вопросы, отдѣляющіе ихъ отъ восточныхъ христіанъ? Напротивъ, если есть люди, не желающіе углубляться въ спорные вопросы и изучать исторію, то это именно папсты. Если бы даже они захотѣли предаться историческому изученію, то они не могутъ этого сдѣлать, потому что index преслѣдуетъ всѣ сочиненія, которыя могли-бы просвѣтить ихъ, укоряетъ всѣ безпристрастныя историческія изслѣдованія въ заблужденіяхъ, обвиняетъ ихъ въ схизмѣ или ереси, и подвергаетъ запрещенію. Безпристрастное изученіе исторіи не возможно въ церкви папстической; тамъ могутъ терпѣть только лживыхъ апологетовъ папства. Корреспондентъ журнала „L'Univers“ упрекаетъ грековъ въ недостаточномъ изученіи исторіи. Пусть будетъ такъ! Но если-бы ультрамонтанскій корреспондентъ посвятилъ себя дѣйствительному изученію историческихъ данныхъ и взаимныхъ отношеній обѣихъ Церквей, вѣкъ за вѣкомъ, то онъ ясно увидѣлъ бы, что онъ самъ не настолько ученъ, каемъ воображаетъ себя.

Продолжаемъ теперь, говоритъ „L'Union Chretienne“, ультрамонтанскую корреспонденцію, а вмѣстѣ съ этимъ представляемъ и доказательства *большой* учености корреспондента:

„Люди поверхностные, услышавши сѣтованія грековъ о схизмѣ, вообразили, что соединеніе Церкви греческой съ римскою не невозможно въ наше время, что оно даже неизбежно, и многіе европейскіе журналы стали эхомъ этого необдуманнаго мнѣнія. Но

единеніе двухъ Церквей уже было заключено на вселенскомъ Флорентійскомъ соборѣ въ 1439 году; все вопросы, раздѣляющіе грековъ и латинянъ, тамъ были разсмотрѣны, подвергнуты глубокому изслѣдованію, рѣшены и окончательно опредѣлены, но греки и въ наши дни, какъ во времена прошедія, не хотятъ и слышать о соборѣ 1439 года; они признаютъ его ничтожнымъ и лишаютъ его всякаго авторитета. Они измыслили даже около двухъ столѣтій тому назадъ (sic!) свой ложный Константинопольскій соборъ, безъ точнаго впрочемъ обозначенія времени его созванія, засѣданія котораго происходили за нѣсколько лѣтъ до взятія Константинополя турками; на этихъ засѣданіяхъ было уничтожено всякое значеніе собора Флорентійскаго. Греки привязались къ этому ложному Константинопольскому собору, бывшему сдѣланіемъ историческихъ чудовищностей, не выдерживающему никакой исторической критики, и хотятъ сдѣлать его обязательнымъ для всего католическаго міра!“

„L'Union Chretienne“ съ проницательностію называетъ эту исторію Флорентійскаго собора прекрасной и замѣчаетъ: Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о грубыхъ хронологическихъ ошибкахъ корреспондента, можно-ли съ серьезнымъ уваженіемъ говорить о томъ соборѣ, на которомъ нѣсколько несчастныхъ греческихъ епископовъ, вовсе не представлявшихъ собою всей восточной Церкви, силою были принуждены, для одной только видимости, сдѣлать нѣсколько уступокъ латинянамъ подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ умереть голодною смертію! Да кромѣ этого, можетъ-ли современное намъ папство довольствоваться тѣмъ, что было опредѣлено на соборѣ Флорентійскомъ? Конечно, нѣтъ!

Но возвращеніи въ свои Церкви, греческіе епископы раскаялись въ своей винѣ и просили прощенія въ своей столь извинительной слабости. Они были осуждены на Константинопольскомъ соборѣ, на соборѣ истинномъ, какъ-бы ни выражался о немъ ученый корреспондентъ журнала „L'Univers“, и соборъ Флорентійскій былъ причисленъ восточною Церковію къ той-же самой категоріи, къ которой принадлежитъ и Ефесскій разбой.

Но будемъ, говорить „L'Union Chretienne“, продолжать *ученую* корреспонденцію:

„Соединеніе двухъ Церквей совершится; оно предопредѣлено въ божественныхъ планахъ Провидѣнія, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но, кажется, было-бы безуміемъ думать, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ на Востокѣ, что это единеніе уже приблизилось. Новый Константинопольскій патріархъ, Іоакимъ IV, человекъ скромный и, говорятъ, даже образованный; онъ заявлялъ при различныхъ случаяхъ (reprises) свое сожалѣніе о схизмѣ и свою надежду видѣть ее прекращенною; однако-же онъ рѣшительно не показалъ готовности принять вселенскій Флорентійскій соборъ. Даже въ томъ случаѣ, если-бы онъ принялъ его, найдетъ-ли онъ въ себѣ достаточно авторитета и необходимой власти, чтобы заставить свое духовенство и свою паству съ своей стороны признать этотъ соборъ? Сверхъ-же всего этого, Россія помѣшаетъ всякой попыткѣ къ единенію; вѣдь она такъ вліятельна теперь въ Константинополѣ!“

„Въ прошедшія времена левантійцы (католики) сильно жаловались на грековъ. Существовала, да и теперь еще существуетъ застрѣлая ненависть между ними. Впрочемъ съ нѣкотораго времени она стала утихать, уменьшаться и когда-либо совершенно прекратится; но когда? Подобная-же вражда существуетъ между духовенствомъ греческимъ и католическимъ; между ними нѣтъ никакихъ сношеній, не смотря на то, что въ мусульманской странѣ часто надобно было-бы дружными успіями защищать общіе интересы. Кажется, начинаютъ наконецъ понимать, что вѣжливыя и любезныя сношенія теперь дѣйствительно полезны для всѣхъ. Монсиньоръ Азаріанъ, армянскій патріархъ въ Килікіи, и монсиньоръ Рутелли, делегатъ святаго престола въ Константинополѣ сдѣлали (rendu) визитъ новому греческому патріарху Фанара, свѣтѣйшему Іоакиму IV, по случаю его вѣснествія на патріаршій престолъ. Греческій патріархъ возвратилъ имъ ихъ визиты. Вотъ превосходное начало, и оно можетъ сопровождаться добрыми послѣдствіями. Ненависть роковымъ образомъ производитъ зло, и

только любовь благотворна. Хорошо узнать и взаимно оцѣнить другъ друга; вѣжливыя сношенія, кромѣ того, благопріятствуютъ изученію спорныхъ вопросовъ, которые только истина должна выяснитъ и рѣшить окончательно“.

Въ этомъ мѣстѣ „L'Union Chretienne“ снова прерываетъ корреспонденцію и совѣтуетъ *уменому* корреспонденту журнала „L'Univers“ припомнитъ скромный отвѣтъ восточныхъ патріарховъ на высокоумную энциклопедію Пія IX; корреспондентъ понималъ-бы тогда, что патріархи не суть господа и монархи, а только слуги своихъ паствъ. Римскій папа можетъ замышлять унію во имя своей церкви, которая отождествляется съ его личностію; но патріархи суть только *свидѣтели вѣры, которую всегда признавали, всегда исповѣдовали* въ ихъ церквахъ. Въ случаѣ, если-бы какой-либо патріархъ предложилъ своей церкви подчиненіе папѣ, признаніе его соборовъ, его повнѣствъ, или, какъ выражается „L'Union Chretienne“, его ересей, то нельзя сомнѣваться, какъ-бы все это было принято на Востоцѣ. Патріарха поразили-бы анафемою, которую онъ заслужилъ-бы, и его низложили-бы съ престола, какъ недостойнаго занимать этотъ престолъ.

„L'Union Chretienne“ не сомнѣвается даже, что унія Церкви восточной съ папскою невозможна въ наше время, такъ какъ, по мнѣнію этого журнала, церковь папистическая есть церковь не только схизматическая, но и положительно еретическая. Притомъ же, полагаетъ журналъ, папы вовсе не желаютъ *унии* съ восточною Церковію, а стремятся къ безусловному *подчиненію* ея. Это ясно открывается изъ того, что папство, какъ выражается журналъ, все болѣе и болѣе расширяетъ свои когти, создавая новые догматы, отмѣняя апостольскія установленія и простирая свою святотатственную руку на все, что древняя Церковь Христова чтитъ и уважала.

Римская церковь только тогда, продолжаетъ „L'Union Chretienne“, могла-бы быть присоединена къ вселенской и апостольской Церкви Востока, когда-бы отказалась отъ своихъ повнѣствъ или ересей, когда-бы отреклась отъ всѣхъ схизматическихъ установ-

лений, во главѣ которыхъ стоитъ папство. Но сдѣлаетъ-ли она это? Нѣтъ! Итакъ пусть-же корреспондентъ перестанетъ говорить объ уніи, и пусть предоставитъ папистической церкви принять какія угодно новыя формы и новыя оттѣнки предъ лицомъ досточтимой Церкви восточной, которую онъ порицаетъ, называя *превращенною въ мумію*. Да, она *превращена въ мумію*, и въ этомъ состоитъ ея величайшая слава. Она *превращена въ мумію* относительно божественнаго ученія, апостольскихъ установленій, вѣрности семи вселенскимъ соборамъ, представлявшимъ собою истинную Церковь Христову; и вотъ именно при посредствѣ этого *превращенія въ мумію*, устроеннаго Промысломъ, мы собственными глазами можемъ видѣть теперь истинную Церковь Иисуса Христа, и можемъ понимать всѣ заблужденія псевдо-христіанскихъ церквей, папистовъ и протестантовъ. Пусть-же паписты и протестанты идутъ своею дорогою; Церковь, *превращенная въ мумію*, будетъ идти своимъ путемъ, и намъ кажется, что будущность этой послѣдней Церкви должна быть гораздо лучше всѣхъ христіанскихъ обществъ, столь падшихъ на самочинный прогрессъ. Божественная истина никогда не потеряетъ своихъ правъ; напротивъ того, человѣческія измышленія и заблужденія должны раньше или позже разсѣяться предъ этою истиною.

Но будемъ, говорить „L'Union Chretienne“, продолжать корреспонденцію журнала „L'Univers“.

„Я вамъ писалъ когда-то, припоминаетъ корреспондентъ, что одинъ греческій епископъ и нѣсколько греческихъ священниковъ (popes) отправились въ грузинскимъ монахамъ, въ монастырь Фери-Кевн, для изслѣдованія богослужебныхъ книгъ, напечатанныхъ въ Римѣ, которыми пользуются греческіе уніаты при совершеніи литургіи. Они были *очень изумлены*, нашедши эти книги тождественными съ тѣми, которыя находятся въ употребленіи у нихъ самихъ, за исключеніемъ лишь того, что римскія книги упоминаютъ о папѣ, между тѣмъ какъ греческія говорятъ о патріархѣ.

„До этихъ поръ греки думали, что римскія книги не могутъ быть иными какъ только еретическими. Истинѣ трудно выяснить-

ся и стать совершенно понятною, когда не обращаютъ на нее вниманіе, когда предъ нею закрываютъ глаза и затыкаютъ уши. Сближеніе, даже самое ничтожное, всегда хорошо, только не надобно преувеличивать его послѣдствій. Если-бы сближеніе грековъ простекало не изъ политическихъ видовъ, на которые я прежде указалъ, то отъ него можно было-бы ожидать многого; но греки 1884 года навсегда останутся дѣтьми Византіи пятнадцатаго столѣтія. Кромѣ того, константинопольская печать слишкомъ много занималась вопросомъ о соединеніи церквей; вмѣсто того, чтобы хранить благоразумное и необходимое молчаніе, она была болтлива, возбудила споры, которые раздѣляли умы. А въ этому, кажется, и стремились нѣкоторые атеистическіе, франкъ-массонскіе и протестантскіе журналы. Брюссельскій „Nord“, съ своей стороны, вмѣшался въ это дѣло и отвѣтилъ европейскимъ журналамъ, заявивши, что Россія довѣряетъ Іоакиму IV, и что новый греческій патріархъ, избранный защитникомъ православія, т. е. схизмы, никогда не будетъ измѣнникомъ“.

Въ отвѣтъ на эти разсужденія корреспондента, „L'Union Chrétienne“ говоритъ, что еслибы даже патріархъ явился измѣнникомъ, то что бы это доказывало? Ничего. Какими послѣдствіями сопровождалось бы его отступничество? Никакими. Корреспондентъ воображаетъ себя очень сильнымъ, когда говоритъ о богослужебныхъ книгахъ грековъ-уніатовъ. Но этимъ онъ доказываетъ только свое собственное невѣжество. Всему міру извѣстно, что Римъ предоставляетъ нѣкоторую свободу грекамъ-уніатамъ въ дѣлѣ сохраненія ихъ ученія и ихъ обрядовъ *только для видимости*. Грековъ обязываютъ признавать папу главою Церкви. Ихъ богослужебныя книги остаются такими же, какъ и до мнимой *уніи*, т. е. остаются книгами православными, за исключеніемъ упоминанія о папѣ. Но Римъ соглашается на эти уступки *лицемѣрно*. Въ то же время онъ даетъ секретныя предписанія *латинизировать* грековъ-уніатовъ сколько возможно больше. Именно такимъ образомъ латиняне стали жестокими преслѣдователями соединенныхъ грековъ и стараются уничтожить все

ихъ православные обряды и книги, которые папство по наружности терпитъ.

Образъ выраженій корреспондента, говоритъ въ заключеніи „L'Union Chretienne“, о богослужебныхъ книгахъ грековъ-уніатовъ ясно показываетъ, что корреспондентъ не имѣетъ и тѣни идеи объ интересующемъ его предметѣ. Онъ старается доказать невѣжество грековъ, но доказываетъ только свое собственное грубое невѣжество.

Такова-то ультрамонтанская корреспонденція по вопросу о соединеніи греческой Церкви съ латинскою и таковы сужденія объ этомъ предметѣ православнаго журнала „L'Union Chretienne“. Само собою разумѣется, что подъ перомъ корреспондента всего болѣе достается Россіи и русскимъ. И это совершенно естественно: Іезуитскія и ультрамонтанскія клеветы на все русское уже съ давнихъ поръ такъ обычны и такъ распространены на Западѣ! Онѣ создаются, измышляются и распространяются врагами Россіи какъ вслѣдствіе исторически неизбѣжныхъ международныхъ столкновеній, такъ еще болѣе вслѣдствіе характерныхъ особенностей нашего народнаго, государственнаго и религіознаго строя. Самый фактъ существованія Россіи—православной, могущественной и сильной, есть величайшая нравственная опора для всѣхъ восточныхъ христіанъ, а въ тоже время есть величайшая неотвратимая угроза для всѣхъ іезуитовъ и ультрамонтанъ.

Ц.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

Едва-ли въ области философіи есть какой-либо вопросъ, рѣшеніе котораго находилось-бы въ такой тѣсной и существенной связи съ рѣшеніемъ другихъ важнѣйшихъ философскихъ проблеммъ, какъ вопросъ о безсмертіи души человѣка. Не по простому обычаю и не вслѣдствіе извѣстной только систематики философскихъ ученій, этотъ вопросъ большею частію ставится въ концѣ метафизики, какъ ея завершеніе. Есть тому и другая, болѣе важная причина. Истина безсмертія души есть результатъ цѣльнаго философскаго міросозерцанія и научное обоснованіе ея возможно только тогда, когда будетъ принято такое міросозерцаніе, когда будутъ выяснены и прочно установлены понятія о существѣ міра физическаго и духовнаго и объ абсолютномъ началѣ того и другаго. Вопросъ о безсмертіи души, поэтому, для своего рѣшенія необходимо требуетъ нѣкоторыхъ *предположеній*, нѣкоторыхъ истинъ уже прежде дознанныхъ и доказанныхъ, изъ которыхъ такое рѣшеніе является естественнымъ выводомъ. Эти предположенія даются всѣми частями метафизики и суть слѣдующія: достовѣрность познанія не только эмпирическаго, но и раціональнаго, бытіе личнаго Бога, разумность или цѣлесообразность міра, субстанціальное различіе души и тѣла и наконецъ понятіе о нравственности, какъ стремленіи къ абсолютному совершенству.

Какъ скоро эти истины не признаются, самъ собою устраняется и вопросъ о безсмертіи души. Идея безсмертія души

прежде всего не есть фактъ внѣшняго опыта и не можетъ быть доказана эмпирическимъ путемъ; чтобы какое-либо доказательство истины безсмертія души имѣло силу, необходимо предположить, что есть факты, недоступные внѣшнему опыту и что подтвержденіе этихъ фактовъ единственно возможнымъ путемъ раціональнаго доказательства имѣетъ полную гносеологическую состоятельность. Истина безсмертія души окончательно утверждается на истинѣ бытія Божія; но не только отрицаніе бытія Божія колеблетъ эту истину въ самомъ основаніи ея, но и ложное понятіе о Богѣ, какъ абсолютной, безличной субстанции. Пантеизмъ, который признаетъ за индивидуумами только значеніе временныхъ и преходящихъ модификацій единаго истинно сущаго, абсолютнаго, послѣдовательно долженъ отрицать и личное безсмертіе конкретныхъ душъ. Одно изъ обычныхъ доказательствъ безсмертія души состоитъ въ указаніи на несоотвѣтствіе земной жизни высшему назначенію человѣка и на необходимость для выполненія такого назначенія жизни загробной. Но отвергая разумность и цѣлесообразность въ строѣ міра вообще, напрасно было-бы искать такой разумности въ царствѣ духовномъ и во имя ея требовать безсмертія души. Наконецъ, если нѣтъ существеннаго различія между природою духовною и вещественною,—если какъ мы, такъ и все окружающее насъ, есть не что иное, какъ преходящій феноменъ постоянно измѣняющейся матеріи,—если кромѣ матеріи и выше ея нѣтъ ничего, то нѣтъ никакой возможности ставить и вопросъ: не составляетъ-ли наше я исключенія изъ общаго закона разрушаемости, господствующаго въ мірѣ?

Но было-бы слишкомъ поспѣшно думать, будто съ признаніемъ указанныхъ нами предположеній для рѣшенія вопроса о безсмертіи души, этотъ вопросъ рѣшается уже удобно и легко и составляетъ не трудный логическій выводъ изъ нихъ. Эти предположенія даютъ лишь общія основанія для его рѣшенія, но далеко еще не рѣшаютъ его. Достоверность раціональнаго познанія сама по себѣ указываетъ только на возможность его разрѣшенія и на тотъ методъ, какимъ онъ долженъ быть правильно рѣшенъ. Истина бытія Божія, служа къ окончательному утвержденію силы прочихъ раціональныхъ

доказательствъ безсмертія, сама по себѣ и въ отрѣшенности отъ нихъ, даетъ только понятіе о происхожденіи всѣхъ существъ (въ томъ числѣ и души) отъ Бога, но не о концѣ и послѣдней судьбѣ этихъ существъ. Ученіе о разумности и цѣлесообразности міра требуетъ разъясненія, что дѣйствительно эта разумность не осуществляется въ настоящей, земной жизни разумныхъ существъ. Наконецъ, даже важнѣйшее для ученія о безсмертіи души предположеніе о субстанціальномъ различіи души и тѣла само по себѣ только вызываетъ вопросъ объ этомъ безсмертіи, но непосредственно не рѣшаетъ его. Если душа по своимъ свойствамъ противоположна предметамъ міра вещественнаго, то конечно невольно возникаетъ вопросъ: не простирается-ли эта противоположность и по отношенію къ тому свойству матеріальныхъ вещей, которое мы называемъ ихъ дѣлимостью и вслѣдствіе этого разрушаемостью? Правда, на положительное рѣшеніе этого вопроса, повидимому, даетъ право существенное различіе между свойствами души и тѣла. Но съ другой стороны тотъ фактъ, что душа получаетъ начало своей жизни вмѣстѣ съ тѣломъ, что продолженіе этой жизни на землѣ условливается связью ея съ тѣломъ, что душа на опытѣ нигдѣ не является намъ существующею независимо отъ тѣла, повидимому, дѣлаетъ возможнымъ и заключеніе противоположное. Душа человѣка имѣетъ начало; но все, что имѣетъ начало во времени, не должно-ли имѣть и конца? Душа тѣсно соединена съ тѣломъ и этимъ соединеніемъ условливается ея существованіе на землѣ; возможно-ли продолженіе ея существованія внѣ этой связи, послѣ смерти тѣла?

Уже одна возможность подобныхъ недоумѣній необходимо требуетъ для ихъ разрѣшенія раціональныхъ доказательствъ истины безсмертія души. Но еще болѣе, чѣмъ требованіями теоретическими, вызывается вопросъ о загробной судьбѣ человѣка интересами жизни практической. Нѣтъ нужды подробно говорить о томъ, что тотъ или другой образъ мыслей касательно судьбы человѣка за гробомъ имѣетъ существенное значеніе для опредѣленія всей его нравственной дѣятельности. Отрицаніе истины безсмертія души и связанной съ нею мысли о посмертномъ воздаяніи, если оно будетъ вполне логиче-

ски и послѣдовательно проведено въ приложеніи къ практической жизни, способно разрушить въ самомъ корнѣ нашу нравственность и сообщить рѣшительно эгоистическій и матеріалистическій характеръ всей нашей жизни. *Ямы и тѣмъ, ут-рѣ бо умремъ*,—вотъ принципъ дѣятельности вполне логически вытекающей изъ мысли, что вся наша жизнь ограничивается земнымъ существованіемъ. Какъ важна истина безсмертія души для практической жизни, видно и изъ того, что самые односторонніе защитники автономіи нравственнаго закона, полагавшіе, что человѣкъ въ своей дѣятельности не долженъ опредѣляться никакими другими предположеніями и мотивами, кромѣ чистаго уваженія къ нравственному закону самому по себѣ (Кантъ), тѣмъ не менѣе не могли исключить совершенно идеи безсмертія изъ сферы нравственности, но признали ее, вмѣстѣ съ идеею Божества, необходимымъ постулатомъ практическаго разума. Соединить-же эту идею самымъ тѣснымъ образомъ съ идеею Божества въ сферѣ нравственности Кантъ имѣлъ полное право. Дѣйствительно, въ области теоретической эти идеи, повидимому, не существенно связаны; признаніе одной (напр. бытія Божія) не требуетъ необходимо признанія другой (безсмертія души). Но иное дѣло въ области практической; безъ признанія послѣдней, идея Божества лишается совершенно всякаго живаго пракческаго вліянія на жизнь. Вотъ почему во всѣхъ религіяхъ признается не только бытіе Бога, но и загробное существованіе души человѣка. Такое важное нравственно-религіозное значеніе истины безсмертія души само собою говоритъ о необходимости разясненія и подтвержденія ея при помощи раціональныхъ доказательствъ.

I.

Онтологическое доказательство безсмертія души.

Мысль о безсмертіи души первоначально возникла въ сознаніи человѣческаго рода не въ слѣдствіе какихъ-либо раціональныхъ выводовъ или наблюденій надъ свойствами нашей природы. Эти выводы, какъ показываетъ исторія философіи, были столь-же часто неблагопріятны, какъ и благопріятны ей.

Философскія доказательства этой истины являются сравнительно довольно поздно, — не ранѣе Платона, и они суть слѣдствіе возникшаго уже въ области рациональнаго мышленія сомнѣнія въ ней. Эти доказательства, точно также какъ и доказательства бытія Божія, не производятъ вѣру въ безсмертіе, но только колеблемую сомнѣніями разума вѣру стараются защитить отъ него его-же собственнымъ оружіемъ. Въ дѣйствительности истина безсмертія души предшествуетъ всякимъ опытамъ рациональнаго размышленія о ней, существуя въ формѣ непосредственнаго убѣжденія и образуя вмѣстѣ съ истиною бытія Божія одинъ изъ существенныхъ элементовъ религіи. Поэтому прежде всего остановимъ наше вниманіе на самомъ этомъ убѣжденіи, какъ на данномъ фактѣ; не задавая себѣ пока вопроса объ истинѣ или неистинѣ его, мы обратимъ вниманіе: а) на характеристическія черты этого убѣжденія и отсюда постараемся объяснить б) его происхожденіе. Такое изслѣдованіе можетъ быть неожиданно приведетъ насъ и къ положительному рѣшенію вопроса о безсмертія души путемъ болѣе близкимъ, чѣмъ оно можетъ показаться на первый взглядъ.

Наиболѣе характеристическая черта, невольно бросающаяся въ глаза при взглядѣ на фактически существующее убѣжденіе въ безсмертіи души, есть его *всеобщность*. Не вдаваясь здѣсь въ этнографическія и историческія подробности, которыя отчетливо разработаны въ сочиненіяхъ, специально касающихся этого предмета *), мы можемъ признать за несомнѣнный фактъ, что всѣ народы какъ древняго, такъ и новаго міра, въ той или другой формѣ признавали и признаютъ загробное существованіе человѣка. Сравнивая въ этомъ отношеніи идею посмертнаго существованія съ идеею Божества, мы даже можемъ отдать преимущество первой, что касается до ея общераспространенности и ясности. Такъ у дикарей, у которыхъ встрѣчаемъ самыя тусклые, едва замѣтные проблески

*) Напр. обширное сочиненіе Шнейдера: Die Unsterblichkeitsidee im Glauben und in Philosophie der Völker. 1870. Lünen, Die Traditionen des Menschengeschlechts. 1856, 407—444. Tylor, Anfänge der Cultur. T. II. Theod. Waitz, Anthropologie der Naturvölker. 4 Bände, 1859—1864; въ особенности о всеобщераспространенности вѣры въ безсмертіе, см. Bd. 1. 5. 325 и слѣд.

религіозной идеи, напримѣръ у австралійцевъ, мы встрѣчаемъ довольно ясныя слѣды вѣры въ загробную жизнь, въ видѣ суевѣрнаго страха появленія умершихъ лицъ и обряды, направленные къ предотвращенію подобныхъ появленій. Эта распространенность вѣры въ существованіе умершихъ, даже тамъ, гдѣ почти незамѣтно слѣдовъ вѣры въ бытіе Божества, наводила даже нѣкоторыхъ ученыхъ (напримѣръ Спенсера) на мысль, что перваго рода вѣра есть болѣе первоначальная и древняя, чѣмъ послѣдняя, и что самая идея Божества, или точнѣе, боговъ, возникла и преобразовалась изъ культа умершихъ предковъ.

Фактъ всеобщности вѣры въ загробную жизнь, не смотря на всю его научную удостовѣренность, конечно, не могъ быть оставленъ совершенно безъ возраженій со стороны философовъ, враждебно относящихся къ этой вѣрѣ. Что касается до попытокъ найти гдѣ-нибудь какое-нибудь ничтожное племя, у котораго незамѣтно слѣдовъ этой вѣры, то эти попытки такъ ничтожны и, въ виду многочисленныхъ свидѣтельствъ противоположнаго свойства, такъ несостоятельны, что о нихъ не стоитъ и говорить *). Притомъ-же, и сами по себѣ эти попытки, если-бы иногда и представлялись вѣроятными, не могутъ имѣть никакой логической силы для опроверженія мысли о всеобщности идеи безсмертія. Положимъ, намъ удалось-бы найти одно или нѣсколько малоизвѣстныхъ племенъ, у которыхъ мы не замѣтили-бы никакихъ слѣдовъ вѣры въ загробную жизнь. Во всякомъ случаѣ, число и значеніе этихъ племенъ было-бы такъ ничтожно въ сравненіи съ огромнымъ числомъ племенъ и народовъ, обладающихъ этою вѣрою, что по всей справедливости подобное явленіе можно-бы назвать исключеніемъ, аномалією, которую нужно объяснить, но отъ которой нельзя заключать къ всеобщности идеи безсмертія.

Неудачу въ поискахъ за племенами, не признающими загробной жизни среди некультурныхъ народовъ, противники

*) Бюхнеръ напр. хотя и утверждаетъ вообще, что есть много племенъ, не знающихъ личнаго безсмертія, но упоминаетъ только объ одномъ изъ нихъ — Seelong, въ Индіи. Kraft und Stoff, 204.

истины безсмертія думаютъ вознаградить открытіемъ среди народовъ культурныхъ цѣлыхъ многочисленныхъ націй незнающихъ будто-бы ученія о безсмертіи души. Это послѣдователи религій Будды и Конфуція. На нихъ, по слѣдамъ прежнихъ матеріалистовъ, съ торжествомъ указываетъ Бюхнеръ *), какъ на самую сильную инстанцію противъ мысли о всеобщности идеи безсмертія. Но и независимо отъ вѣрности или невѣрности подобнаго указанія, оно не можетъ быть такого рода инстанціею уже потому, что въ вопросѣ о всеобщности вѣры въ безсмертіе идетъ рѣчь о первоначальной, непосредственной увѣренности, предшествующей раціональному размышленію о загробной судьбѣ человѣка, а не о послѣдующей рефлексіи надъ этимъ непосредственнымъ сознаніемъ, будетъ-ли она имѣть мѣсто въ системѣ религіи или философіи. Между тѣмъ и религія Конфуція и буддизмъ суть именно опыты такой рефлексіи, имѣющіе религіозно-философскій характеръ, и притомъ сравнительно довольно поздній **). Такого рода опыты ничего не говорятъ и не могутъ говорить противъ существованія предваряющаго ихъ, непосредственнаго религіознаго убѣжденія. Въ этомъ отношеніи существованіе религіозныхъ и философскихъ ученій, отвергающихъ безсмертіе, также мало можетъ говорить противъ всеобщности убѣжденія въ немъ, какъ и существованіе религіозныхъ и философскихъ системъ, отрицающихъ напр. реальность чувственнаго міра противъ того факта, что всѣ люди убѣждены въ существованіи дѣйствительныхъ матеріальныхъ предметовъ внѣ насъ.

Впрочемъ, сказанное нами можетъ имѣть полное приложеніе только къ религіи Китая. Дѣйствительно, религія Китая, видя во всей совокупности существующаго механическое сочетаніе двухъ первоначалъ: движущей, но въ тоже время бессознательной и безличной силы (Янгъ), и покоящейся матеріи (Инь),—въ самомъ своемъ принципѣ рѣшительно не благоприятствуетъ ученію о безсмертіи души, что ясно и созна-

*) Buchner, Kraft und Stoff, 1864. Стр. 212 и 213.

***) Конфуцій жилъ около 550 года до Р. Хр.; основатель буддизма,—Шакіамуни жилъ въ VII столѣтіи до Р. Хр.

вали китайскіе философы, вѣрные духу своей религіи. Но въ то же время непосредственное религіозное сознаніе многочисленныхъ послѣдователей религіи Конфуція рѣшительно отказывается отъ логическаго вывода изъ принципа этой религіи; оно оставляетъ въ сторонѣ этотъ выводъ, неблагоприятный вѣрованію въ загробную жизнь. Въ дѣйствительной религіозной жизни оно, подѣ влияніемъ инстинктивнаго религіознаго чувства, вопреки послѣдовательности твердо держится этого, не вытекающаго изъ началъ религіи, вѣрованія. И что всего замѣчательнѣе, по какой-то ироніи религіознаго чувства надъ теоретическою мудростію, нигдѣ вѣра въ существованіе душъ умершихъ не приобрѣла такого обширнаго практическаго примѣненія, какъ въ Китаѣ, гдѣ начала религіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо противорѣчатъ этой вѣрѣ. Ни въ одной странѣ религіозное почитаніе предковъ не распространено такъ, какъ въ Китаѣ. Съ древнѣйшихъ временъ въ честь ихъ строятъ храмы (напр. многочисленные храмы Конфуція), приносятъ жертвы. Народная вѣра признаетъ за ними возможность вмѣшательства въ обыкновенное теченіе дѣлъ; поэтому къ нимъ обращаются съ молитвами о помощи и совѣтѣ. Особенно въ каждомъ семействѣ пользуются религіознымъ почтеніемъ души предковъ, какъ домашнихъ покровителей и защитниковъ.

Что касается до буддизма, на который особенно любятъ ссылаться въ опроверженіе мысли о всеобщности идеи безсмертія въ виду того, что эта религія считаетъ наибольшее число послѣдователей, чѣмъ другая какая-либо религія въ мірѣ, то подобное указаніе основано на чистомъ недоразумѣніи и непониманіи истиннаго духа буддійскаго ученія. Почитая послѣднею и высшею цѣлію жизни Нирвану, освобожденіе отъ пожеланій бытія и неразлучныхъ съ нимъ страданій, буддизмъ вовсе не предполагаетъ немедленнаго достиженія этой цѣли тотчасъ послѣ смерти челоука. Напротивъ, онъ съ особенною настойчивостію учитъ о душепереселеніи, о посмертномъ существованіи душъ и о загробныхъ наградахъ и наказаніяхъ *). Достиженіе цѣли бытія, упокоеніе на лонѣ Нирваны,

*) Объ этомъ ученіи см. „Прав. Обзор.“ за 1880 г. мартъ, нашу статью: „Религіи культурныхъ народовъ“, стр. 437 и слѣд.

отлагается до неопредѣленнаго, отдаленнаго будущаго,—до такой степени отдаленнаго, что самъ великій Будда Шакіамуни, возвысившійся почти до божескаго достоинства, до сихъ поръ не достигъ блаженства небытія, не погрузился совершенно въ Нирвану, но продолжаетъ существовать и служить предметомъ культа для своихъ многочисленныхъ послѣдователей. Въ принципѣ, почитая Нирвану конечною цѣлью бытія и, повидимому, отрицая безсмертіе души въ точномъ смыслѣ слова, на дѣлѣ буддизмъ признаетъ эту цѣль почти недостижимую, и загробное существованіе душъ почти безконечнымъ.

Вообще, вдумываясь въ основную идею буддизма, мы не только не видимъ здѣсь отрицанія идеи безсмертія, но, напротивъ, приходимъ къ мысли о необыкновенной глубинѣ и живучести этой идеи въ человѣческомъ духѣ, не уступающей даже усиленному желанію устранить ее. Въ самомъ дѣлѣ, то желаніе небытія и успокоенія отъ бѣдствій существованія, которое повело Шакіамуни къ реформѣ браминской религіи, легко и просто достигалось бы ученіемъ о прекращеніи нашего индивидуальнаго бытія со смертью тѣла. Если такого простаго рѣшенія не дано было основателемъ буддизма и его послѣдователями, то очевидно тому препятствовало глубокое сознаніе неуничтожаемости нашего я вслѣдствіе одной смерти нашего тѣла. Не смерть тѣла приводитъ душу къ Нирванѣ, но безконечный рядъ перерожденій, обуславливаемый постепеннымъ нравственнымъ усовершеніемъ и отрѣшеніемъ души отъ всего чувственнаго и грѣховнаго; небытіе, Нирвана, есть не естественный предѣлъ жизни души, но награда за подвигъ, отлагаемая до неопредѣленнаго будущаго. Но и эта отдаленная надежда уничтоженія во всей своей чистотѣ остается только въ теоретическомъ ученіи древнихъ буддистовъ. Непосредственное религіозное сознаніе и здѣсь, также какъ и въ Китаѣ, не приняло даже и этого намека на отдаленную возможность уничтоженія нашего личнаго бытія. Самое, повидимому, характеристическое для буддизма представленіе о Нирванѣ потеряло свой отрицательный смыслъ; въ позднѣйшемъ буддизмѣ Нирвана не есть ничтожество, ни даже состояніе блаженства, а просто „высочайшее небо“, возвышающееся надъ

прочими еebesами, жилище прошедшихъ и будущихъ Буддъ. Другіе болѣе образованные буддисты, почитая Будду не богомъ, а только божественнымъ великимъ человѣкомъ, переносятъ предикаты Божества на Нирвану, которую, довольно сходно съ браминскимъ идеалистическимъ понятіемъ о Брамѣ-Ишварѣ, повимаютъ какъ абсолютное безличное начало бытія. Погруженіе души въ Нирвану такимъ образомъ является не уничтоженіемъ ея, а только упокоеніемъ въ лонѣ Абсолютнаго *).

Убѣжденіе въ загробной жизни составляетъ существенный элементъ каждой религіи и находится въ тѣсной связи съ ученіемъ о Богѣ и нравственности. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы оно было простымъ только выводомъ изъ этого ученія и своимъ происхожденіемъ обязано было исключительно религіи. Не смотря на связь съ религіею, вѣра въ безсмертіе души имѣетъ самостоятельное начало въ нашемъ духѣ; поэтому и проявленія этой вѣры мы можемъ открыть даже въ такихъ фактахъ человѣческой жизни, которые не состоятъ въ непосредственной связи съ религіею и которые намъ трудно было-бы объяснить безъ предположенія этой сокровенной вѣры въ глубинѣ нашего сознанія.

Обратимъ прежде всего наше вниманіе на столь распространенное и не состоящее въ связи съ какимъ-либо религіознымъ ученіемъ повѣрье о возможности явленій умершихъ живымъ людямъ,—повѣрье, которое лежитъ въ основѣ инстинктивнаго страха, или по крайней мѣрѣ неприятнаго ощущенія,

*) Кромѣ указаній на религіи китайскую и буддійскую, въ опроверженіе мысли о всеобщности вѣры въ безсмертіе часто ссылаются на неизвѣстность ученія о загробной жизни у древнихъ евреевъ. По словамъ Вюхнера, „самая большая часть (?) нашихъ теологовъ согласна въ томъ, что въ книгахъ Ветхаго Завета, написанныхъ до плѣна Вавилонскаго, нѣтъ ясныхъ слѣдовъ ученія объ индивидуальномъ безсмертіи“ (Kraft und Stoff, 212). Но мы слишкомъ уклонились бы отъ главной задачи нашего изслѣдованія, еслибы рѣшились подробно доказывать несправедливость этого мнѣнія. Сводъ мѣстъ Св. Писанія, ясно доказывающихъ существованіе вѣры въ безсмертіе въ Ветхомъ Заветѣ, можно найти въ „Догмат. Богословіи“ Преосв. Макарія, изд. 1851 г. Т. II, стр. 137. 138. См. также Юнгера, „Ученіе Ветхаго Завета о безсмертіи души и загробной жизни“. 1882.

которое возбуждаютъ въ насъ кладбища въ ночное время, покойники, уединенныя мѣста, гдѣ совершилось какое-либо трагическое событіе и т. под. Чѣмъ объяснить происхожденіе и этого повѣрья, и этого страха? Скажутъ: все это не болѣе, какъ суевѣріе, котораго многіе стыдятся, не смотря на тайную склонность вѣрить подобнымъ вещамъ, вопреки голосу разсудка. Но и суевѣріе, особенно столь распространенное въ человѣческомъ родѣ, должно же имѣть свою психическую основу; а гдѣ мы найдемъ эту основу, какъ не въ тайной и не сознаваемой ясно увѣренности души въ загробномъ существованіи умершихъ? Уже-ли одинъ пустой предразсудокъ, безъ болѣе глубокой почвы въ душѣ, можетъ преслѣдовать убійцу, въ видѣ тѣни его жертвы или въ видѣ постоянной мысли объ убитомъ, которое вноситъ въ его душу ужасъ и отчаяніе? Положимъ, эта тѣнь, эта мысль вызвана его совѣстью и олицетворена его возмущеннымъ воображеніемъ; но что даетъ поводъ къ такому олицетворенію, какъ не тайная увѣренность, что физическая смерть не есть полное уничтоженіе убитаго? *) Если некромантія и магія остались жалкими памятниками заблужденія людей, то по крайней мѣрѣ нельзя не извинить его тѣмъ, что основа этого заблужденія коренилась глубоко въ душѣ человѣка, въ общей всѣмъ намъ природной склонности вѣрить въ міръ иной, чѣмъ настоящій. О силѣ и устойчивости этой склонности свидѣтельствуетъ уже то, что различнаго рода суевѣрія сюда относящіяся упорно держатся, не смотря на противодѣйствіе имъ разсудка. Даже болѣе, какъ-бы на зло разсудку, они съ большею силою выступаютъ именно тогда, когда общее направленіе времени, повидимому, имъ неблагопріятно. Такъ, въ древнемъ мірѣ вѣкъ скептицизма, упадка религіозности въ Римской имперіи былъ вѣкомъ, когда магія имѣла свой цвѣтущій періодъ. Въ XVIII вѣкѣ, во Франціи, съ невѣріемъ умѣла ужиться самая грубая вѣра въ гаданія, предсказанія, вызовы мертвецовъ; Калліостро и ему подобные не могли пожаловаться на

*) Впрочемъ Сократъ признавалъ эти явленія тѣней убитыхъ ихъ убійцамъ реальными явленіями и видѣлъ здѣсь эмпирическое доказательство безсмертія души.

недостатокъ сочувствія. Въ наше время, на ряду съ распространеніемъ матеріализма, рука объ руку идетъ распространеніе ученія такъ называемыхъ спиритовъ, гдѣ вызовъ и появленіе умершихъ составляетъ центръ тяжести всего ученія.

Но не въ одной области суевѣрій мы находимъ обнаруженіе присущей человѣческому духу идеи загробнаго существованія. Здѣсь, эта идея только выступаетъ ярче и нагляднѣе. Но если мы внимательнѣе присмотримся ко многимъ явленіямъ обыденной жизни, то и здѣсь найдемъ множество психологическихъ фактовъ, въ которыхъ нельзя не признать сокровеннаго участія той-же идеи.

Чѣмъ объяснить, на примѣръ, существующіе у всѣхъ народовъ обряды погребенія и всѣ знаки памяти и уваженія къ лицамъ умершимъ? Если человѣкъ воздаетъ послѣдній долгъ умершему, то не потому-ли, что инстинктивно чувствуетъ, что есть долгъ и есть обязанности къ умершимъ, что слѣдовательно не всѣ связи и отношенія между людьми прекращаются вмѣстѣ со смертію? Гдѣ тайная причина нравственной и юридической обязательности, которую имѣетъ для насъ послѣдняя воля умершаго? Чѣмъ объяснить наше уваженіе къ памяти близкихъ намъ или уважаемыхъ нами лицъ, къ ихъ словамъ, желаніямъ,—уваженіе, на которое умершій, повидимому, имѣетъ для насъ больше правъ, чѣмъ живой? Каждый сколько-нибудь нравственно развитой человѣкъ соглашается говорить *de mortuis aut bene, aut nihil*, хотя вовсе не считаетъ обязаннымъ держаться подобной деликатности относительно живыхъ. Подобное уваженіе къ волѣ и къ памяти умершихъ было-бы непонятнымъ безсмыслиемъ, еслибы въ основѣ его не таилась мысль, что со смертію не прекратилась жизнь умершаго и наши нравственныя связи съ нимъ. Чѣмъ объяснить далѣе то общее всѣмъ сколько-нибудь уважающимъ себя людямъ желаніе оставить по себѣ добрую память,—желаніе, чтобы и послѣ нашей смерти люди отзывались о насъ хорошо? Чѣмъ объяснить, вытекающее изъ этого желанія, иногда совершенно независимо отъ религіозныхъ побужденій, стремленіе сдѣлать какъ-нибудь добро людямъ и послѣ нашей смерти? Такъ на примѣръ дѣятель политическій старается прове

сти въ жизнь извѣстныя улучшенія, общественныя реформы, вовсе не обольщая себя надеждою, что онъ доживетъ до ихъ осуществленія и насладится плодами своихъ усилій. Филаптропъ учреждаетъ различныя благотворительныя заведенія, школы, путемъ предсмертнаго завѣщанія, вовсе не думая видѣть самъ осуществленіе своихъ желаній. Если-бы въ глубинѣ души не лежала тайная увѣренность, что съ этою жизнію не прекращаются ни наши отношенія къ живымъ, ни ихъ къ намъ, то всѣ подобнаго рода дѣйствія были-бы полнѣйшимъ бессмысліемъ. Что намъ за нужда въ добромъ мнѣніи о насъ другихъ, въ благосостояніи или несчастіи остающихся послѣ насъ, въ ихъ благословеніи или проклятіи нашей памяти, если насъ не будетъ и все окончится со смертію?

Мы указали только нѣкоторые факты, относящіеся къ нашему предмету. Внимательный наблюдатель могъ-бы открыть ихъ больше и прослѣдить гораздо глубже и шире тайное и несознаваемое вліяніе идеи безсмертія во многихъ обнаруженіяхъ психической жизни, повидимому, не состоящихъ съ нею въ связи. Онъ нашелъ-бы болѣе или менѣе отдаленное участіе этой идеи во всѣхъ стремленіяхъ умственной и нравственной жизни, гдѣ цѣль ихъ не ограничивается интересами земной жизни, но лежитъ за предѣлами ея и, слѣдовательно, предполагаетъ увѣренность въ существованіи иной цѣли нашего бытія и иной сферы существованія, чѣмъ жизнь настоящая.

Остановимъ наше вниманіе еще на одномъ, спеціально человѣческомъ отношеніи человѣка къ собственной жизни и смерти. Характеристическая черта этого отношенія есть страхъ смерти и любовь къ жизни. Это чувство не могло-бы достигать въ насъ такой интенсивности и живости, еслибы жизнь человѣка ограничивалась предѣлами земнаго существованія и въ немъ не было хотя смутной идеи о какомъ-то особенномъ положеніи его относительно этой жизни. Еслибы человѣкъ былъ увѣренъ, что для него все оканчивается со смертію тѣла, то онъ долженъ бы съ полнѣйшимъ равнодушіемъ относиться къ мысли объ этомъ естественномъ концѣ, еще болѣе, — при бѣдствіяхъ и страданіяхъ этой жизни, превышающихъ сумму наслажденій и удовольствій, онъ долженъ-бы считать смерть не

только естественнымъ, но и желаннымъ успокоеніемъ отъ тяготы жизни. Такъ усталый и измученный заботами человѣкъ думаетъ о снѣ не со страхомъ, а съ желаніемъ ускорить минуту покоя и забвенія всего окружающаго. *Я скитаюсь и служу,* говорила жена Іова, *перехожу съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ, ожидая, когда зайдетъ солнце, чтобы успокоиться отъ трудовъ моихъ* (Іов. 2, 9). Тоже долженъ былъ сказать и о вѣчномъ закатѣ своей жизни каждый человѣкъ, если-бы внутренній голосъ созванія не говорилъ много, что смерть не упокоеніе вѣчное въ лонѣ небытія, но начало новой жизни. Но на дѣлѣ видимъ иное; страхъ смерти преслѣдуетъ насъ, не смотря на всѣ увѣренія разума и опыта, что это есть естественный, необходимый конецъ нашего бытія; любовь къ жизни не оставляетъ насъ даже и тогда, когда, казалось-бы, жизнь не должна представлять собою ничего привлекательнаго, какъ напримѣръ въ бѣдствіяхъ, въ болѣзни, въ старости. Случаи самовольнаго лишенія себя жизни—факты во всякомъ случаѣ ненормальные, исключительно и по большей части результатъ болѣзненнаго психическаго или физическаго состоянія. Самый крайній пессимистъ, вмѣстѣ съ Гартманомъ утверждающій, что существованіе есть страданіе и что небытіе лучше бытія, не рѣшается однако-же быть послѣдовательнымъ и разомъ окончить свое существованіе путемъ самоубійства. Что значитъ это совершенно, повидимому, противорѣчащее разуму страстное желаніе жить и непонятный страхъ смерти, какъ не то, что человѣкъ инстинктивно чувствуетъ, что жизнь есть его естественное, природное свойство и право, что смерть чужда и противна его природѣ, нѣчто неестественное и недолженствующее быть? Отсюда объясняется и специально человѣческое отношеніе человѣка къ останкамъ окружающихъ его лицъ. Животное совершенно равнодушно ходитъ около труповъ себѣ подобныхъ, не выражая ни отвращенія, ни страха, ни сожалѣнія; въ отношеніяхъ человѣка къ останкамъ подобныхъ себѣ замѣчается загадочная двойственность, объясняемая только идеєю загробной жизни. Съ одной стороны страхъ и какое-то отвращеніе къ трупамъ, почему и нѣкоторыя религіи прикосновеніе къ нимъ считаютъ оскверненіемъ; съ другой, любовь

и почтительное обращеніе съ умершими, какъ съ живыми, украшеніе ихъ останковъ, оказываемыя имъ различныя почести и знаки любви. Въ томъ и другомъ случаѣ выражается одинаково идея загробной жизни: отрицательно — въ сознаниі неестественности, отвращающей ненормальности факта смерти; положительно — въ обращеніи съ умершими, какъ-бы съ живыми, составляющемъ символическую оболочку присущаго уму въброванія въ загробную жизнь *).

Указанныя нами явленія психической жизни мы привели не съ тою цѣлью, чтобы ими прямо доказывать истину безсмертія души, но чтобы яснѣе раскрыть всеобщность, глубину и широкое явленіе на душевную жизнь человѣка безотчетно присущей его уму идеи безсмертія. Представленные нами факты показываютъ именно, что эта идея не есть результатъ какой-либо теоретической доктрины философской или религіозной, обязанной своимъ происхожденіемъ одному разуму, ибо въ такомъ случаѣ она исчезала-бы съ отрицаніемъ самой доктрины, какъ своего источника. Напротивъ, мы показали, что эта идея остается, не смотря на противодѣйствующее, повидимому, ей вліяніе религіозно-философскаго ученія (напр. въ Китаѣ), что вліяніе этой идеи при нѣкоторомъ вниманіи можно прослѣдить въ такихъ явленіяхъ, которыя совершенно независимы отъ какихъ-либо теоретическихъ убѣжденій и потому находятъ себѣ мѣсто даже у тѣхъ лицъ, которыя въ теоріи могутъ отрицать истину безсмертія. И у нихъ, не смотря на такое отрицаніе, многія явленія психической жизни предполагаютъ вліяніе идеи безсмертія и только этимъ вліяніемъ могутъ быть вполне объяснены.

Итакъ, мы теперь твердо установили то положеніе, что идея безсмертія души есть идея *всеобщая*. Что-же теперь ближайшимъ образомъ слѣдуетъ изъ этого положенія?

*) Говоря объ особенномъ отношеніи человѣка къ смерти, не лишнимъ считаемъ припомнить одинъ замѣчательный фактъ изъ психическихъ явленій, сопровождающихъ смерть человѣка. Большая часть умирающихъ въ безсознательномъ состояніи то оправляются и натягиваютъ на себя одежду и покровы, видимо стараясь встать съ постели и уйти, то въ бреду прямо просятся и рвутся куда-то *домой*; это явленіе знаетъ и медицина и считаетъ его самымъ дурнымъ признакомъ болѣзни, предвѣстіемъ смерти.

Прежде всего слѣдуетъ то, что эта идея есть существенная и коренная принадлежность общечеловѣческаго сознанія, — она есть *необходимая* идея. Вслѣдствіе такого своего характера, она не можетъ быть мнѣніемъ гдѣ-нибудь случайно возникшимъ, кѣмъ-либо случайно пущеннымъ въ ходъ и также случайно распространившимся. Убѣжденіе всеобщее и необходимое не можетъ быть произведеніемъ причинъ случайныхъ, не потому только, что исторически такого происхожденія доказать нельзя, но и по самому характеру этого убѣжденія какъ всеобщаго. Признавать случайность источникомъ происхожденія всеобщихъ и необходимыхъ понятій разума, значитъ подрывать всякое довѣріе къ разуму и къ значенію основанныхъ въ немъ коренныхъ принциповъ нашей умственной и нравственной жизни.

Сказаннымъ нами въ принципѣ уже опровергаются тѣ воззрѣнія на происхожденіе идеи безсмертія, которыя принадлежатъ философамъ, отрицающимъ истину этой идеи и которые думаютъ найти ея источникъ въ различныхъ частныхъ и случайныхъ явленіяхъ человѣческой жизни.

Всматриваясь ближе въ гипотезы, которыми защитники этихъ воззрѣній думаютъ объяснить происхожденіе вѣры въ безсмертіе души, невольно приходимъ къ мысли, что легче болѣе или менѣе сильными возраженіями оспаривать эту истину, чѣмъ найти сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ на дальнѣйшій вопросъ: если убѣжденіе въ безсмертіе души невѣрно, то откуда оно могло возникнуть и какъ распространиться?

Говорятъ: первый источникъ понятія о загробной жизни нравственно-политическій. Древніе мудрецы и законодатели, заботясь о распространеніи добрыхъ нравовъ, могли однако-жъ предвидѣть, что ни буква ихъ законовъ, ни ввѣшныя принудительныя средства общественной власти, ни уваженіе къ ихъ личности послѣ ихъ смерти, недостаточны сами по себѣ, чтобы навсегда поддержать повиновеніе законамъ, ими установленнымъ. Для охраненія этихъ законовъ они и поставили невидимыхъ и безсмертныхъ стражей — боговъ; передали въ ихъ руки скипетръ, чтобы они могли править не только внѣшними поступками, но и совѣстью людей; возвели ихъ на тронъ, который не могли испровергнуть никакіе мятежи и обществен-

ные перевороты; вмѣсто-же видимыхъ наградъ, которыми можно пренебрегать, и наказаній, которыхъ можно избѣжать, учредили высшее судилище за предѣлами гроба, страхъ котораго преслѣдовалъ-бы человѣка и тамъ, куда не достигаютъ взоры обыкновеннаго человѣческаго правосудія.

Оставляя въ сторонѣ ту часть этой гипотезы, которая говорить о происхожденіи религіи *), замѣтимъ только, что объясненіе происхожденія загробной жизни въ ней столько-же неудачно и столь также противорѣчитъ опыту, какъ и объясненіе вѣры въ Божество. Она предполагаетъ крайнее легковѣріе и тупость людей, которые безъ всякаго основанія вѣрятъ выдумкѣ, для которой у нихъ нѣтъ никакихъ психологическихъ мотивовъ, ни въ области знанія, ни въ области чувствъ и желаній. Указываютъ на неразвитость тѣхъ людей, къ которымъ впервые были обращены рѣчи древнихъ мудрецовъ и законодателей; первобытные народы, говорятъ, тѣже дѣти и какъ дѣти легковѣрны и довѣрчивы. Это отчасти вѣрно; но должно помнить, что на ряду съ этою чертою неразвитыхъ людей, повидимому благопріятствующей вѣрѣ въ различныя выдумки, параллельно идетъ другая, крайне ей неблагопріятная. Неразвитый человѣкъ, въ силу самой своей неразвитости, съ трудомъ вѣритъ тому, что ему не можетъ быть эмпирически, наглядно указано; всякая отвлеченная теорія, на примѣръ загробнаго воздаянія, едва-ли могла быть имъ принята, если-бы была не болѣе, какъ отвѣтъ навязанною теоріею и если-бы предрасположенія принять ее онъ не находилъ въ своемъ собственномъ сознаніи и въ присущей ему идеѣ загробной жизни. Что-же касается до нравственной цѣли подобной измышленной теоріи, то она скорѣе служила-бы препятствіемъ, чѣмъ поводомъ къ ея распространенію. Человѣкъ, особенно неразвитый, бываетъ иногда легковѣренъ и падокъ къ выдумкѣ, но только тогда, когда эти выдумки бываютъ для него пріятны, оправдываютъ его страсти и не совсѣмъ чистыя желанія и поступки. Но не легко повѣритъ человѣкъ такой выдумкѣ, которая будетъ ле-

*) Разборъ этой теоріи см. въ моей книгѣ: „Религія, ея сущность и происхожденіе“. 1871. Стр. 8—15.

жать тяжелымъ гнетомъ на всѣхъ его дѣйствіяхъ и отравлять всѣ его радости страхомъ будущаго суда и воздаянія. Мы видимъ, что люди, пристрастные къ удовольствіямъ земной жизни, всегда болѣе другихъ готовы отвергать истину безсмертія души. При томъ-же, люди грубые, невѣжественные и руководящіеся одною чувственностью, какими они представляются въ разсматриваемой нами гипотезѣ въ эпоху изобрѣтенія религіозныхъ истинъ для обузданія ихъ грубости, едвали-бы стали бояться какого-то будущаго, имъ неизвѣстнаго суда по смерти больше, чѣмъ вѣшнихъ наказаній. Если и теперь часто бываетъ такъ, что страхъ общественнаго мнѣнія и кары правосудія больше обязываетъ къ нравственности, чѣмъ внутренній голосъ совѣсти, тѣмъ болѣе мысль о загробномъ воздаяніи, то конечно это явленіе еще болѣе имѣло мѣста въ ту воображаемую эпоху, когда о высшихъ мотивахъ нравственности, по неразвитости людей, не было и рѣчи и когда нужно будто-бы было выдумывать эти мотивы подъ видомъ ученія о богахъ и о загробной жизни.

Наконецъ, вся эта гипотеза очевидно держится на предположеніи крайней неразвитости людей и только при этомъ предположеніи можетъ имѣть нѣкоторую тѣнь вѣроятности. Но зато она и можетъ объяснить только первоначальное появленіе идеи загробной жизни въ кругу крайне неразвитыхъ людей,—не болѣе. Затѣмъ совершенно непонятно и необъяснимо, какимъ образомъ эта идея, не ограничиваясь однимъ мѣстомъ своего первоначальнаго изобрѣтенія и далекими отъ насъ первобытными временами, распространилась повсюду. Какая сила заставила ее укорениться такъ прочно, что никакое дальнѣйшее развитіе ума въ теченіи столькихъ вѣковъ не въ силахъ было уже ее истребить? Какое очарованіе могло такъ ослѣпить умы людей, что плодъ хитрости и простодушнаго невѣжества, мысль о безсмертіи усвоена людьми не только простыми, но и образованными, нашла себѣ защиту въ рядахъ самыхъ проникательныхъ и глубокомысленныхъ философовъ? Одно изъ двухъ: или мы должны признать необъяснимую тупость, если не сказать проще,—глупость людей, которые держатся старинной выдумки, которою морочили дикарей, будучи

не въ силахъ обнаружить столь наглый обманъ, или въ самомъ существѣ этой мысли есть нѣчто такое, что удовлетворяетъ какой-либо всеобщей потребности человѣческаго духа. Но въ такомъ случаѣ она уже не случайная выдумка, но идея, коренящаяся въ самой природѣ нашего духа.

В. Жудравцевъ.

(Продолженіе будетъ).

СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

ФИЛОСОФИИ

ІОАННА СКОТА ЭРИГЕНЫ.

Философіи Іоанна Скота Эригены, явившейся въ первой половинѣ средневѣковой эпохи, справедливо приписывается выдающееся значеніе въ умственной жизни своего времени. По внутреннимъ свойствамъ своего міросозерцавія, по способу его происхожденія и, въ особенности, по громадному вліянію своему на дальнѣйшее развитіе схоластической философіи, она представляетъ столь характерное и важное явленіе, подобнаго которому почти не представляетъ намъ вся умственная культура среднихъ вѣковъ. Философія Эригены является первымъ вполне законченнымъ опытомъ приведенія важнѣйшихъ истинъ христіанства въ одну стройную, логически связанную систему, съ опредѣленною цѣлію познать раціональнымъ путемъ то, что было извѣстно до тѣхъ поръ лишь въ силу традиціонныхъ представленій, основанныхъ на авторитетѣ церковнаго ученія. Поэтому основное характеристическое положеніе схоластики, впоследствии формулированное знаменитымъ Ансельмомъ Кентерберійскимъ, положеніе *credo, ut intelligam* (вѣрую чтобы знать) можно поставлять въ прямую, хотя и отдаленную связь съ этимъ исключительнымъ характеромъ философскихъ умозрѣній Скота Эригены. Здѣсь несомнѣнно находится исходный пунктъ того особеннаго воззрѣнія на задачи разума по отношенію къ вѣрѣ, которое въ послѣдующемъ раз-

витіи своемъ образовало общій токъ и направленіе схоластической философіи.

Поставивъ себѣ подобную цѣль, философія Іоанна Скота Эригены пользуется для осуществленія ея умственными пріобрѣтеніями, добытыми разнообразными направленіями предшествующей философіи. Отражая въ себѣ въ большей или меньшей степени характеристическія особенности послѣднихъ, она становится проводникомъ ихъ въ интеллектуальную жизнь среднихъ вѣковъ, условливая этимъ ея развитіе не только со стороны указаннаго нами общаго и основнаго ея направленія, но и по возникавшимъ въ ней различнымъ частнымъ вопросамъ. Въ ней заключается и раціонализмъ гностиковъ, и мистицизмъ неоплатониковъ, формализмъ Аристотеля, и идеалистическій разумъ Платона. Поэтому, если принять во вниманіе, что философія Эригены, не смотря на неоднократныя запрещенія папъ, была въ большомъ распространеніи въ средніе вѣка, представляя предметъ занятій и пользованія для многихъ мыслителей *), то становится совершенно яснымъ, что разныя противоположныя направленія схоластической философіи—номинализма и реализма, раціонализма и мистицизма—если и не исключительно, то все-таки въ значительной степени условливались въ своемъ происхожденіи такимъ эклектическимъ характеромъ философіи Эригены. Въ философіи Эригены всѣ эти противоположности, разсѣянныя на пространствахъ всей системы, или сглаживаются сами по себѣ, или же тщательно замаскированы и скрыты: за то онѣ рельефно выступили въ послѣдствіи, когда система его сдѣлалась умственнымъ достояніемъ средневѣковыхъ мыслителей.

Но имѣя своею задачею раціональную систематизацію и оправданіе истинъ христіанства и пользуясь для того философскими результатами предшествующаго времени, система Іоанна Скота Эригены занимаетъ видное мѣсто и въ общей исторіи христіанской философіи и богословія. Изъ послѣдующаго изложенія ея съ очевидностію откроется, что въ этомъ отношеніи она представляетъ собою теософическій одытъ, весьма замѣчательный по глубинѣ своего умозрѣнія и товкости

*) Vilh. Kaulich: Geschichte der scholastischen Philosophie, 23, 24 p.

діалектики и совершенно исключительный для времени своего появления. Правда, при этомъ окажется, что она заключаетъ въ себѣ очень мало оригинальнаго, что большинству идей Эригены можно найти предшественниковъ въ направленіяхъ предыдущей философіи, но все-таки представленное въ единствѣ ея міросозерцанія гениальное объединеніе результатовъ предшествующей философіи и своеобразное примѣненіе ихъ къ христіанскому ученію есть собственная великая заслуга Эригены. Конечно, это объединеніе и примѣненіе ихъ не всегда бываетъ у него удачно и вмѣсто внутренняго органическаго примиренія часто ограничивается однимъ лишь внѣшнимъ механическимъ сочетаніемъ; однакожъ оно столь значительно по широтѣ своего основнаго воззрѣнія, что подобнаго ему не представляетъ намъ никакой христіанскій философъ древности, никакой мыслитель среднихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ для всякаго изслѣдователя христіанской философіи и богословія является не безъинтереснымъ вопросомъ: какова по сущности своей и откуда произошла философская система Эригены, имѣвшая столь важное значеніе для своего времени и сама по себѣ представляющая замѣчательное своеобразное явленіе христіанской философствующей мысли?

Что система Іоанна Скота Эригены дѣйствительно произошла изъ другихъ источниковъ и не есть самостоятельный плодъ его творческой мыслительной дѣятельности, это открывается не только изъ ближайшаго знакомства съ ея содержаніемъ, очевидно представляющимъ въ себѣ самые разнородные элементы, ясно указывающіе на ея общій эклектическій характеръ, но вмѣстѣ съ этимъ—изъ самаго характера эпохи ея появленія и того особеннаго умственнаго настроенія, которое исключительно въ ней господствовало. Середина девятаго вѣка, когда собственно появилась философія Эригены, составляетъ время упадка самостоятельной философской мысли,—время боязливаго и безраздѣльнаго подчиненія ея чуждому авторитету. Вся умственная теоретическая дѣятельность этой эпохи сосредоточивалась или на разработкѣ Священнаго Писанія и отеческихъ твореній, или же на изученіи различныхъ отрывковъ, уцѣлѣвшихъ отъ сочиненій древнихъ философовъ,

ограничиваясь въ томъ и другомъ случаѣ лишь одними комментаріями и компляціями и не представляя въ себѣ ничего самобытнаго, оригинальнаго. Ясно, что такой скудный умственною самодѣятельностію духъ Эригеновой эпохи не могъ не отразиться соотвѣтствующимъ образомъ и на характеръ его философіи. И хотя совершенно справедливо, что творческій гений философа можетъ далеко опережать умственное развитіе своей эпохи, однакожъ положеніе это вовсе не имѣетъ абсолютнаго значенія. Каждый философъ, представляя собою умственную силу, выступающую изъ круга возрѣній своей эпохи, въ то-же время, какъ дитя этой эпохи, вскормленное ея духомъ, неизбѣжно отражаетъ въ себѣ и тотъ или другой характеръ этого послѣдняго. Такимъ образомъ, если вѣкъ Эригены былъ вѣкомъ заимствованія и переработки чуждыхъ началъ философіи, то уже напередъ можно заключить, что и его философія вовсе не свободна отъ этого недостатка. И дѣйствительно, въ то время, какъ по основной тенденціи своей объ единствѣ всего сущаго и по своему отвлеченному возрѣнію на существо абсолютнаго, она приближается даже къ мыслителямъ новѣйшаго времени *) и во всякомъ случаѣ далеко возвышается надъ уровнемъ умственнаго развитія своей эпохи (извѣстно, что современниками она вполне не была даже и понята),—въ это-же самое время она усваиваетъ себѣ ея существенный недостатокъ, насколько въ частнѣйшемъ изложеніи своемъ представляетъ намъ болыпе заимствованное, чѣмъ самостоятельное содержаніе. Въ цѣломъ философская система Эригены далеко опережаетъ свое время, но въ развитіи частныхъ моментовъ этого цѣлаго и въ большинствѣ своихъ подробностей она вполне осуществляетъ на себѣ его общія черты, такъ что при отчетливомъ представленіи сущности этой системы, вопросъ о происхожденіи ея не только возможенъ, но и долженъ быть.

При изслѣдованіи означенныхъ вопросовъ огромное рѣшающее значеніе имѣетъ то общее вліяніе, подъ которымъ раз-

*) Huber: Johannes Scotus Erigena, 178—181 p. Справ. Kaulich. Gesch. d. scholast. Ph-ie 223 p.

вился Эригена и которое всецѣло отразилось на характерѣ его философскихъ умозрѣній. Извѣстно, что находясь при дворѣ Карла Лысаго въ качествѣ преподавателя философіи въ учрежденной имъ высшей школѣ, Іоаннъ Скотъ Эригена занимался, по его порученію, переводомъ сочиненій извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита, и вмѣстѣ съ этимъ—послѣдователя и толкователя ихъ Максима Исповѣдника *). О томъ, какое важное вліяніе произвели на него продолжительныя занятія сочиненіями этихъ писателей, можно судить по выразительному свидѣтельству самого Эригены. Въ своемъ посвященіи Карлу Лысому перевода сочиненій Максима Исповѣдника, Скотъ Эригена прямо называетъ себя ученикомъ

*) Считаемо не лишнимъ сообщить при этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Іоанна Скота Эригены, которыя впрочемъ отличаются крайнею неопредѣленностію, не смотря на всѣ усилія новѣйшихъ ученыхъ. О времени рожденія Эригены, о его происхожденіи и смерти ничего неизвѣстно съ несомнѣннѣйшею точностію и существуетъ лишь рядъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что годъ рожденія Эригены относится къ первой четверти девятого вѣка. Касательно-же происхожденія его слѣдуетъ замѣтить, что Шотландія, Ирландія и Англія съ одинаковою вѣроятностію могутъ быть принимаемы за его отечество. На шотландское происхожденіе Эригены можетъ указывать прозваніе его Скотомъ (Scotus) или Скотигеною (Scotigena). Но извѣстно, что Скоты переселились въ Шотландію изъ Ирландіи и что Ирландія называлась поэтому Скотіей болѣею, а Шотландія Скотіей менѣею. Такимъ образомъ имя „Скотъ“ можетъ одинаково относиться какъ къ Шотландіи, такъ и къ Ирландіи. За Англію стоитъ прозваніе нашего философа Эригеною, указывающее будто-бы на мѣсто рожденія его въ городѣ Эргенѣ близъ Валлеса. Въ такомъ случаѣ имя „Скотъ“ должно означать только мѣсто его образованія въ Ирландіи. Дѣйствительно, Ирландія считалась въ то время главнымъ центромъ образованности и въ богатыхъ англійскихъ семействахъ былъ распространенъ обычай посылать туда для образованія своихъ дѣтей. Но все это одни предположенія.

Не менѣе скудны и свѣдѣнія объ юношескомъ періодѣ въ жизни Эригены. По его необыкновенной учености можно судить только, что онъ получилъ обширное и тщательное научное образованіе. Но въ этомъ случаѣ слѣдуетъ считать за вымыселъ, будто-бы для дополненія онаго онъ ѣздилъ изъ Ирландіи въ Аѳины, и изучивъ тамъ кромѣ греческаго языка халдейскій и арабскій, возвратился во Францію чрезъ Египетъ. Объ этомъ путешествіи Эригены не имѣется въ его сочиненіяхъ никакихъ данныхъ и оно вѣроятно тѣмъ болѣе, что Аѳины того времени вовсе не могли считаться центромъ учености. Изъ древнихъ-же языковъ Эригена зналъ только латинскій и греческій. Знаніе языковъ еврейскаго и сирійскаго, приписываемое ему на основаніи встрѣчающихся въ его сочиненіяхъ правильныхъ переводовъ нѣкоторыхъ библейскихъ выраженій и этимологій

и послѣдователемъ неизвѣстнаго автора сочиненій, приписываемыхъ Діонисію Ареопагиту, отъ котораго онъ заимствовалъ всѣ главныя положенія своей философіи и при надлежащемъ пониманіи котораго ему способствовалъ Максимъ. „Оттуда“, говоритъ онъ здѣсь между прочимъ, „происходитъ, что причина всего, Богъ, есть только одна, но простая и вмѣстѣ многоразличная. Исходя оттуда, онъ научился понимать, какъ должно мыслить происхожденіе всего, что существуетъ, изъ благодати Божіей отъ высочайшаго до низшаго, отъ всеобщаго до частнаго, и возвращеніе; такъ что послѣднее восходитъ отъ постепеннаго объединенія отдѣльнаго до простѣйшаго единства всего, которое есть Богъ, почему какъ Богъ есть

отдѣльныхъ словъ, совсѣмъ не достовѣрно на томъ основаніи, что тамъ-же встрѣчается множество неправильныхъ его переводовъ и словопроизводствъ; тогда какъ правильныя онъ могъ заимствовать изъ церковно-отеческихъ сочиненій. Но такъ или иначе Эригена, при своихъ необыкновенныхъ духовныхъ дарованіяхъ, считался чудомъ учености и въ спекулятивномъ построеніи своего ученія превзошелъ все, что только представляло его время. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ совершенно одинокомъ.

По окончаніи своего образованія, Іоаннъ Скотъ Эригена въ сороковыхъ годахъ девятаго вѣка отправился во Францію и принять былъ королемъ Карломъ Лысымъ преподавателемъ въ процвѣтавшей при немъ высшей школѣ. Эригена преподавалъ здѣсь философію, но не былъ равнодушенъ и къ богословскимъ вопросамъ, которые разрѣшалъ обыкновенно съ помощію правилъ діалектики. Когда вышло въ свѣтъ его главное произведеніе „De divisione naturae“, онъ былъ заподозрѣнъ въ ереси. Названіе еретикъ скоро достигло Рима и папа Николай I, воспользовавшись тѣмъ, что Эригена издалъ свой переводъ сочиненій Діонисія Ареопагита безъ предварительной папской цензуры, потребовалъ въ 860 г. и въ 862 г. отъ Карла Лысаго удаленія его изъ высшей школы. Карлъ Лысый поступилъ согласно желанію папы, но продолжалъ относиться къ Эригенѣ съ особенною благосклонностію. По удаленіи изъ школы, Эригена жилъ въ различныхъ мѣстахъ Франціи, поддерживаемый королемъ; но о дальнѣйшей судьбѣ его здѣсь не имѣется никакихъ частнѣйшихъ свѣдѣній.

Умеръ Эригена около 875 года; поэтому естественно, что призваніе его въ 882 году Альфредомъ Великимъ въ новоучрежденный Оксфордскій университетъ должно считать вымысломъ.

Извѣстно, что Эригена былъ слабого тѣлосложенія и велъ воздержную богоугодную жизнь: благочестивое настроеніе проникаетъ и въ всѣ его сочиненія. Безъ сомнѣнія, онъ принадлежалъ къ духовному сословію; но находился-ли онъ въ бѣломъ духовенствѣ, или-же былъ монахомъ, съ точностію неизвѣстно. Последнее вѣроятнѣе, судя по его особенному благочестію. (Huber: Iohannes Scotus Erigena, 29—50 p. Kaulich: Gesch. d. scholast. Ph—ie, 65—79 p.)

все, такъ и все есть Богъ. Оттуда принято и усвоено различіе положительной и отрицательной теологіи и то, какъ эти части совпадаютъ“ и проч. *).

Но вліяніе на умственное развитіе и направленіе Іоанна Скота Эригены не ограничивалось лишь этими двумя писателями отеческой эпохи. Помимо ихъ онъ занимался еще и сочиненіями многихъ другихъ отцевъ и учителей церковныхъ, какъ то: Василія Великаго, Григорія Назіанзина, въ особености же Григорія Нисскаго и Оригена. Изъ латинскихъ церковныхъ учителей въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть Амвросія Медиоланскаго и блаженнаго Августина. Вообще же должно сказать, что греческихъ отцевъ Церкви Эригена предпочиталъ латинскимъ, по той простой причинѣ, что созерцательный духъ его болѣе согласовался съ спекулятивнымъ характеромъ первыхъ, чѣмъ съ практическимъ направленіемъ послѣднихъ **). Громадное вліяніе всѣхъ этихъ церковныхъ писателей на міросозерцаніе Эригены усматривается изъ самаго развитія его системы, въ которой опъ дѣлаетъ безпреставныя ссылки на ихъ сочиненія и не рѣдко приводитъ изъ нихъ цѣлыя выдержки для подкрѣпленія своихъ положеній.

Изъ указанныхъ церковныхъ писателей Эригена и заимствовалъ всѣ неоплатоническіе элементы своей философіи, которые вскользь и отрывочно были разбросаны въ ихъ сочиненіяхъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что христіанская философская мысль обыкновенно пользуется для собственныхъ цѣлей тѣми воззрѣніями и началами, которыя являются преобладающими въ свѣтской образованности даннаго времени, или по крайней мѣрѣ, во внѣшнемъ представленіи своемъ болѣе или менѣе приспособляется къ этимъ началамъ. Такими началами въ отеческую эпоху, особенно для отцевъ восточной Церкви, служили, безъ сомнѣнія, философскія умозрѣнія неоплатонической школы; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если эти послѣднія отчасти проникали въ различныя ихъ сочиненія. Къ необыкновенной даровитости Эригены слѣдуетъ отнести то, что

*) Villh. Kaulich. Geschichte der scholast. Ph—ie 81 p.

**.) Albert Stokl: Geschichte der Philosophie des Mittelalters, 31 p.

онъ съ истинно гениальнымъ чувствомъ угадалъ и выдѣлить эти начала и, смѣшавъ ихъ съ христіанскими мыслями, создалъ цѣльную идеально-пантеистическую систему, насквозь пропитанную неоплатонизмомъ. Что отсюда, именно, Эригена усвоилъ и развилъ всѣ неоплатоническія тенденціи своей философіи, это открывается уже изъ того, что онъ вовсе не имѣлъ непосредственнаго знакомства съ неоплатонизмомъ и даже нигдѣ не упоминаетъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ что если ему и было извѣстно имя этой школы, то не потому собственно, чтобы онъ читалъ какія-либо произведенія ея, а преимущественно со словъ блаженнаго Августина, который такъ часто о ней упоминалъ *).

Незнакомый съ первоисточниками неоплатонизма, Эригена взялъ, однакоже, на себя неосуществимую задачу примирить его съ христіанствомъ. При этомъ онъ хотя и старался всѣчески о согласованіи своихъ идей съ истинами христіанства, но всегда бралъ эти послѣднія отрывочно и толковалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не втискивалъ, наконецъ, въ свои неоплатоническія формулы. Поэтому философская система его можетъ быть разсматриваема, какъ неоплатоническая по преимуществу, и все послѣдующее изложеніе ея представитъ ясныя свидѣтельства такого ея преобладающаго характера.

Обращаясь теперь къ самому развитію философской системы Іоанна Скота Эригены, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что принимаемая въ ней точка зрѣнія на начала и методъ философскаго изслѣдованія есть по существу своему рационалистическая. Христіанская вѣра имѣетъ для Эригены значеніе какъ предположеніе и основаніе всякаго знанія. Начала каждаго разумнаго изслѣдованія должны быть взяты, по его мнѣнію, изъ божественныхъ изреченій, какъ они предложены намъ въ Св. Писаніи и потому вѣра есть принципъ, изъ котораго происходитъ въ разумномъ существѣ познаніе Бога. Задача же разума, по отношенію къ вѣрѣ, состоитъ въ томъ, чтобы открывать тайный и скрытый смыслъ божественныхъ изреченій и путемъ аллегорическаго толкованія приводить насъ къ по-

*) Huber: Ioannes Scotus Erigena, 428 p.

ниманію истинъ, находящихся въ Св. Писаніи. И это касается всѣхъ истинъ, всѣхъ божественныхъ изреченій, не исключая даже и фактовъ историческаго повѣствованія. Эригена не дѣлаетъ никакого различія между истинами откровенія. Всѣ онѣ совершенно одинаковымъ образомъ должны быть объяснены и построены изъ разума. Содержаніе философіи, по его воззрѣнію, заходитъ такъ-же далеко, какъ и содержаніе откровенія, и въ этомъ смыслѣ онъ усвояетъ себѣ извѣстное изреченіе блаженнаго Августина, что истинная философія и истинная религія—одно и то же. При этомъ стремленіи проникнуть въ глубочайшій смыслъ Св. Писанія, въ тайны откровенія, мы должны, конечно, уважать, по мнѣнію Эригены, авторитетъ отцевъ и учителей церковныхъ, отдавая ихъ проницательности справедливое значеніе. Но прежде всего намъ совершенно позволительно избирать изъ ихъ сочиненій только то, что по соображеніямъ нашего разума представляется наиболее соответствующимъ божественнымъ изреченіямъ. Далѣе, такъ какъ разумъ нашъ стоитъ прежде и потому выше авторитета отцевъ Церкви, то, достигнувъ путемъ правильнаго умозаключенія извѣстнаго результата, мы должны удерживать его, хотя-бы это было и вопреки церковному авторитету. Это имѣетъ значеніе даже и въ томъ случаѣ, если такой философскій результатъ стоитъ, повидимому, въ противорѣчій съ изреченіемъ Св. Писанія; по крайней мѣрѣ Эригена говоритъ, что мы должны слѣдовать нашему разуму вездѣ, гдѣ онъ не можетъ быть подавленъ никакимъ авторитетомъ *).

Очевидно, что въ этомъ ученіи Іоанна Скота Эригены о началахъ философскаго изслѣдованія просвѣчиваютъ совершенно раціоналистическія тенденціи,—тенденціи, побуждающія нѣкоторыхъ изслѣдователей ставить этотъ пунктъ его философіи въ связь съ ученіемъ разныхъ гностическихъ сектъ первыхъ временъ христіанства **). Въ особенности это должно сказать о томъ широкомъ просторѣ, который предоставляется здѣсь разуму въ аллегорическомъ толкованіи божественнаго

*) Alb. Stockl: Gesch. d. Ph—ie des Mittelalters, 39 p.

***) Ibid. 42.

откровенія. Въ томъ положеніи, что не все находящееся въ Св. Писаніи должно понимать въ буквальномъ смыслѣ, Эригена, конечно, согласуется со всѣми христіанскими эзегетами; но онъ заходитъ слишкомъ уже далеко, когда усвоетъ разуму столь широкія полномочія, что онъ не останавливается у него ни предъ тайнами откровенія, ни предъ фактической истинностію повѣствуемыхъ въ немъ событій. Если нѣкоторые историческіе факты Св. Писанія могутъ и должны быть объясняемы аллегорически или прообразовательно, то при этомъ, всетаки, слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, чтобы фактическая истинность случившагося была предполагаема здѣсь именно въ томъ смыслѣ, какъ ее изрекаетъ буквальный смыслъ. Но у Эригены подобная истинность факта совершенно исчезаетъ и на ея мѣсто выступаетъ лишь то, что подкладываетъ здѣсь аллегорическое толкованіе, какъ это мы и увидимъ, напримѣръ, въ его толкованіи шестидневнаго творенія. Дѣйствительно, здѣсь Эригена, повидимому, совершенно усвоетъ себѣ то основное положеніе древнихъ гностиковъ, что въ Св. Писаніи, подъ покровомъ буквального смысла, всегда лежитъ скрытое, таинственное содержаніе, исключительно составляющее чистую истину, которую только они, гностики или мудрецы, открыли и изслѣдовали. Правда, Эригена представляетъ здѣсь нѣкоторое, не находящееся у гностиковъ ограниченіе, — что при толкованіи Св. Писанія должно имѣть въ виду авторитетъ церковныхъ учителей; но такъ какъ это ограниченіе у него лишь кажущееся, а не дѣйствительное, то и гностическій принципъ остается здѣсь во всей силѣ. Отсюда-то и происходитъ, что философія, по мнѣнію Эригены, должна преслѣдовать глубочайшій смыслъ всего того, о чемъ учитъ религія и что истинная философія у него совершенно отождествляется съ истинной религіей, хотя онъ и прикрывается здѣсь для видимости авторитетомъ блаженнаго Августина.

Но уже съ этимъ гностически-раціоналистическимъ возрѣніемъ на начала и методъ философскаго познанія связывается у Іоанна Скота Эригены мистицизмъ, напоминающій умозрѣнія неоплатонической школы. Естественный разумъ нашъ, учитъ онъ далѣе, есть самъ по себѣ темнота; предоставлен-

ный самому себѣ, онъ не въ состояніи проникнуть въ божественныя тайны и можетъ достигать этого лишь подъ условіемъ таинственнаго озаренія свѣтомъ божественнаго откровенія. Вслѣдствіе грѣхопаденія онъ палъ въ познаніи Бога и безъ особой божественной помощи вове не можетъ снова прійти къ свѣту. Когда-же онъ озаряется сверхъестественнымъ свѣтомъ, тогда онъ бываетъ способенъ побѣдить всю темноту и созерцать непосредственно даже самую высочайшую истину. Въ этомъ состояніи своего озаренія онъ почти не есть уже тотъ разумъ, который разсматриваетъ высочайшую истину, но тотъ, который самъ себя разсматриваетъ въ человѣкѣ. Здѣсь уже не человѣкъ находитъ Бога, но собственно Богъ находитъ Самъ Себя въ человѣкѣ *).

Очевидно, однако-же, что этотъ мистицизмъ есть только естественное восполненіе первой гностически-раціоналистической точки зрѣнія Эригены. Приписавъ однажды человѣческому разуму возможность подняться, на основаніи Св. Писанія, до прозорливости въ высочайшія тайны христіанства, ему было необходимо, чтобы сохранить видъ христіанскаго философа, указать, именно, на мистическую дорогу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сила нашего разума унижается до самой крайней степени и обращается въ ничто, коль скоро все приписывается ниспосылаемому въ него сверхъестественному божественному свѣту. Вслѣдствіе этого здѣсь получается видъ, будто теорія, возводящая человѣческое познаніе до неестественной высоты, покоится на основѣ истинно-христіанскаго смиренія, хотя въ дѣйствительности этого вовсе нѣтъ, и раціоналистическое самовосхожденіе человѣка по прежнему остается здѣсь во всей силѣ, и только получаетъ наружную окраску благочестиваго христіанскаго духа.

Но что самый этотъ мистицизмъ, къ помощи котораго прибѣгаетъ здѣсь Эригена, вовсе не отличается истинно-христіанскимъ характеромъ, а заимствованъ имъ изъ другихъ источниковъ, — это само по себѣ очевидно. Истинно-христіанская мистика возможна лишь въ томъ случаѣ, когда сверхъесте-

*) Vith. Kaulich: Gesch. d. scholast. Ph—ie, 90—91 p.

ственный свѣтъ, возводящій человѣка къ Богу, дѣйствительно понимается какъ сверхъестественный въ собственномъ смыслѣ этого слова. У Эригена-же этого вовсе нѣтъ. У него разумъ человѣческій есть темнота и, слѣдовательно, самъ по себѣ совершенно неспособенъ ни къ какому познанію. Если-же человѣкъ познаетъ что-нибудь, то это совершается лишь подъ условіемъ божественнаго свѣта, озаряющаго его душу и принадлежащаго, поэтому, къ самому существу его познавательной силы,—слѣдовательно этотъ свѣтъ не есть уже нѣчто сверхъестественное въ человѣкѣ, но нѣкоторымъ образомъ естественно данное въ немъ условіе его познанія. Однимъ словомъ, Эригена всецѣло вращается здѣсь на точкѣ зрѣнія древняго неоплатоническаго мистицизма, и только своеобразно примѣняетъ его къ развитію своихъ рационалистическихъ положеній о началахъ философскаго изслѣдованія въ частности, и человѣческаго познанія вообще.

Такими предварительными изслѣдованіями сущности философскаго познанія, его источника и метода Іоаннъ Скотъ Эригена приготовилъ точку отправленія для своей философіи. Все дальнѣйшее развитіе ея онъ исполняетъ совершенно въ духѣ этихъ основныхъ своихъ воззрѣній и съ тѣмъ же характеромъ заимствованія и переработки, который уже въ нихъ обнаруживается.

Собственно философскую систему свою, изложенную въ обширномъ сочиненіи „о раздѣленіи природы“ (*De divisione naturae*), Эригена начинаетъ различеніемъ четырехъ натуръ въ божественномъ лопѣ универса. Первая натура есть та, которая не творится и творитъ (*natura, quae non creatur et creat*), т. е. самъ Богъ, поколику Онъ есть высочайше дѣйствующая причина всѣхъ вещей: Богъ несотворенъ, но есть первоначальная причина, которою все сотворено. Къ ней примыкаетъ вторая натура, которая творится и творитъ (*natura, quae creatur et creat*). Подъ нею разумѣются первоосновы вещей (*causae primordiales*), вѣчныя идеи, заключенныя въ божественномъ словѣ, насколько идеи эти суть не просто божественныя мысли, но и творческія потенціи предметовъ чувственнаго міра. Онѣ представляютъ природу сотворенную, потому что

происходить отъ Бога; но въ то же время и натуру творческую, потому что онѣ дѣятельно и дѣйствительно раскрываются въ міровыхъ явленіяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ третья натура, которая творится и не творитъ (*natura, quae creatur et non creat*). Это чувственно воспринимаемый нами міръ съ находящимися въ немъ недѣлимыми. Они суть просто дѣйствія и обнаруженія вѣчныхъ силъ; поэтому они только сотворены, но сами не творятъ. Наконецъ, четвертая натура есть та, которая не творится и не творитъ (*natura, quae non creatur et non creat*), т. е. опять Самъ Богъ, поколику Онъ есть послѣдняя конечная цѣль всѣхъ вещей и всѣхъ ихъ возвращаетъ въ себя. Въ границахъ этого четвертаго различенія и движется вся философская система Эригены, представляющая въ своей цѣлости не что иное, какъ подробнѣйшее раскрытіе сущности и отношенія между собою этихъ четырехъ натуръ.

Существуютъ предположенія, что уже представленное нами различеніе четырехъ натуръ, обнимающихъ все міросозерцаніе Іоанна Скота Эригены, не есть самостоятельный плодъ его философской творческой мысли, а цѣликомъ заимствовано имъ изъ другихъ источниковъ. Дѣйствительно, въ системѣ Эригены различеніе это вовсе ничѣмъ не подкрѣпляется, а принимается прямо, какъ нѣчто совершенно готовое и непосредственно данное. Поэтому предположенія эти имѣютъ тѣмъ большія основанія, что и въ нѣкоторыхъ философскихъ умозрѣніяхъ, предшествовавшихъ Эригенѣ, мы встрѣчаемъ образцы подобнаго же разчлененія всеобъемлющей жизни универса. Уже Колебрукъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о религіозныхъ сектахъ Индіи, замѣтилъ, что различеніе Эригеною четырехъ натуръ имѣетъ большое сходство съ ученіемъ одной индійской теософической секты; но очевидно, что это сходство чисто случайное, ибо никоимъ образомъ нельзя себѣ представить существованіе какого-либо посредства между ними. Гораздо основательнѣе тѣ соображенія, которыя по данному вопросу указываютъ на Аристотеля и неоплатониковъ, какъ на источники, откуда Эригена дѣйствительно могъ заимствовать свое ученіе *). У Аристотеля находятся извѣстныя три различія:

*) Kaulich: *Gesch. d. scholast. Ph—ie*, 139 p.

неподвижнаго и движущаго, движимаго и движущаго и, наконецъ, движимаго, но уже не движущаго. Если къ этому прибавить еще неоплатоническое ученіе объ обожествленіи, которое получаетъ видимая природа по возвращеніи своемъ въ лоно Первоедиаго, то мы и получимъ выведенное Эригеною четверное различеніе натуръ. Существуетъ, однакоже, и третье довольно вѣроятное предположеніе, будто Эригена въ своемъ различеніи натуръ скопировалъ одно мѣсто изъ сочиненій блаженнаго Августина, гдѣ говорится, что Богъ есть причина, которая производитъ и не производится, что разумнѣйшіе духи суть причины, которыя производятъ и производятся, что, напротивъ тѣлесныя причины, которыя болѣе производятся, чѣмъ производятъ сами, могутъ быть признаны не производящими причинами, такъ какъ онѣ составляютъ только средство для воли духовъ *). Но такъ какъ основаніе такого воззрѣнія блаженнаго Августина находится, очевидно, у Аристотеля, то у этого послѣдняго должно полагать и прототипъ Эригенова различенія натуръ, дополненаго имъ заимствованіемъ четвертой отъ неоплатониковъ.

Но хотя-бы Эригена и былъ обязанъ преимущественно Аристотелю своимъ ученіемъ о четырехъ формахъ въ жизни универса, однако-же заимствованіе это, ограничиваясь одною только отвлеченною схемою, не произвело значительнаго вліянія на его міросозерпаніе и все дальнѣйшее развитіе его системы совершается въ радикально противоположномъ Аристотелю, неоплатоническомъ духѣ. Какъ скоро уже самая схема, заимствованная у Аристотеля, потерпѣла у него существенное видоизмѣненіе подъ вліяніемъ неоплатонизма, то тѣмъ рѣшительнѣе онъ воспроизводитъ неоплатоническія тенденціи въ томъ содержаніи, которое наполняетъ у него эту отвлеченную схему. Здѣсь Эригена начинаетъ свое ученіе съ первой природы.

Богъ, учить онъ, какъ первая натура, безпредѣльно возвышается въ своемъ отрѣшенномъ бытіи надъ всѣмъ сотвореннымъ и потому превосходитъ всѣ познавательныя силы сотворенныхъ духовъ. Онъ превышаетъ не только всѣ попытки че-

*) Huber: Ioannes Scotus Erigena, 163 p.

ловѣческаго умозаключенія, но и чистѣйшее разумѣніе небесныхъ существъ: Богъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ. Ни одна изъ Аристотелевскихъ категорій не можетъ быть примѣнена въ собственномъ смыслѣ къ Богу. Онѣ суть всеобщія понятія, заимствованныя изъ разсмотрѣнія копечныхъ вещей; но Богъ безконеченъ и потому возвышается надъ всѣми категоріями. Богъ не есть *сущность*, но болѣе чѣмъ сущность; сущностью Онъ называется лишь потому, что есть первопричина всѣхъ сущностей. Богъ не есть какое-либо *количество*, но превышаетъ его, какъ абсолютно необъятный и безпредѣльный. Онъ безъ *качества*, безъ *состоянія* (*habitado*), безъ положенія; даже категорія *отношенія* можетъ быть примѣняема къ Богу только въ переносномъ, слѣдовательно, не собственномъ смыслѣ. Богъ не движется, не измѣняется во времени, какъ сотворенныя вещи; Онъ находится внѣ времени, внѣ всякаго движенія; Онъ есть тождество покоя и движенія, движущійся покой, покоящееся движеніе. Но если Богъ безъ движенія, безъ перемѣвы, то Онъ и безъ желанія, безъ дѣйствія. Какъ абсолютно неизмѣнный, Онъ возвышается надъ тѣмъ и другимъ, потому что и желаніе и дѣйствіе совершенно невозможны безъ перемѣны въ желающемъ и дѣйствующемъ. Если-же Богъ ни дѣйствуетъ, ни желаетъ, то Онъ и не любитъ и не можетъ быть любимъ; только въ метафорическомъ смыслѣ Онъ называется любовію.

Возвышаясь надъ всѣми категоріями и предикатами, Богъ есть абсолютно безформенный, превышающій всякое опредѣленіе. Какъ безформенный и непостижимый, Онъ поэтому справедливо можетъ быть названъ „ничто“ (*nihilum*). И дѣйствительно, въ своемъ отрѣшенномъ бытіи Онъ на самомъ дѣлѣ есть ничто, потому что Онъ выше и внѣ всякаго опредѣленнаго бытія. Къ Богу нельзя относить никакого утвержденія; Онъ не есть какое-нибудь опредѣленное „что“ въ отличіе или противоположность другому „что“; Онъ безъ „чточества“ (*sine quidditate*). Поэтому Богъ познается только, что Онъ существуетъ, но что такое собственно Онъ есть, — Онъ не познается, такъ какъ Онъ былъ бы „нѣчто“, если бы дѣйствительно познавался какъ Богъ.

Безъ сомнѣнія, мы должны приписывать Богу всѣ совершенства, потому что они должны-же въ Немъ быть, если Онъ есть причина ихъ въ сотворенныхъ вещахъ. Но такъ какъ и этотъ предикатъ, по отношенію къ Богу, все-таки есть относительный, употребляемый въ переносномъ смыслѣ, то мы и не можемъ изрекать его о Немъ въ собственномъ его значеніи. На этомъ основаніи Эригена различаетъ двоякую теологию: положительную и отрицательную. Положительная теология утверждаетъ въ Богѣ всѣ совершенства, поскольку Онъ есть причина ихъ въ Своихъ твореніяхъ. Но такъ какъ это утвержденіе есть на самомъ дѣлѣ не свойственное Богу, то отрицательное богословіе исключаетъ его въ Богѣ и стоитъ поэтому гораздо выше положительнаго. Наилучшее познаніе Бога, думаетъ Эригена, достигается чрезъ незнаніе и это послѣднее по отношенію къ Нему есть истинная мудрость.

Такимъ образомъ, если бы мы захотѣли придать Богу въ Его отрѣшенномъ бытіи какое-либо опредѣленіе, то опредѣленіе это, чтобы быть сколько-нибудь подходящимъ, должно заключать въ себѣ вмѣстѣ и утвержденіе и отрицаніе. Это отчасти достигается, по мнѣнію Эригены, чрезъ прибавленіе къ нему предлоговъ: сверхъ, выше, надъ. Поэтому не слѣдуетъ говорить о Богѣ, что Онъ не мудръ, но сверхъ-мудръ; не благъ, но сверхъ-благъ; не истинный, но сверхъ-истинный; Онъ есть сверхъ-существенный, сверхъ-божественный, сверхъ-могущественный и т. д. Говоря такъ о Богѣ, мы соединяемъ здѣсь въ одно положительный и отрицательный моментъ. По внѣшнему слововыраженію такое опредѣленіе положительно, по внутреннему-же смыслу оно, напротивъ, отрицательно, такъ какъ называя, наприм., Бога сверхъ-существеннымъ, мы говоримъ этимъ, что Онъ есть не сущность, но болѣе чѣмъ сущность. Тоже самое происходитъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

Обращая вниманіе на это ученіе Эригены о первой натурѣ, превышающей у него всякое бытіе и познаніе, нельзя не замѣтить, безъ сомнѣнія, поразительнаго сходства его съ неоплатоническимъ ученіемъ объ абсолютно единомъ и безконечномъ. Неоплатоники, такъ-же какъ и Эригена, учили, что Богъ есть

единица, превышающая всякое бытіе и мысль и стоящая по-этому выше всякаго опредѣленія и совершенствъ, какія мы только изрекаемъ. Подобнымъ-же образомъ они утверждали, что о высочайшемъ нельзя сказать въ собственномъ смыслѣ даже и того, что оно существуетъ, потому что при всякой мысли о бытіи мы обыкновенно представляемъ себѣ нѣчто опредѣленное, отличное отъ всего остальнаго, чего по отношенію къ абсолютному, очевидно, быть не можетъ. У нихъ также находится мысль, что всякое положительное знаніе невозможно по отношенію къ Богу, а возможно только отрицательное, то есть, незнаніе, возникающее изъ отрицанія въ Немъ всякихъ опредѣленныхъ конечныхъ свойствъ. Словомъ, сопоставляя эти ученія, нельзя не усматривать въ нихъ совершеннаго тождества, на основаніи котораго необходимо допустить, что ученіе Эригены о Богѣ есть не что иное, какъ воспроизведеніе неоплатоническихъ воззрѣній на существо абсолютнаго. Что-же касается вопроса о томъ, откуда Эригена, незнакомый съ первоисточниками неоплатонизма, могъ заимствовать ближайшимъ образомъ неоплатоническія идеи въ своемъ ученіи о Богѣ, то въ отвѣтъ на него можно указать на сочиненія, извѣстныя въ отеческой литературѣ съ именемъ Діонисія Ареопагита, которыя, будучи проникнуты въ значительной степени идеями неоплатонизма, представляли вообще богатый источникъ заимствованія ихъ для Эригеновой философіи.

Эригена развиваетъ свое ученіе о Богѣ совершенно также, какъ это сдѣлалъ неизвѣстный авторъ, скрытый подъ именемъ Діонисія Ареопагита, въ сочиненіи своемъ „о Божественныхъ именахъ“ (*De divinis nominibus*),—соблюдая при этомъ тотъ-же самый характеръ аргументаціи и даже одинаковый порядокъ ея ви́шняго расположенія *). У этого-же автора Эригена заимствовалъ и выведенное имъ различіе двоякой теологіи, въ чемъ не оставляетъ никакого сомнѣнія не только вышеприведенное свидѣтельство объ этомъ самого Эригены, но и ближайшее сравненіе ихъ ученій по этому пункту. Здѣсь встрѣчаемъ мы одинъ и тѣ-же основанія, на которыхъ создается это различіе-

*) Ueberweg. Geschichte der Philosophie der patristischen Zeit, 94 p.

ніе, одинаковую аргументацію при его построеніи и даже нѣ-которую общность въ формулахъ его внѣшняго выраженія *).

Но хотя въ началѣ своего ученія о первой натурѣ Іоаннъ Скотъ Эригена и воспроизводитъ всецѣло неоплатоническія идеи, однакожъ въ дальнѣйшемъ развитіи его, подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ, онъ нѣсколько уклоняется отъ чистаго неоплатонизма, примѣшивая къ нему нѣкоторыя воззрѣнія христіанства. Въ первый разъ это обнаруживается въ его ученіи о теофаніяхъ (богоявленіяхъ, богооткровеніяхъ), какъ средствахъ богопознанія. Тогда какъ неоплатоники, поставивъ Божество внѣ дѣйствія нашихъ познавательныхъ силъ, главное средство богопознанія видѣли въ происходящемъ изъ особеннаго духовнаго возбужденія мистическомъ созерцаніи Божества, Эригена, сдѣлавъ тоже самое, нашелъ однако-же другой исходъ въ своемъ ученіи о теофаніяхъ. Подъ именемъ теофаній Эригена разумѣеть, съ одной стороны, явленія сотвореннаго міра, насколько въ нихъ открывается Божество со своими свойствами, съ другой—непосредственныя самооткровенія Божества въ сотворенныхъ духахъ, какъ особыя внутреннія озаренія ихъ свѣтомъ Божественной благодати. Послѣднимъ родомъ теофаній познають Бога и Ангелы и вѣчныя первоосновы всѣхъ вещей; въ человѣкѣ-же, напротивъ, дѣйствуетъ преимущественно первый родъ теофаній. Послѣднія, внутреннія теофаніи бывають здѣсь рѣже, но за то онѣ имѣють огромное превосходство въ отношеніи ясности и совершенства богопознанія. Очевидно, что принимаемая здѣсь Эригеною точка зрѣнія совершенно противоположна неоплатонической. Тамъ средство богопознанія сосредоточивалось исключительно въ человѣкѣ, въ томъ мистическомъ созерцаніи, до котораго онъ доходилъ путемъ экстатического состоянія; здѣсь, напротивъ, оно зависитъ по преимуществу отъ Самого Бога. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, обнаруживается вліяніе на Эригена христіанскаго ученія о естественномъ и непосредственномъ откровеніи человеку Божества. Въ частности, откуда заимствовалъ Эригена свое ученіе о теофаніяхъ, можно указать на Максима Ис-

*) Ibidem. 94—95 p.

повѣдника, на сочиненія котораго онъ дѣлаетъ въ этомъ случаѣ частныя указанія и нерѣдко приводитъ изъ нихъ цѣлыя мѣста для доказательства своихъ воззрѣній *).

Но по той-ли причинѣ, что, принявъ однажды неоплатоническій принципъ, Эригена не могъ на первомъ же шагѣ въ своихъ умозрѣнiяхъ совершенно освободиться отъ него, или же отъ того, что, слѣдуя рабски Максиму Исповѣднику, известному послѣдователю и толкователю псевдо-діонисіевыхъ сочиненій, онъ воспроизвелъ также и нѣкоторыя его неоплатоническія идеи, — только философъ нашъ въ своемъ ученіи о теофаніяхъ не вполне еще свободенъ отъ вліянія неоплатонизма. Расходясь съ нимъ въ ученіи о средствахъ богопознанія, Эригена однакоже сходится съ неоплатонизмомъ въ своихъ воззрѣнiяхъ на результаты его. Въ теофаніяхъ, по его мнѣнію, человѣкъ не просто только познаетъ Бога, но сливается и объединяется съ нимъ до того, что личность его въ этомъ случаѣ совершенно исчезаетъ. „Какъ воздухъ“, говоритъ Эригена вмѣстѣ съ Максимомъ Исповѣдникомъ, „освѣщенный солнцемъ только болѣе обнаруживаетъ свѣтъ его, такъ и человѣческая натура, соединенная здѣсь съ Богомъ, есть уже только Самъ Богъ и не она уже, но только одинъ Богъ въ ней усматривается“ **). Поэтому Эригена прямо заключаетъ, что въ теофаніяхъ не человѣкъ собственно познаетъ Бога, но только Богъ познаетъ Самого Себя въ человѣкѣ. Здѣсь, очевидно, обнаруживается то мистическое погруженіе въ безконечное, о которомъ учили неоплатоники и которое Эригена только своеобразно смѣшиваетъ съ христіанскимъ ученіемъ о различныхъ откровеніяхъ человѣку Божества.

Точно такой-же характеръ смѣшенія христіанскихъ началъ съ неоплатоническими представляетъ и ученіе Іоанна Скота Эригены о Троицѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что христіанскія начала имѣютъ здѣсь явное преобладаніе. — Въ теофаніяхъ, учитъ Эригена, Богъ открывається не просто въ бытіи своемъ, но также и въ своей тринности; поэтому изъ нихъ

*) Huber: Ioannes Scotus Erigena, 139—144 p.

**) Ibidem 146 p

можно познать также и тріпостасность Бога. Именно: чрезъ познаніе того, что вещи существуютъ, теологи узнали, что Богъ есть; изъ того, что онъ соотвѣтственно порядку опредѣлены по родамъ и видамъ, они узнали, что Богъ мудръ; а изъ успокоеннаго движенія и нарушеннаго покоя, воспринимаемаго въ міръ явленій, они познали, наконецъ, что Богъ живетъ. А это и означаетъ открывающуюся въ теофаніяхъ троичность Бога. Подъ бытіемъ, именно, разумѣется Отецъ; подъ мудростію—Сынъ; подъ жизнью—Духъ Святой.—Такое ученіе о Троицѣ, выведенное Эригеною въ заключеніе разсужденія своего о первой натурѣ, существенно видоизмѣняетъ неоплатоническій характеръ изложенныхъ воззрѣній его на существо абсолютнаго и болѣе приближаетъ это послѣднее къ христіанскимъ понятіямъ о немъ. Здѣсь Богъ не есть уже одна пустая абстракція, или какая-то неопредѣленная, немислимая сущность, какъ это было у неоплатониковъ и какимъ прежде представилъ его Эригена, слѣдуя имъ; здѣсь Онъ является, напротивъ, какъ опредѣленное живое начало, открывающееся въ явленіяхъ міровой жизни и въ этомъ естественномъ откровеніи своемъ становящееся мыслимымъ не только по своимъ свойствамъ, но и въ своей троичности. И хотя ученіе о тройственномъ началѣ міровой жизни мы встрѣчаемъ и у неоплатониковъ, но тамъ оно имѣло характеръ, существенно отличный отъ того, какой представляетъ оно у Эригены. По эманатическимъ представленіямъ неоплатониковъ, между составными членами первоначальной Троицы господствовалъ порядокъ подчиненія каждаго низшаго члена ея высшему. Божественный умъ, второй членъ неоплатонической троицы, происходя путемъ амапаціи отъ первоединого, тѣмъ самымъ подчиняется этому послѣднему и въ порядкѣ бытія и въ мыслящемъ сознаніи, въ свою очередь подчиняя себѣ точно также вытекающую изъ него міровую душу. У Эригены же, напротивъ, совершенно не встрѣчаются такіа представленія о взаимномъ отношеніи между собою лицъ Святой Троицы; лучше сказать, его ученіе о Троицѣ всего болѣе соотвѣтствуетъ чисто христіанскимъ началамъ, только, конечно, не ортодоксальнымъ, хотя-бы то и въ католическомъ смыслѣ. Если теологи путемъ естественнаго от-

кровенія нашли троичную жизнь Бога, то она, конечно, перестаетъ уже быть тайною въ строгомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь обнаруживается раціонализмъ Эригены, очевидно находящійся въ связи съ гностическою точкою зрѣнія его, указанною нами въ началѣ. Точно также и переходъ отъ бытія мудрости и жизни къ тремъ личностямъ Божества образуетъ скорѣе модалистическое пониманіе Троицы, чѣмъ православно-католическое. Но не смотря на это, ученіе Эригены о Троицѣ все таки возникло преимущественно на почвѣ христіанскихъ началъ и, слѣдовательно, усвоено имъ предпочтительно изъ христіанскихъ источниковъ; поэтому оно существенно и отличается отъ ученія о ней неоплатонической школы.

Но расходясь съ неоплатониками въ общемъ воззрѣніи своемъ на тройственную жизнь Бога, Іоаннъ Скотъ Эригена снова сходится съ ними въ частнѣйшемъ примѣненіи этого воззрѣнія къ процессу міротворенія. Въ Сынѣ Божіемъ, учитъ Эригена, какъ въ мудрости своей, Отецъ основалъ все, всю цѣлость творенія. Когда Сынъ предвѣчно родился отъ Отца, то въ Немъ и чрезъ Него сотворено все; потому что Его произрожденіе отъ Отца есть основаніе всѣхъ идеальныхъ существъ, первоосновъ, первоформъ вещей. Сынъ, слѣдовательно, есть вмѣстѣ личность и идея міроваго бытія; такъ какъ то, что основано Отцемъ въ Сынѣ, есть Самъ Сынъ. Поэтому Онъ и называется словомъ, разумомъ, мыслию. Духъ Святой есть раздѣляющая и упорядочивающая причина того, что Отецъ основалъ въ Сынѣ какъ единство. Что Отецъ творитъ въ Сынѣ и что этотъ послѣдній въ себѣ заключаетъ, то раздѣляетъ Духъ Святой. Духъ приводитъ положенныя въ Сынѣ идеи и потенціи къ плодотворнымъ дѣйствіямъ; потомъ раздѣляетъ ихъ, въ этой ихъ дѣйствительности, на роды, виды и индивидуумы и осуществляетъ, такимъ образомъ, видимый міръ. Онъ есть сѣятель жизни чувственной и сверхчувственной; Онъ осуществляетъ первоосновы природы и Божественной благодати; все естественное и духовное міроуправленіе на Немъ утверждается и Имъ руководится.

Не трудно видѣть, что въ этихъ умозрѣніяхъ Эригены обнаруживаются слѣды вліянія неоплатоническаго ученія о трехъ космическихъ принципахъ, взятыхъ въ ихъ отношеніи къ про-

цессу мірообразованія. Отець, все основавшій въ Сынѣ, соотвѣтствуетъ здѣсь Первоединому неоплатониковъ, производшему всеобщее начало міроваго бытія выдѣленіемъ изъ себя міроваго разума. Истечение этого послѣдняго изъ божественнаго лона Первоединаго есть, по возрѣніямъ неоплатониковъ, начало происхожденія всѣхъ идей; точно также какъ у Эригена произрожденіе Сына отъ Отца служитъ основаніемъ всѣхъ примордіальныхъ причинъ. Міровая душа неоплатониковъ есть космическое начало, осуществляющее идеи разума въ чувственной матеріи,—дѣло, которое приписываетъ Эригена Святому Духу, упорядочивающему и разнообразяющему въ явленіяхъ чувственнаго міра все то, что идеально основано въ Сынѣ какъ единство. Словомъ, въ примѣненіи христіанскаго догмата о Троицѣ къ вопросу о происхожденіи міроваго бытія Эригена совершенно становится на точку зрѣнія древняго неоплатонизма и, воспроизводя его идеи, заботится только о томъ, чтобы по возможности приблизить ихъ къ христіанству, или-же искусно замаскировать посредствомъ употребленія христіанской терминологіи.

Такимъ образомъ, начавъ съ христіанства, Эригена оканчиваетъ здѣсь неоплатонизмомъ; такъ что ученіе его о Троицѣ, взятое во всей цѣлости своей, представляетъ собою странное смѣшеніе началъ того и другаго,—смѣшеніе, въ которомъ христіанскимъ идеямъ данъ, все-таки, очевидный перевѣсъ надъ неоплатоническими. Это преобладаніе идей христіанства естественно объясняется вліяніемъ на Эригену названныхъ нами отцевъ и учителей Церкви. Ученіе о Троицѣ, составляющее высочайшій догмакъ христіанства, безъ сомнѣнія, было совершенно удалено въ ихъ сочиненіяхъ отъ приравненія къ нему идей современной имъ философіи и, проникнувъ въ философскія построенія Эригены, естественно породило здѣсь жавительную струю чисто христіанскаго умозрѣнія. Только необходимость вывести Божество изъ той совершенной абстракціи, въ которую онъ первоначально поставилъ Его, согласно ученію неоплатониковъ, и приблизить Его къ міру побудила Эригену снова обратиться къ неоплатонической точкѣ зрѣнія и въ частнѣйшемъ вопросѣ объ отношеніи Его къ процессу міротворенія.

Представленнымъ ученіемъ о Троицѣ Іоаннъ Скота Эргена заключаетъ кругъ своихъ разсужденій о первой натурѣ. Мы видѣли, что уже въ этихъ разсужденіяхъ неоплатоническій элементъ является господствующимъ и только въ нѣкоторыхъ пунктахъ значительно ослабляется вслѣдствіе присоединенія къ нему важнѣйшихъ идей христіанства. Тѣмъ рѣшительнѣе философъ нашъ воспроизводитъ неоплатоническія идеи въ своемъ ученіи о второй натурѣ, которая производится изъ первой.

І. Матарскій.

(Окончаніе будетъ)

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО LXVI *).

НАКЪ РѢЧЬ НАША ДОЛЖНА БЫТЬ ИСКРЕННИМЪ ВЫРАЖЕНІЕМЪ ТОГО, ЧТО ЕСТЬ ВЪ НАШЕЙ ДУШѢ, ТАКЪ И ЖИЗНЬ НАША, ЧТОБЫ БЫТЬ СЧАСТЛИВОЮ И БОЛѢЕ СОВЕРШЕННОЮ, ДОЛЖНА БЫТЬ ВЪ СОГЛАСІИ СЪ НАШИМЪ СОЗНАНІЕМЪ; НРАВСТВЕННОЕ УЛУЧШЕНІЕ ВПРОЧЕМЪ СОВЕРШАЕТСЯ НЕ ВДРУГЪ, А МЕДЛЕННО, ПОСТЕПЕННО.

Ты жалуешься, что я не такъ заботливо шлю тебѣ письма. Но кто безостановочно издаетъ рѣчи, кромѣ того, кто хочетъ издавать рѣчи гнилыя? Какова-бы была моя рѣчь, если-бы мы сидѣли рядомъ, въ одномъ мѣстѣ, или прогуливались вмѣстѣ, рѣчь не высуженная и не принужденная; таковья, *не отсутствующія отъ живой рѣчи*, я желаю послать тебѣ и письма, т. е. письма, не заключающія въ себѣ ничего вызваннаго съ усиленіемъ или вымысленаго съ трудомъ. Опираясь на предположеніе, что это можетъ совершиться, я желалъ-бы больше, что чувствую я, выставить на видъ, а не мои слова. И въ томъ даже случаѣ, если-бы я пустился въ разсужденія, я не сталъ-бы ни ногой прищипывать, ни рукой размахивать, ни возвышать голоса: это я предоставилъ-бы мастерамъ слова, довольствуясь тѣмъ, что сообщилъ тебѣ свои мысли, которыя я ни разукрасить не пытался, ни выбрасывалъ ихъ съ небреженіемъ, *какъ ничто не дорогое*. Одно это ясно я желалъ-бы подтвердить и доказать тебѣ, что все то я имѣю въ мысляхъ,

*) Ер. 75.

что высказываю; и не только содержу въ мысляхъ, но и въ сердцѣ. Иначе люди цѣлуютъ пріятельницу, иначе дѣтей; однако и въ этомъ даже *послѣднемъ* объятіи, столь священномъ и скромномъ, достаточно просвѣчиваетъ нѣжное чувство. Нѣтъ, конечно, мои желанія не таковы, чтобы важные предметы, о которыхъ ведется рѣчь, имѣли видъ тощій и сухой; и при всемъ томъ, хотя философія не отказывается отъ услугъ высокихъ природныхъ дарованій,—для нея не предлежитъ долга тратить много труда для словъ. Общій смыслъ нашей предварительной рѣчи таковъ: что возродилось въ нашей душѣ въ опредѣленный видъ, то будемъ высказывать; что высказываемъ, то должно звучать раздѣльно и въ нашей душѣ; пусть рѣчь будетъ въ согласіи съ жизнію. Тотъ въ полнотѣ осуществилъ свои посулы, кто всегда тотъ-же, и когда смотришь на него, и когда слышишь. Мы видимъ теперь, какими свойствами онъ обладаетъ, и въ какомъ величій является, допустивши, что онъ самъ себѣ равенъ. Не удовольствія мы должны искать въ словахъ, а того, что ведетъ ко благу. Но если краснорѣчіе можетъ сродниться съ нами безъ особенныхъ безпокойствъ, потому-ли, что оно у насъ готовое, или потому, что не стоитъ намъ дорого, то пусть оно не бѣжитъ отъ насъ; и пусть оно направляется къ объясненію вещей, которыя наиболѣе цѣнны для человѣка своею лѣпотою. Пусть оно будетъ такимъ, чтобы болѣе выставлять на лицо дѣло, а не самого себя. Другія знанія всецѣло и прямо относятся до ума; здѣсь идетъ рѣчь вообще о благѣ души. Страждущій не ищетъ краснорѣчиваго врача, а излѣчивающаго болѣзни; но если за одно онъ рассчитываетъ, чтобы человѣкъ, умѣющій лѣчить, умѣлъ развертывать и краснорѣчивую рѣчь о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, то съ такимъ человѣкомъ онъ будетъ совѣтоваться съ простодушнымъ довѣріемъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ причины, почему-бы онъ не сталъ поздравлять себя, *какъ счастливица*, изъ-за того только, что началъ на врача, и краснорѣчиваго въ то-же время: вѣдь это не иного рода дѣло сравнительно съ тѣмъ, какъ когда бы опытный кормчій былъ также и представительнымъ человекомъ. Ты можешь сказать такому врачу: „зачѣмъ ты бьешь на оболъщеніе моего слуха? зачѣмъ разставляешь для него

приманки? дѣло идетъ объ иномъ: меня надлежитъ жечь, рѣзать, предписывать мнѣ разборчивость и воздержаніе въ пищѣ: къ этому дѣлу ты и приставленъ; ты обязанъ попечительно ухаживать за болѣзною старой, тяжелой, общественной: ты имѣешь столько дѣла, сколько можетъ имѣть его врачъ во время заразной болѣзни“. *Съ своей стороны и я скажу тебѣ: ты создалъ себѣ дѣло изъ ухаживанія за словами? тебѣ пора уже быть довольнымъ и радоваться, если ты достаточно возросъ для дѣла. Для чего ты будешь изучать многое? Зачѣмъ однажды пріобрѣтенное знаніе ты будешь складывать въ глубинѣ души такъ, чтобы оно не могло выпасть? развѣ ты когда-нибудь не испробуешь его на дѣлѣ? Ибо пріобрѣтенное знаніе, какъ иное прочее, не достаточно вручить только на храненіе памяти; оно должно быть испытано въ дѣйствіи, *оъ жизни*. Не тотъ испытываетъ высокое внутреннее довольство, который знаетъ вотъ то или это, а кто обнаруживаетъ нравственную дѣятельность *сообразно воспріятому, какъ истинное**

„Итакъ что-же? въ кругу внутренняго счастья нѣтъ степеней, оно совершенно зависить отъ вкуса къ мудрости?“ Да, нѣтъ, по моимъ соображеніямъ; ибо пусть идущій впередъ и принадлежитъ къ числу простецовъ, опъ въ сущности отдѣленъ отъ нихъ на большое разстояніе; по среди самихъ работающихъ для будущаго существуютъ значительныя отгѣнки различія. Они распредѣляются на три порядка, какъ признается у нѣкоторыхъ. Въ первомъ ряду находятся тѣ, которые не имѣютъ еще мудрости, *не имѣютъ настоящаго вкуса къ добру*, по уже поставили себя въ сосѣдство съ нимъ. Но то, что хотя близко къ какому-нибудь мѣсту, еще вѣѣ его. Кто-же эти люди? спросишь. Всѣ тѣ, которые сложили на земь страстныя волненія и пороки; которые обучились всему, что имъ слѣдовало привить къ себѣ; по ихъ довѣріе къ себѣ самимъ еще не искушено, благомъ своимъ они еще не обладаютъ въ его осуществленіи. И однако они теперь не могутъ ниспасть въ то, чего избѣжали: они уже тамъ, откуда не можетъ быть возвратнаго движенія книзу; но эта истина для нихъ въ отношеніи ихъ самихъ еще не ясна; это, сколько помню, я выразилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „они не знаютъ, что у нихъ есть

званіе“. Они приблизились къ грани, откуда могутъ наслаждаться своимъ благомъ, но не могутъ еще опираться на него. Иные такъ близко подходятъ къ пониманію состоянія этихъ постепенно обезпечивающихъ свое будущее благо людей, что говорятъ о нихъ, какъ о людяхъ, которые обезопасили себя отъ душевныхъ болѣзней, а отъ волненій еще нѣтъ, и стоятъ пока на зыблемой почвѣ; такъ какъ вѣдь никто не находится внѣ опасности отъ злокачественности, кромѣ того, кто во всѣхъ частяхъ и съ самаго дна вытрясъ ее изъ себя; а вытрясти ее можетъ только тотъ, кто взамѣнъ ея вкусъ къ мудрости сдѣлалъ составною частию своего существа.

Говорилъ я достаточно о томъ, какое различіе между болѣзнями и волненіями душевными, теперь-же только напомню тебѣ это. Болѣзни суть — и заматорѣвшіе, и отвердѣвшіе пороки, какъ корыстолюбіе, какъ честолюбіе непомѣрное; лишь только они запленили душу, они опутываютъ ее со всѣхъ сторонъ, и становятся непрерывающимся ея несчастіемъ. Опредѣлить кратко, — болѣзнь есть непокорливая настойчивость рѣшительнаго сужденія въ дѣлѣ неправомъ, въ родѣ такого напр. приговора, что стоитъ большаго вниманія что-либо такое, что достойно лишь незначительнаго; или, если тебѣ болѣе по вкусу, такъ опредѣлимъ ее: въ свойствѣ болѣзни душевной—это стремительно гнаться за тѣмъ, что лишь въ слабой степени заслуживаетъ стать предметомъ нашихъ исканій, или что со всѣмъ не стѣигъ усилій воли; другими словами: полагать въ большой цѣнѣ заслуживающее лишь нѣкоторой, а то и совсѣмъ никакой. Душевные же прираженія суть волненія духа безупречныя, внезапно подкрадывающіяся къ намъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пробѣгающія сильно бьющей струей *съ нашей души*; сдѣлавшись частыми гостями у нея и оставляемые безъ вниманія, онѣ причиняютъ болѣзнь; все равно какъ единичное воспаленіе *слизистыхъ оболочекъ*, еще не переродившееся въ обычное состояніе, производитъ кашель; а приставши вплотную и заматорѣвши, оно ведетъ къ чахоткѣ. Итакъ тѣ, которые сдѣлали много задатковъ для будущаго, находятся внѣ болѣзней; по душевныя волненія они еще испытываютъ, стоя такимъ образомъ на грани къ безупречности. Второй разрядъ

составляютъ тѣ, которые выкинули изъ себя болѣзненные страсти и волненія душевныя, но такъ, что они не вошли еще въ надежное обладаніе этою своею безмятежностью; они могутъ и опять спуститься въ прежнее состояніе. Люди третьяго разряда удалены отъ соприкосновенія съ многочисленными и важными пороками, но *нельзя сказать*, что далеки отъ всѣхъ: они безопасно выпутываются изъ сѣтей корыстолюбія, но порою замѣчаютъ въ себѣ гнѣвливость; не растревоживаются похотію, а самолюбіемъ еще обезпокоиваются; не сочетаются мыслию съ позовами вождельній, но еще подвержены боязливости, и, при этой боязни, хотя достаточно укрѣплены противъ кое-чего, но и дѣлаютъ уступку кое-чему; на смерть взираютъ безъ боязни, предъ страданіями робѣютъ.

Здѣсь мы нѣсколько продлимъ наши размышленія. Не будетъ для насъ несчастіемъ, если мы будемъ допущены въ послѣдній разрядъ. При счастливой производительности природныхъ даровъ, при широкомъ и веукловномъ вниканіи въ избранное вождельнное дѣло, можно для себя восхитить и вторую ступень, но при этомъ людей третьяго разряда не должно считать заслуживающими уваженія всего менѣе. Подумай, сколько зла замѣчается вокругъ тебя; пригляди къ тому, что нѣтъ преступленія, самаго ужаснаго, относительно котораго не нашлось-бы примѣровъ *въ наше время*; какими быстрыми шагами движется впередъ испорченность и непотребство; какъ много люди проступаютъ въ общественной и частной жизни, — ты уразумѣешь тогда, что мы достаточно ушли впередъ, если не находимся среди худшихъ. „Но я чувствую въ себѣ силы пристать къ людямъ болѣе почетнаго разряда“. На этотъ счетъ я готовъ охотнѣе питать сердечныя желанія за тебя и за себя, чѣмъ въ состояніи обѣщать что-либо. Мы спозаранку заполнены; мы ведемъ борьбу ради добродѣтели, будучи разъединены по частямъ въ своихъ силахъ облегающими насъ пороками; стыдно вымолвить, мы печемся о воздѣльваніи зѣ душѣ правственно-добраго, лишь когда у насъ есть досугъ. Но сколь отмѣнная мзда насъ ожидаетъ, если мы сбросимъ съ себя бремя всецѣло занимающихъ насъ хлопотъ и подрѣжемъ цѣлко укоренившіяся въ душѣ болѣзни. Ни страстное пожеланіе, ни

боязливость не будетъ тогда обуревать насъ; отчужденные отъ предметовъ, вызывающихъ ужасъ, не растлѣваемые чувственными удовольствіями, мы не будемъ трепетать ни въ виду смерти, ни при мысли о Божествѣ; мы будемъ знать, что смертный исходъ не есть бѣдствіе, а Божество не можетъ имѣть что-либо отъ злаго. Несущее вредъ столь-же несовершенно, какъ и то, что терпитъ вредъ: совершенное въ нравственномъ смыслѣ не сопряжено съ силой, причиняющей страданія. Насъ ожидаетъ, когда мы когда-нибудь выберемъ изъ этой земной грязи въ то прекрасное и величественное жилище, — покой духа, и, вмѣстѣ съ отверженіемъ заблужденій, ни чѣмъ не нарушаемая свобода. Что это за свобода?— Не трепетать ни предъ людьми, ни предъ Божествомъ, ни постыднаго не желать, ни лишняго, надъ самимъ собою имѣть наибольшую власть. Неопцѣнимое благо— принадлежать себѣ самому.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Сентября № 17. 1885 года.

Содержаніе: Определеіе Святѣйшаго Синода.—Циркулярное отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о доставленіи свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ, принадлежащихъ церквамъ и учрежденіямъ духовнаго вѣдомства.—Списки лицъ, удостоенныхъ наградъ за заслуги по духовному вѣдомству.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго жепскаго училища.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

Определеіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 7—18 августа 1885 года за № 1589, о введеніи въ дѣйствиіе новыхъ уставовъ духовныхъ семинарій и училищъ по учебной части.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о введеніи въ дѣйствиіе, съ начала наступающаго 1885—86 учебнаго года, уставовъ духовныхъ семинарій и училищъ по учебной части. Приказали: Принимая во вниманіе, что, въ силу требованій Высочайше утвержденныхъ 22 августа 1884 года уставовъ и штатовъ духовныхъ семинарій и училищъ, оказалась настоятельная надобность въ составленіи новыхъ программъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго и училищнаго курсовъ, удовлетвореніе-же сей надобности, вслѣдствіе многосложности дѣла, не могло быть достигнуто въ полномъ объемѣ къ началу наступающаго 1885—86 учебнаго года, Святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ поручить епархіальнымъ преосвященнымъ предложить преподавателямъ духовныхъ семинарій и училищъ, чрезъ семинарскія и училищныя правленія, въ теченіи 1885—86 учебнаго года преподаваніе предметовъ семинарскаго и училищнаго курсовъ, за исключеніемъ преподаванія въ семинаріяхъ: философіи, латинскаго и греческаго языковъ, а въ училищахъ тѣхъ-же языковъ и ариѳметики, программы коихъ уже рассмотрѣны Святѣйшимъ Синодомъ и имѣютъ быть въ непродолжительномъ времени

разосланы по духовно-учебнымъ заведеніямъ, вести по прежнимъ программамъ, при чемъ заключающійся въ нихъ матеріалъ преподаватели должны соразмѣрять съ количествомъ назначенныхъ уставами на тотъ или другой предметъ учебныхъ часовъ; преподавателямъ-же гомилетики, а равно и вновь вводимыхъ предметовъ библейской исторіи и сравнительнаго богословія вмѣнить въ обязанность представить въ семинарскія правленія свои соображенія относительно преподаванія сихъ предметовъ и по одобреніи таковыхъ соображеній правленіями и утвержденіи ихъ преосвященными, руководствоваться оными впредь до изданія нормальныхъ программъ по означеннымъ предметамъ; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Циркулярное отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о доставленіи свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ, принадлежащихъ церквямъ и учрежденіямъ духовнаго вѣдомства.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь и Архипастырѣ!

По случаю увеличивающихся государственныхъ потребностей и истекающей отсюда необходимости въ увеличеніи государственныхъ доходовъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ потребностей, по внесенному Министромъ Финансовъ въ Государственный Совѣтъ представленію, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе объ установленіи новаго источника доходовъ государственнаго казначейства, именно *о сборѣ въ пользу казны съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ*. Сущность этого новаго законоположенія, изложеннаго въ Высочайше утвержденнаго, въ 20 день минувшаго мая, мнѣнія Государственнаго Совѣта и положенія о семъ сборѣ, заключается, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ пунктахъ названныхъ законоположеній:

п. II мнѣнія Государственнаго Совѣта: по воспослѣдованіи Высочайшаго утвержденія Положенія о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, привести въ дѣйствіе сіе положеніе съ 1 Іюля 1885 года, съ тѣмъ, чтобы устанавливаемый сборъ не распространялся на тѣ купоны отъ % бумагъ, срокъ оплаты коихъ наступитъ раньше означеннаго числа, а также на тѣ % по текущимъ счетамъ и другимъ внесеннымъ въ кредитныя учрежденія вкла-

дамъ, которые могутъ причитаться вкладчикамъ за прежнее, до 1 января 1885 года, время;

п. III: не привлекая, временно, къ обложенію доходовъ, доставляемыхъ акціями желѣзныхъ дорогъ и закладными листами центрального поземельнаго банка, предоставить Министру Финансовъ внести на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта предположенія о порядкѣ обложенія упомянутыхъ доходовъ;

п. V: предоставить Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, въ вѣдомствѣ коихъ состоятъ капиталы, какъ получившіе спеціальное назначеніе, такъ и служащіе къ удовлетворенію потребностей ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, а равно учреждений церковныхъ и духовнаго вѣдомства, внести на разсмотрѣніе, въ установленномъ порядкѣ, соображенія о размѣрѣ постоянныхъ изъ государственнаго казначейства пособій, для возмѣщенія упомянутымъ вѣдомствамъ тѣхъ средствъ, которыхъ они должны будутъ лишиться, вслѣдствіе обложенія налогомъ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, и которыя имъ необходимы для покрытія отнесенныхъ на эти средства расходовъ.

Въ положеніи объ означенномъ сборѣ, между прочимъ, изображено:

ст. 1. Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ взимается въ размѣрѣ пяти процентовъ: а) съ доходовъ отъ 0/0 бумагъ—государственныхъ, общественныхъ и частныхъ всѣхъ наименованій, и б) съ доходовъ, доставляемыхъ вкладами на текущій счетъ и другими процентными вкладами, внесенными въ банки государственные, общественные и акціонерные и общества взаимнаго кредита.

ст. 2. Обложенію не подлежатъ:

а) проценты по бумагамъ, изъятымъ условіями ихъ выкусовъ отъ платежа налоговъ;

б) проценты по вкладамъ въ Государственномъ Банкѣ, оставшимся отъ бывшаго Коммерческаго Банка, а равно по вкладамъ, внесеннымъ въ сберегательныя кассы, ссудо-сберегательныя товарищества и сельскіе банки;

в) доходы по акціямъ и паямъ промышленныхъ и торговыхъ обществъ, облагаемыхъ на особыхъ основаніяхъ;

и ст. 3. Сборъ съ доходовъ отъ государственныхъ 0/0 бумагъ взимается или посредствомъ удержанія суммы налога при выплатѣ процентовъ и выигрышей, или же въ видѣ соотвѣтственной скидki при приѣмѣ купоновъ въ казенные платежи.

Такимъ образомъ, въ силу приедеднаго Высочайшаго повелѣ-

нія, съ 1 іюля 1885 года, Государственнымъ Банкомъ, его конторами и отдѣленіями, губернскими и уѣздными казначействами, а также частными банками, конторами и всякими другими учрежденіями, производящими уплату 0% по бумагамъ, при выдачѣ причитающихся на срокъ съ 1 іюля текущаго года, и на послѣдующіе сроки, процентовъ по купонамъ государственныхъ, а также частныхъ обществъ и учрежденій бумагъ, подлежащихъ обложенію вышеозначеннымъ сборомъ, будетъ удерживаться въ пользу казны по пяти процентовъ со всей суммы причитающихся процентовъ безнедоимочно. Но какъ въ различныхъ учрежденіяхъ всѣхъ вѣдомствъ имѣются капиталы, имѣющіе особое специальное назначеніе, или служащіе къ удовлетворенію потребностей ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ, и съ потерю известной части процентовъ по такимъ капиталамъ, могло бы встрѣтиться затрудненіе на дальнѣйшее время въ удовлетвореніи тѣхъ потребностей, на кои тѣ капиталы предназначены, то вышеприведеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ предполагается возмѣщать для такихъ учрежденій особымъ пособіемъ изъ государственнаго казначейства ту потерю, какую они понесутъ вслѣдствіе удержанія 5% съ доходовъ, получаемыхъ ими по вышеозначеннымъ 0% бумагамъ; для чего и предоставлено Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями внести въ Государственный Совѣтъ свои соображенія по тѣмъ процентнымъ бумагамъ. При этомъ, по бывшемъ въ Государственномъ Совѣтѣ разсужденіи по этому послѣднему предмету было установлено, что возмѣщеніе изъ государственнаго казначейства имѣющихъ быть удерживаемыми съ 1 іюля 1885 года 5% съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, имѣющихъ специальное назначеніе, или служащихъ къ удовлетворенію потребностей ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ, должно распространяться только на тѣ капиталы, которыми каждое учрежденіе владѣло именно 1 іюля 1885 года; по тѣмъ же капиталамъ, которые будутъ приобрѣтаемы учрежденіями какимъ бы то ни было путемъ (посредствомъ ли покупки 0% бумагъ на свободныя суммы, или путемъ пожертвованій, завѣщаній и т. под.) и для какой бы то ни было цѣли (для учрежденія ли стипендій, содержанія церквей и причтовъ или для какой либо другой благотворительной, ученой или учебной цѣли) послѣ 1 іюля 1885 года, возмѣщеніе потерь, какія понесутъ учрежденія отъ удержанія 5% съ дохода, приносимаго капиталомъ, приобрѣтеннымъ послѣ этого срока, не предполагается, такъ какъ при всякомъ приобрѣтеніи 0% бумагъ послѣ 1 іюля 1885 г. вся-

кимъ учрежденіемъ будетъ имѣться въ виду законъ о выдачѣ изъ % съ этихъ бумагъ 5% въ пользу государственнаго казначейства.

Вслѣдствіе изложеннаго и принимая во вниманіе, что многоразличныя учрежденія духовнаго вѣдомства, какъ-то: консисторіи съ епархіальными попечительствами, архіерейскіе дома, лавры, мужскіе и женскіе монастыри и общины, соборы, приходскія церкви и состоящія при нихъ церковныя попечительства, церковно-приходскія школы, пріюты, богадѣльни и другія благотворительныя учрежденія, кассы эмеритальныхъ, взаимовспомогательныхъ, ссудо-сберегательныхъ и т. под. епархіальныхъ обществъ, свѣтлыя епархіальныя заводы, духовно-учебныя заведенія: академіи, семинаріи, мужскія и женскія духовныя училища, церковныя братства, мисіонерскія общества и всякія другія, состоящія въ вѣдѣніи епархіальныхъ начальствъ, учрежденія имѣютъ капиталы, обращенные въ % бумаги, или помѣщенные въ банки на текущіе счета для приращенія изъ %, и что, согласно п. V вышеприведеннаго Высочайше утвержденнаго 20 мая сего года мѣстнаго Государственнаго Совѣта, для возмѣщенія этимъ учрежденіямъ потери, которую они должны понести отъ обложенія 5% сборомъ дохода отъ ихъ денежныхъ капиталовъ, можетъ быть исходатайствовано равное таковой потерѣ постоянное пособіе изъ казны, между тѣмъ въ центральномъ управленіи Святѣйшаго Синода не имѣется свѣдѣній о капиталахъ, принадлежащихъ епархіальнымъ учрежденіямъ, — имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Пресвященство сдѣлать распоряженіе, чтобы: во 1-хъ) все духовно-учебныя заведенія, состоящія во вѣренпой Вамъ епархіи — духовныя академіи, семинаріи съ подвѣдомственными имъ духовными мужскими училищами и женскія духовныя училища, состоящія подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, доставили прямо отъ себя въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, по прилагаемой при семъ формѣ, свѣдѣнія о всякихъ % бумагахъ, состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи 1 июля сего года; 2) чтобы все прочія вышепоименованныя учрежденія духовнаго вѣдомства, находящіяся въ подвѣдомственной Вамъ епархіи, доставили мѣстной консисторіи подробныя и точныя свѣдѣнія о принадлежащихъ имъ капиталахъ, имѣющихся у нихъ къ 1 июля сего года, а консисторія, составивъ изъ этихъ свѣдѣній общую по епархіи вѣдомость, согласно прилагаемой формѣ, доставила бы таковую, въ возможно непродолжительномъ времени, въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, и 3) чтобы для большаго и удобнѣйшаго ознакомленія духовныхъ учреждений и лицъ съ

этимъ распоряженіемъ, таковое, кромѣ офіціального сообщенія о немъ тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ черезъ благочинныхъ (съ возможнымъ распространеніемъ печатныхъ образцовъ циркуляра и вѣдомости) было-бы опубликовано въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, если таковыя издаются во вѣренной Вамъ епархіи.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что: а) въ настоящемъ случаѣ требуются свѣдѣнія о всѣхъ процентныхъ бумагахъ, имѣющихся въ каждомъ учрежденіи, для болѣе точнаго опредѣленія, какія изъ нихъ подлежатъ обложенію и какія должны быть изъяты отъ обложенія 0/0, и б) что по тѣмъ процентнымъ бумагамъ, о которыхъ въ настоящемъ случаѣ какимъ-либо учрежденіемъ не будетъ доведено до свѣдѣнія центрального управленія духовнаго вѣдомства и о которыхъ, слѣдовательно, сіе послѣднее лишено будетъ возможности представить Государственному Совѣту требуемыя п. 5 вышеприведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта свѣдѣнія и соображенія, вышеозначенный налогъ, въ размѣрѣ 5% съ приносимаго ими дохода, будетъ взиматься въ пользу казны съ 1 июля сего года безъ всякаго вознагражденія того учрежденія за эту потерю части дохода по тѣмъ бумагамъ.

Списокъ лицъ свѣтскаго званія, Всемилоствѣйше пожалованныхъ, въ 21-й день іюня 1885 года, знаками отличій за заслуги неслужебныя по духовному вѣдомству.

Золотыми медалями, для ношенія на шеѣ, на Анненской лентѣ—Харьковскій купецъ Алексѣй *Судаковъ* и 2-й гильдіи купецъ Емельянъ *Трушевскій*.

Списокъ лицъ свѣтскаго званія, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 17-го іюня—10-го іюля 1885 года, за № 150, предано благословеніе Святѣйшаго Синода, съ выдачею установленныхъ грамотъ.

Старостѣ Іоанно-Богословской церкви, села Средняго Бурлучка, Волчанскаго уѣзда, отставному поручику Виктору *Воробьевскому*; старостѣ Покровской церкви города Сумъ, купцу Прокофію *Гриненку*; прихожанамъ Казанской церкви слободы Басовки, Сумскаго уѣзда; харьковскимъ купцамъ: Василію *Боцарову*, Петру *Неретину*; прихожанамъ Николаевской церкви слободы Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда; прихожанамъ Николаевской церкви, слободы Новой Айдарн, Старобѣльскаго уѣзда; заштатному священнику Александру *Стенурскому*; харьковскому купцу Николаю *Евдокимову*; прихожанамъ Вознесенской церкви, слободы Чебановки, Старобѣльскаго уѣзда; крестьянину Назарію *Ромашеву*; прихожанамъ Варваровской

церкви, слободы Варваровки, Старобѣльскаго уѣзда; старостѣ Георгіевской церкви, слободы Поповки, Изюмскаго уѣзда, крестьянину Марку *Бондареву*; крестьянамъ: Семену *Маляру*, Роману *Путищеву*; прихожанамъ Успенской церкви, села Гречишкина, Старобѣльскаго уѣзда; отставному майору Николаю *Ольденбургеру*.

Списокъ лицъ свѣтскаго званія, номъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 17-го іюня—10-го іюля 1885 года, за № 150, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода безъ грамотъ.

Харьковской епархіи: прихожанамъ Архангело-Михайловской церкви слободы Старой-Айдари, Старобѣльскаго уѣзда; статскому совѣтнику Ивану *Харитоненку*; вдовѣ полковника Еленѣ *Шабельской*; старостѣ Воскресенской церкви заштатнаго города Славянска, Изюмскаго уѣзда, потомственному почетному гражданину Александру *Шнуркову*; крестьянину Петру *Зарвовскому*; женѣ священника Александрѣ *Федоровой*; женѣ урядника Еленѣ *Половой*; крестьянину Антону *Кнуженому*; солдату Ивану *Гончаренку*.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ псаломщиковъ о рукоположеніи ихъ въ діаконскій санъ на псаломщицкихъ вакансіяхъ, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій *Амвросій*, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій, изволялъ 23 августа н. г. положить на одною изъ прошеній слѣдующую резолюцію: „Предлагаю консисторіи объявить по епархіи, что производство псаломщиковъ въ діаконы на вакансіяхъ я прекращаю, такъ какъ въ епархіи большинство приходоу можетъ имѣть штатныхъ діаконѣ“.

О чемъ консисторія и объявляетъ всему духовенству Харьковской епархіи.

— 4 сентября утверждены по 4 округу Изюмскаго уѣзда: священникъ *Димитрій Волгинъ*—помощникомъ благочиннаго; *Іоаннъ Смирскій*—блюстителемъ за преподаваніемъ Закона Божія; *Павель Алексинковъ*—цензоромъ проповѣдей.

— По Харьковскому кафедральному собору: псаломщикъ *Меводій Крижановскій*—штатнымъ діаконѣ; состоящій на пономарской вакансіи *Георгій Коробчанскій*—штатнымъ псаломщикомъ.

— Учитель Сумскаго соборно-церковно-приходскаго училища *Іванъ Бьлюгорскій* 30 августа н. г. рукоположенъ Его Преосвященствомъ во священника къ Покровской церкви слободы Шилевки.

— Окончившій курсъ Московскои духовной семинаріи *Іосифъ Курисъ* рукоположенъ во священника къ Троицкой церкви слободы Михайловки, Зміевскаго уѣзда, 30 августа 1885 года.

— Воспитанникъ семинаріи *Николай Шосте* Его Преосвященствомъ 31 августа н. г. рукоположенъ во священника къ Николаевской церкви села Груни, Лебединскаго уѣзда.

— Діаконъ слободы Ковеговъ, Валковскаго уѣзда, *Максимъ Рубинскій* опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви села Мохначей, Зміевскаго уѣзда, 2 сентября.

— Псаломщикъ Троицкой церкви села Алексѣевки, Зміевскаго уѣзда, діаконъ *Платонъ Стахевичъ* утвержденъ штатнымъ діаконномъ къ означенной церкви, 23 августа 1885 года.

— Псаломщикъ Василювской церкви слободы Зарожной, Зміевскаго уѣзда, діаконъ *Иосифъ Оворовъ* утвержденъ штатнымъ діаконномъ къ означенной церкви, а сверхштатный псаломщикъ той-же церкви, *Митрофанъ Настѣдкинъ*—штатнымъ псаломщикомъ, 24 августа 1885 года.

— При Успенской церкви слободы Рубежной, Волчанскаго уѣзда, діаконъ *Дашкѣвъ* утвержденъ штатнымъ діаконномъ.

— Діаконъ Николаевской церкви сл. Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, *Петръ Квитковскій* 23 августа н. г. утвержденъ штатнымъ діаконномъ.

— Псаломщикъ Троицкой церкви слободы Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, *Антоній Макаровскій* утвержденъ 4 сего сентября штатнымъ діаконномъ приходской церкви.

— Діаконъ Рождество-Богородичной церкви слободы Баранковки, Старобѣльскаго уѣзда, *Павелъ Діаконовъ* 3 сентября н. г. утвержденъ штатнымъ діаконномъ.

— Діаконъ Николаевской церкви слободы Ново-Пскова, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Слюсаревъ* 3 сентября утвержденъ штатнымъ діаконномъ.

— Діаконъ Троицкой церкви слободы Ницеретовой, Старобѣльскаго уѣзда, *Гавриилъ Петровъ* утвержденъ 3 сентября штатнымъ діаконномъ.

— Псаломщикъ Вознесенской церкви слободы Осянковой, Старобѣльскаго уѣзда, *Александръ Николаевичъ* опредѣленъ 2 сентября на штатное діаконское мѣсто къ приходской церкви.

— Псаломщикъ Андреевской церкви села Графскаго, Волчанскаго уѣзда, діаконъ *Антоній Михайловскій* утвержденъ штатнымъ діаконномъ приходской церкви.

— Псаломщикъ Преображенской церкви слободы Иваловки, Волчанскаго уѣзда, діаконъ *Стефанъ Никитинъ* утвержденъ штатнымъ діаконномъ приходской церкви.

— Псаломщикъ Успенской церкви слободы Ксрбочкняной, Зміевскаго уѣзда, *Николай Трояновъ* рукоположенъ во діакона, 1 сентября 1885 г.

— Діаконъ Николаевской церкви, слободы Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, *Григорій Черняевъ* утвержденъ штатнымъ діаконномъ при сей же церкви.

— Псаломщикъ Преображенской церкви с. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, *Василій Заводовскій* опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ сей-же церкви.

— 2 сентября 1885 года на штатное діаконовское мѣсто къ Николаевской церкви слободы Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, опредѣленъ бывшій воспитанникъ 4 класса Харьковской духовной семинаріи, *Павелъ Даниловичъ Козловскій*.

— Утвержденъ штатнымъ діакономъ, діакономъ Благовѣщенской церкви города Валокъ, *Петръ Аксенковъ*, 4 сентября 1885 года.

— Священническій сынъ *Сергій Станковъ* утвержденъ псаломщикомъ къ соборной Преображенской церкви г. Изюма, 30 августа.

— Учитель народнаго училища, *Михаилъ Шемигонъ* утвержденъ псаломщикомъ Николаевской церкви слободы Дробышевой, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Троицкой церкви сл. Михайловка, Валковскаго уѣзда, *Александръ Дикаревъ* переименъ къ Троицкой церкви г. Славянска.

— Умеръ 24 августа, Всесвятской церкви г. Славянска псаломщикъ, діакономъ *Александръ Сидовскій*, а на мѣсто его 30 августа опредѣленъ сверхштатный псаломщикъ той-же церкви *Иванъ Квасовскій* — штатнымъ псаломщикомъ.

— Бывшій воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи, сынъ діакона *Василій Логвиновъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Крестовоздвиженской церкви села Новаго, Валковскаго уѣзда, 19 августа 1885 года.

— Псаломщикомъ къ Ахтырской Николаевской церкви опредѣленъ воспитанникъ Княгининской духовной семинаріи, *Михаилъ Ермакъ*.

— Псаломщикомъ къ Казанской церкви с. Никитовки, Ахтырскаго уѣзда, опредѣленъ потомственный почетный гражданинъ *Александръ Торинскій*.

— Псаломщикомъ къ Троицкой церкви слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ священника, *Иванъ Лебединскій*.

— И. д. псаломщика Николаевской церкви с. Буйжера, Лебединскаго уѣзда, *Павелъ Дмитріевъ* утвержденъ штатнымъ псаломщикомъ.

— 1885 года августа 15 дня утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ слободы Колонтаева, Богодуховскаго уѣзда — Успенской, крестьянинъ *Даміанъ Горячуца* и Преображенской, крестьянинъ *Петръ Голубничій*.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ Троицкой церкви села Поповки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Мойсенко*, 31 августа 1885 года.

— Старосты: Вознесенской церкви с. Стецковки, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ *Александръ Витковскій* и Троицкой церкви с. Проруба, того-же уѣзда, мѣщанинъ *Иванъ Саваневъ* — награждены похвальными листами.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Діаконскія: при Вознесенской церкви села Скрыпаева, Зміевского уѣзда, съ 21 августа 1885 года; при Покровской церкви села Мвнковки, Валковского уѣзда, съ 23 августа 1885 года.

— *Псаломщицкое*—при Успенской церкви слободы Рубежной, Волчанского уѣзда.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ августъ мѣсяцъ сего 1885 года поступило:

Собрано священникомъ Григоріемъ Лобковскимъ отъ разныхъ лицъ 10 р., отъ священника Павла Татарина 50 к., отъ и. д. псаломщика Михаила Феденкова 25 к., отъ церковнаго старосты Захарія Повѣткина 25 к., собрано священникомъ Іоанномъ Поповымъ отъ разныхъ лицъ 80 к., собрано священникомъ Давидомъ Анисимовымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 4 к., отъ священника Павла Клементаева 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 14 р. 30 к. Итого въ августъ мѣсяцъ 1885 года поступило 30 руб. 14 коп. А всего съ поступившими съ 1 января сего 1885 года 2652 руб. 29 коп.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенію онаго между язычниками Комитетъ покорнѣйше проситъ доставлять свои членскіе взносы непосредственно въ Комитетъ при архіерейскомъ домѣ или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* рублей или-же одновременно не менѣе *шестидесяти* руб.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Нѣкоторыми взъ просителей не представлены еще Совѣту надлежащіе документы, а пменно: 1) священнической вдовою Марією Власовою—удостоверенія благочинническаго совѣта о непмѣніи ея средствъ воспитывать дочь на своемъ содержаніи; 2) священнической вдовы Александры Поповой—удостоверенія о томъ же; 3) діакона Макарія Черняева—о томъ же; 4) священнической вдовы Наталіи Яновской—о томъ же, п медицинскаго

свидѣтельства о привитіи оспы ея дочери; 5) священнической вдовы Антонины Поповой—удостоверенія благочинническаго совѣта о неимѣніи ея средствъ воспитывать дочь на своемъ содержаніи; 6) священникомъ Петромъ Дейниховскимъ—метрическаго и медицинскаго свидѣтельствъ; 7) священникомъ Θεодоромъ Лукашевымъ—медицинскаго свидѣтельства; 8) священникомъ Григоріемъ Поповымъ—медицинскаго свидѣтельства; 9) священникомъ Александромъ Богдановымъ—тоже; 10) священникомъ Андреемъ Романовымъ—тоже; 11) губернскаго секретаремъ Космою Подлѣснымъ—тоже; 12) священникомъ Львомъ Дейниховскимъ—тоже; 13) священникомъ Васиіемъ Толмачевымъ—тоже; 14) священникомъ Іоанномъ Шмиловымъ—тоже; 15) священникомъ Александромъ Набоковымъ—тоже; 16) діакономъ Іоанномъ Дьяковымъ—метрическаго и медицинскаго свидѣтельствъ; 17) священникомъ Іоанномъ Санушинымъ—медицинскаго свидѣтельства о дочери Софіи; 18) псаломщикомъ Васиіемъ Краснокутскимъ—тоже; 19) священникомъ Іоанномъ Насѣдкинымъ—метрическаго и медицинскаго свидѣтельствъ; 20) священникомъ Александромъ Стефановскимъ—медицинскаго свидѣтельства; 21) псаломщикомъ Іоанномъ Поповымъ—благочинническаго удостовѣренія о бѣдности 22) и псаломщикомъ Іоанномъ Поповымъ—метрическаго и медицинскаго свидѣтельствъ и удостовѣренія благочинническаго совѣта о бѣдности просителя. Велѣдствіе этого Совѣтомъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища отъ 22 августа н. г., съ утвержденія Его Преосвященства, постановлено: чрезъ „Листокъ для Харьковской епархіи“ предупредить просителей, не представившихъ надлежащихъ документовъ, что просьбы ихъ останутся безъ послѣдствій, если они не озаботятся упомянутые документы представить въ Совѣтъ училища къ 25-му сентябрю сего года.

— Журнальнымъ постановленіемъ совѣта отъ 22-го августа н. г., утвержденнымъ Его Преосвященствомъ, исключаются изъ училища за невзносъ платы за содержаніе слѣдующія воспитанницы: Красовская Таисія, Стенурская Александра, Буханцова Наталія, Панкратьева Софія, Сокольская Марія, Сулова Александра.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Слово въ день Успенія Божіей Матери, произнесенное въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ протоіереемъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ Андреемъ Дюковымъ. — Юбилей Высокопреосвященнѣйшаго С.-Петербургскаго митрополита Исидора. — Высочайшій рескриптъ Высокопреосвященнѣйшему Исидору въ 21 день Августа. — Крестъ для предношенія при священнослуженіи Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора. — Секта „Андреевскій толкъ“ и сужденія о причинахъ ея возникновенія. — Устройство братствъ для распространенія и утвержденія въ народѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія. — Прѣмѣръ благотворной дѣятельности сельскаго священника. — Присоединеніе къ православію. — Собесѣдованіе съ паломниками въ Кіевѣ. — Проектъ зданія въ память славянскихъ Первоучителей. — Приговоры противъ сквернословія. — Тиражъ 2-го внутренняго займа, произведенный 2 Сентября въ С.-Петербургѣ.

— Въ день Успенія Божіей Матери въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ божественную литургію совершалъ преосвященный викарій Геннадій, епископъ Сумскій, при многочисленномъ стеченіи молящихся. На литургіи слово произнесъ протоіерей церкви Харьковскаго Института благородныхъ дѣвицъ А. Дюковъ:

„Православная Церковь празднуетъ нынѣ память преславнаго Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи. Уже одно наименованіе этого праздника Успеніемъ дастъ каждому изъ насъ разумѣть, что Богоматерь, по окончаніи дней своей жизни, не прервала на вѣки благодатнаго общенія съ нами, искупленными крестными страданіями Ея Божественнаго сына по плоти, а лишь только уснула и на самое короткое время, для того, чтобы пробудиться въ другой лучшей жизни и, какъ царицѣ неба и земли, предстать одесную Сына своего въ ризахъ позлащенныхъ одѣянною и преукрашенною. Тѣмъ не менѣе, по нашимъ понятіямъ, казалось бы, если кому приличнѣе всего и вовсе не умирать, какъ не умерли Энохъ и Илія, то это именно — Матери Сына Божія. Если къ кому можно было бы не примѣнять грозное опредѣленіе правосудія Божія „смертію умрети“, то это именно къ Той, Которая возрастила намъ *плодъ живота!* Между тѣмъ мы видимъ, что и Она, честнѣйшая херувимовъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимовъ, послѣ многострадальныхъ дней своей земной жизни переходитъ въ страну блаженной вѣчности не инымъ какимъ-либо путемъ, а путемъ общимъ для всѣхъ сыновъ и дочерей надшаго прародителя — путемъ смерти. Но что это была за блаженная кончина? Не погрѣшимъ, если скажемъ, что никто изъ земнородныхъ не умиралъ такою необычайною смертію, какъ преблагословенная Дѣва Марія, Матерь Бога нашего. Правда, ни Евангеліе, ни книга Дѣяній Апостольскихъ не оставили намъ по-

дробной исторіи о послѣднихъ дняхъ и минутахъ земной жизни Богоматери. Но это молчаніе священныхъ книгъ относительно смерти Божіей Матери съ избыткомъ восполняется и уясняется священнымъ преданіемъ, ведущимъ свое начало отъ временъ Апостоловъ—очевидцевъ блаженной кончины Богоматери. Оно знакомитъ насъ не только съ послѣдними минутами земной жизни Божіей Матери, но и съ тѣми сверхъ-естественными событіями, которыми сопровождалась эти минуты. Перенесемъ же мыслію въ одну изъ уединенныхъ весей, прилегающихъ къ св. граду Іерусалиму—Геосиманію, мѣсто блаженной кончины Богоматери, и ставъ у Ея погребальной пещеры, выслушаемъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ это древнее, святое преданіе. Начнемъ съ того, что по вознесеніи Господа на небо и по сошествіи въ видѣ огненныхъ языкъ на Апостоловъ Духа утѣшителя, мѣстомъ пребыванія Богоматери былъ не Іерусалимъ, а Галилейскій городъ—Виносаида, изъ котораго происходилъ и гдѣ жилъ святой Іоаннъ, которому Она вручена была Господомъ въ качествѣ матери: *отъ того часа*, говорится въ Евангеліи, *поятъ ю ученикъ во свояси.* (Іоан. 19, 27). Живя въ домѣ возлюбленнаго ученика Іисусова, Она несомнѣнно пользовалась съ его стороны самою нѣжною, самою святою заботливостію; но тѣмъ не менѣе естественное чувство матери влекло Ее въ Іерусалимъ, съ которымъ соединялось такъ много и самыхъ отрадныхъ и самыхъ болѣзненныхъ для Ея сердца воспоминаній. Это святое желаніе Богоматери, составлявшее, быть можетъ, на первый разъ, тайну Ея души, не могло однако сокрыться отъ вниманія преисполненнаго любовію наперсника и друга Христова и онъ не замедлилъ привести таковое желаніе въ исполненіе. По возвращеніи Божіей Матери въ Іерусалимъ, по словамъ преданія, самымъ любимымъ Ея подвигомъ было то, чтобы ходить по слѣдамъ возлюбленнаго Сына своего, молиться тамъ, гдѣ Онъ молился, предаваться отдохновенію, гдѣ Онъ отдыхалъ. Фаворъ, Голгова, Елеонъ чаще, чѣмъ другія священно-историческія мѣста, видѣли на своихъ вершинахъ Препоблагословенную, а Геосиманія, по своему уединенному положенію, даже сдѣлалась потомъ мѣстомъ постояннаго Ея пребыванія. Подобно Сыну своему, троекратно молившемуся здѣсь до кроваваго пота, и Она—цѣлыя дни и часы—проводила въ подвигахъ поста и молитвы; среди того-же масличнаго вертограда. Нашему пытливому уму никогда не проникнуть въ тайну этихъ святыхъ, уединенныхъ молитвъ; но зная, сколько душевныхъ мукъ, сколько нечеловѣческихъ страданій пережила Она на землѣ, можно

предполагать, что большинство Ея молитвъ главнымъ образомъ сопровождалось пламеннымъ желаніемъ—скорѣе разрѣшиться отъ узъ плоти и затѣмъ сподобиться выну, лицомъ къ лицу, видѣть Того, Который, вознесшись на небо, скрылся отъ Нея. Такой-ли молитвѣ, казалось бы, не быть услышанной скоро! А между тѣмъ проходили многіе годы, а молитвенныя желанія Богоматери продолжали оставаться не исполненными. Преданіе говоритъ, что по вознесеніи Господа на небо, Препоблагословенная Дѣва еще долго оставалась на землѣ—болѣе двадцати лѣтъ. Примѣръ этотъ изъ жизни Божіей Матери да послужить и намъ урокомъ, никогда не изнемогать, а тѣмъ болѣе не роптать на Господа Бога, если и наши молитвенныя прошенія, по непостижимымъ для насъ цѣлямъ всеблагаго Промысла, остаются иногда неудовлетворенными. Но вотъ наступило наконецъ время давно желаннаго исхода: за сорокъ дней до кончины, во время обычныхъ молитвъ, Богоматерь видитъ предъ собою Архангела Гавріила, который нѣкогда, въ Назаретѣ, привѣтствовалъ Ее словами: „Радуйся, благодатная, Господь съ Тобою!“ Но въ этотъ второй разъ небесный вѣстникъ посланъ отъ Бога благовѣствовать Ей другую радость: именно—о скоромъ наступленіи послѣднихъ дней Ея многострадальной земной жизни, и, какъ символъ побѣды надъ смертію, онъ вручаетъ Ей райскую, пальмовую вѣтвь.

Неизглаголанною радостію преисполнилось сердце Богоматери. Теперь уже не оставалось для нея никакихъ другихъ желаній кромѣ одного: это еще разъ, до кончины, увидѣть у одра своего благовѣстниковъ вѣры Христовой—св. Апостоловъ; чтобы еще разъ преподать имъ свое благословеніе, ободрить ихъ духъ, воодушевить надеждой на небесный свой покровъ и заступленіе. Но какъ собрать Апостоловъ, когда въ то время ихъ не было въ Іерусалимѣ, когда они давно уже разсѣялись по лицу земли для проповѣди Евангельской. Для сего необходимо было участіе сверхъестественной силы, силы Божіей, которая дѣйствительно и не замедлила проявиться. Преданіе говоритъ, что Апостолы, за исключеніемъ Ѳомы, поднятые воздушными облаками, внезапно перенесены были въ Гевсимапію и въ самый день успенія они всѣ уже находились у предсмертнаго одра присно Дѣвы.

Окруженная святымъ сонмомъ Апостоловъ, напутствуемая ихъ молитвами и иѣснопѣніями, среди кадилаго фиміама, среди слезъ и рыданій, Божія Матерь передала духъ свой въ руцѣ Сына своего и Бога. Она скончалась также мирно и тихо, какъ засыпаетъ пут-

никъ послѣ долгаго, тяжелаго странствованія. Апостолы, совершивъ печальный обрядъ погребенія, положили тѣло Богоматери въ одну изъ каменныхъ пещеръ Геосиманіи. Прошло три дня... Прибыль наконецъ и Апостоль Ѳома. Лишенный утѣшенія видѣть почившую въ послѣднія минуты Ея жизни, онъ молилъ друзей своихъ— Апостоловъ, указать ему мѣсто Ея погребенія, чтобы взглянуть хотя на умершую. Желаніе было исполнено. Но что же? когда Апостолы съ благоговѣйнымъ трепетомъ вошли въ Геосиманскую погребальную пещеру, то на смертномъ ложѣ не было уже тѣла Богоматери. Изумленные Апостолы обратились къ Богу съ молитвой—открыть имъ тайну этого дивнаго событія и она, въ тотъ же день, была имъ открыта. Апостолы, какъ извѣстно, имѣли обычай, садясь за трапезу, оставлять одно мѣсто свободнымъ, предъ которымъ полагался хлѣбъ въ честь воскреснаго Господа Іисуса. Послѣ трапезы они возносили этотъ хлѣбъ, называемый частію Христовой, сопровождая это возношеніе пѣніемъ: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!“ (Затѣмъ хлѣбъ этотъ, какъ благословенный Самимъ Господомъ, они съ благоговѣніемъ вкушали). Но на этотъ разъ едва только Апостолы встали изъ-за трапезы, чтобы вознести по обычаю Христову часть, какъ очамъ ихъ предстала Божія Матерь, сіяющая славою и окруженная ликами св. Ангеловъ. „Радуйтесь!“ сказала Она имъ, „ибо Я съ вами есмь во вся дни!“ Преисполненные духовной радости, они вмѣсто обычной своей молитвы, воскликнули: „Пресвятая Богородица, помози намъ!“

Столь необычайное явленіе Божіей Матери дало Апостоламъ возможность убѣдиться и глубоко увѣровать, что Богоматерь воскресла въ третій день по своемъ успеніи и вмѣстѣ съ тѣломъ взята на небо. Поняли и то, что и самое замедленіе Ѳомы не было обстоятельствомъ случайнымъ, а произошло по соизволенію премудраго промысла Божія, устроившаго, что тотъ-же Апостоль, который своимъ невѣріемъ въ дѣйствительность воскресенія Сына еще яснѣе обнаружилъ истинность Божества Его,—послужилъ причиною къ обнаруженію славы и Матери Его. Этимъ заканчивается повѣствованіе священнаго преданія о событіяхъ, сопровождавшихъ успеніе Божіей Матери.

Какой-же нравственный урокъ мы можемъ извлечь для себя отъ святаго гроба Богоматери? Прежде всего тотъ, что если и Божія Матерь перешла въ другой загробный міръ не иначе, какъ путемъ смерти, то тѣмъ болѣе смерть есть неизбѣжный удѣлъ для каждаго изъ насъ. Настанетъ поэтому время, когда лучезарное свѣтило дня взойдетъ и для насъ съ тобою, возлюбленный слуша-

тель, въ послѣдній уже разъ. Настанетъ день, когда заботливость друзей и родныхъ приготовить и для насъ гробъ, куда положено будетъ и наше бездыханное тѣло. Сила смерти—самая непреклонная, самая неодолимая и непобѣдимая сила, какъ сила неизмѣннаго опредѣленія всемогущаго Бога.

Затѣмъ, при всей своей неизбѣжности и силѣ, смерть не составляетъ уже теперь для насъ какого-либо существеннаго зла, иначе не была бы причастна оной и Матерь Бога нашего. Если-же, какъ мы знаемъ, вопросъ о смерти, съ ея послѣдствіями, на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ служилъ и нынѣ не престаеетъ служить предметомъ недоумѣній, страха и пререканій, то это только для людей не имущихъ *упованія*; это только для тѣхъ, кто никогда не сосредоточивалъ своего вниманія на истинахъ Евангельскаго откровенія. Для христіанина-же, глубоко вѣрующаго, въ мысли о неизбѣжности смерти не должно заключаться ничего ужаснаго, напротивъ,—она служитъ для него душевною отрадой и успокоеніемъ. Его вѣрующій умъ не станетъ смущаться и таинственностію завѣсы, скрывающей отъ насъ судьбы будущей загробной жизни; онъ и сквозь мракъ глубокой могилы способенъ видѣть иной, лучшій свѣтлый міръ, съ его новою духовною жизнію, съ его новыми духовными благами, болѣе прочными, неизмѣнными и вѣчными. *Ночь не свѣтла невѣрнымъ*, говоритъ церковная пѣснь,—*вѣрнымъ-же просвѣщеніе въ сладости чудесъ Божіихъ*. А такъ, если Христосъ есть свѣтъ пришедшій въ міръ, есть истина и животъ; если этотъ свѣтъ свѣтитъ намъ въ св. Евангеліи и животворитъ насъ въ святыхъ таинствахъ; если мы чистою, живою и крѣпкою вѣрою воспринимаемъ этотъ Божественный свѣтъ, какъ чистымъ окомъ свѣтъ солнца, то естественно, со Христомъ, какъ Божественнымъ свѣтомъ нашей души, и смерть не можетъ быть страшна и могила не будетъ темна. Но не забудемъ, братіе, что смерть иногда дѣйствительно бываетъ страшна и, по свидѣтельству слова Божія, *юта*;—но для кого? Для тѣхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ, которые всю свою жизнь проводятъ такъ, какъ бы имъ никогда не умирать, а умираютъ, какъ-бы никогда не воскресать. Но и для нихъ, этихъ грѣшниковъ, страхъ смерти заключается не въ таинствѣ самой смерти, а въ томъ ужасномъ безсмертіи, которое ждетъ и ихъ по ту сторону гроба, съ достойнымъ воздаяніемъ правосуднаго Бога. Да избавитъ Господь всѣхъ насъ отъ такой участи въ странѣ безсмертія. Поспѣшимъ упредить и устранить эту страшную опасность искреннимъ покаяніемъ.

Заступница усердная, Мати Бога Вышняго! преклоняемъ предъ Тобою колѣна душъ и сердець нашихъ и усердно молимъ: помози нашему невѣрiю, усугуби нашу надежду, воспламени въ сердцахъ нашихъ любовь къ Богу, да и мы, ублажающіе нынѣ Твое преславное усненіе, сподобимся смерти безболѣзненной, непостыдной, мирной, а въ часъ кончины нашей предстани и намъ, Всеблагая!“

— Въ среду 21 августа исполнилось 25 лѣтъ дѣятельности высокопреосвященнѣйшаго митрополита С.-Петербургскаго Исидора въ званіи главнаго попечителя Императорскаго человѣколюбиваго общества и предсѣдателя въ совѣтѣ общества. По этому случаю какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ совершены были торжественныя богослуженія, маслѣный юбиларъ удостоенъ Высочайшаго рескрипта, а совѣтъ человѣколюбиваго общества постановилъ учредить шесть стипендій имени юбилара и поставить портреты его во всѣхъ учрежденіяхъ общества.

Высочайшій рескриптъ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору:

„Преосвященный митрополитъ Исидоръ! Прошло 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда, по волѣ незабвеннаго Моего родителя, вы были призваны къ дѣламъ общественной благотворительности, въ званіи главнаго попечителя Императорскаго человѣколюбиваго общества и предсѣдателя въ совѣтѣ онаго.

„Изъ представленныхъ миѣ отчетовъ и донесеній Я имѣлъ случай удостовѣриться, что въ теченіе означеннаго періода времени дѣятельность сего учрежденія достигла весьма значительнаго развитія. Матеріальныя средства общества увеличились, въ общей ихъ сложности, почти вдвое. Число подвѣдомственныхъ ему благотворительныхъ заведеній возрасло, безъ малаго, въ пять разъ. Еще въ большемъ размѣрѣ умножилось число ежегодно вспомооществуемыхъ лицъ, которое доходитъ нынѣ до ста тысячъ человѣкъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ открыты новыя виды призрѣнія бѣдныхъ, соотвѣтственно потребностямъ времени.

„Столь утѣшительныя успѣхи дѣятельности человѣколюбиваго общества составляютъ, несомнѣнно, прямое послѣдствіе вашего непосредственнаго руководительства дѣлами сего вѣдомства.

„Въ справедливомъ вниманіи къ таковымъ отлѣнно полезнымъ трудамъ вашимъ, Я вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе выразить вамъ душевную Мою благодарность, искренно желая, чтобы здоровье ваше дозволило вамъ продолжать еще многіе годы пло-

творное служеніе дѣлу человѣколюбія, для дальнѣйшаго преуспѣянія ввѣреннаго вашему попечительству общепользнаго учрежденія.

„Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный“.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„Искренно уважающій васъ

АЛЕКСАНДРЪ“.

Во вторникъ 27 августа управляющій канцеляріею Св. Синода д. с. с. Саблеръ поднесъ высокопресвященнѣйшему митрополиту С.-Петербургскому Исидору изготовленный по распоряженію Св. Синода предносимый крестъ, пожалованный ему при Высочайшемъ рескриптѣ по случаю 50-лѣтняго юбилея служенія его въ санѣ епископа. До сихъ поръ, со дня юбилея 11 ноября 1884 г., при богослуженіи употреблялся крестъ митрополита Филарета, хранившійся въ Троицко-Сергіевской лаврѣ въ Москвѣ. 30 августа, день престольнаго праздника Александро-Невской лавры, высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ первый разъ появился предъ народомъ съ специально для него изготовленнымъ крестомъ.

Крестъ этотъ восьмиконечный, съ орнаментомъ на концахъ древне-византійскаго стиля, и сдѣланъ изъ серебра (около 3 фунтовъ); онъ укрѣпленъ на древкѣ чернаго дерева, на которомъ 5 яблокообразныхъ шаровъ, тоже серебрянныхъ, вызолоченныхъ, какъ и весь крестъ. Въ орнаментныхъ оконечностяхъ креста расположены 11 сибирскихъ аметистовъ, 4 бѣлыхъ тяжеловѣса и въ среднихъ углахъ креста; вмѣсто сіянія, 4 аквамарина, осыпанныхъ мелкими бѣлыми топазами. На лицевой сторонѣ креста находятся гравированныя изображенія Распятія Господня, съ предстоящими Богородицею и апостоломъ Іоанномъ Богословомъ, сверху Господь Саваоѣ и Святой Духъ, по сторонамъ Котораго солнце и луна; въ подножіи Распятія изображены черепъ и кости, а въ перспективѣ видъ Іерусалима. На оборотной сторонѣ—изображенія: на облакѣ Божія Матери (во весь ростъ) съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и скипетромъ въ рукѣ, сверху изображеніе Нерукотвореннаго Спаса (святый Убрусъ), ниже котораго, въ маломъ поперечникѣ, изображенъ престоль съ молящимися и славословящими преклоненными двумя ангелами. По сторонамъ Богородицы изображены св. благовѣрный князь Александръ Невскій и преподобный Исидоръ Целусіотъ. Между ними и въ подножіи Богородицы—3 серафима. На нижнемъ концѣ креста надпись славянскимъ шрифтомъ: „По изволенію Государя Императора и благословенію Св. Синода, сооруженъ сей крестъ для предношенія при

священнослуженіи преосвященнаго Исидора, митрополита Новгородскаго, С.-Петербуржскаго и Финляндскаго, въ воспоминаніе исполнившагося 11 ноября 1884 года 50-тилѣтія служенія преосвященнаго Исидора въ санѣ епископа“.

Работа креста во всѣхъ отношеніяхъ исполнена изящно мастеромъ по церковно-іерархическимъ издѣліямъ Г. Г. Петровскимъ, которымъ составленъ и общій рисунокъ креста. Всѣ изображенія на крестѣ составлены по рисункамъ академика византійской живописи В. Васильева, а гравированы художникомъ А. Богдановымъ.

— Секта извѣстная въ народѣ подъ именемъ Андреевскаго толка (сами сектанты называютъ себя „братіями“ или „христіанами“), основана очень педавно фельдфебелемъ седьмаго сапернаго баталіона Андреевымъ, который, по его собственнымъ словамъ, начитавшись Евангелія, вдумался въ него и увидѣлъ, что многое у насъ неладно, несогласно съ тѣмъ, какъ было въ первые вѣка христіанства. Такъ, церковная служба на малознакомомъ (славянскомъ) языкѣ, вопреки посланія Апостола къ Коринѣ. (гл. 14, ст. 4); пастыри ничего не разъясняютъ въ церкви; молящіеся стоятъ, поклоняются иконамъ, что противорѣчитъ гл. 17, ст. 29 Дѣян. Ап.; въ духовенствѣ много неправды, а знанія и вѣры мало. Вдумавшись во всѣ неправильности, Андреевъ, вмѣстѣ съ своими сослуживцами—Капустинскимъ и Бѣлозеровымъ, началъ доходить до того, какъ слѣдуетъ правильно вѣровать христіанамъ и жить по вѣрѣ Христовой. Главныя догматическія положенія этой секты, по словамъ автора, заключаются въ вѣрѣ во Христа, любви, мирѣ и безупречной жизни, даже предъ лицомъ враговъ. Всѣ мы, поспялъ Андреевъ, согласно 2-го посланія Ап. Павла къ Тимоѣю и Фессалоникійцамъ, гл. 4, ст. 11, трудимся въ потѣ лица. Я (Андреевъ) хозяйничаю и поучаю, Андрейчиковъ занимается земляными работами, Капустинскій продаетъ книги отъ библейскаго общества. Водка, карты, табакъ запрещены у насъ безусловно. Изъ праздниковъ мы признаемъ только воскресенье и главныя (двунадесятые по вашему), учрежденные въ воспоминаніе о Спасителѣ. Святыхъ мы не признаемъ и не празднуемъ. Дома каждый день молимся утромъ и вечеромъ, а по праздникамъ собираемся въ моленную по утрамъ съ 9 и послѣ обѣда съ 4 до 6, 7, 8 час., какъ Богъ укажетъ. Алтаря въ церкви, креста, иконъ и прочаго не признаемъ, но церковь, какъ домъ молитвы *для всѣхъ народовъ*, по словамъ Христа, признаемъ. Никакихъ имянинъ, крестинъ, родинъ, похоронъ и прочаго не чествуемъ ни трапезой, ни бездѣліемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не признаемъ и никакихъ

постовъ, обѣтовъ, веригъ, безконечныхъ молитвъ и прочаго, такъ какъ все это ни къ чему не служитъ, ибо Господь требуетъ только жертвы сердцемъ и добрыми дѣлами. Священниковъ хотя пока и не имѣемъ и замѣняемъ ихъ старшимъ въ собраніи, но достойныхъ изъ своей среды по избранію за пресвитеровъ признаемъ и они у насъ будутъ скоро, причемъ за рукоположеніемъ первыхъ изъ нихъ мы намѣрены обратиться къ молоканамъ, а тамъ будутъ рукополагать и наши. Пока же дѣтей не крестимъ, да въ этомъ и нѣтъ особой надобности, даже въ томъ случаѣ, если они умираютъ безъ крещенія, ибо Спаситель сказалъ, что „таковыхъ есть царствіе Божіе“. Освѣнять себя крестнымъ знаменіемъ грѣшно, „это отъ звѣря, а не отъ Бога“; согласно 13 и 14 гл. Откровенія и въ Дѣянїяхъ апостоловъ (17 гл., 24 ст.) говорится, что Богъ не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ. Бракъ признаемъ согласно писаніямъ въ томъ смыслѣ, что сочетающійся оставитъ отца и мать и прилѣбится къ женѣ своей, но не признаемъ, чтобы для этого было необходимо связывать руки, обводить три раза вокругъ аналая и платить за это по 10—25 рублей. У насъ бракосочетаніе совершается при собраніи и записываніи въ особую книгу. Бракъ мыслимъ только тогда, когда обѣ стороны *вѣрующія*. Развода у насъ не существуетъ, ибо Спаситель сказалъ, что онъ (разводъ) допущенъ „только по жестокосердію вашему“. Впрочемъ, существуетъ только одинъ исключительный случай, требующій развода, это тогда, когда одна изъ сторонъ отпадаетъ и становится невѣрующей. Жениться можно и на сврейкѣ, даже и на язычницѣ, лишь бы она была вѣрующей, согласно догматамъ секты. Похороны совершаются весьма просто. На мѣстѣ предъ умершимъ читаются псалмы изъ Псалтири и 15 главъ перваго посланія Павла къ Коринѳянамъ и перваго посланія его же къ Фессалоникійцамъ гл. 4, затѣмъ умершаго кладутъ во гробъ и несутъ (пока) на православное кладбище, гдѣ читается пятая глава Евангелія отъ Іоанна. Исповѣдь признается, причемъ каждый долженъ постоянно и публично въ собраніи каяться въ своихъ грѣхахъ. Причащеніе, какъ таинство, не существуетъ, но, когда заблагоразсудится, дѣлается преломленіе хлѣба и вкушается вино, но только въ воспоминаніе о тайной вечери, а не во спасеніе. Елеосвященія не существуетъ (такъ же, какъ и муропомазанія), ибо сектанты, на основаніи 28 гл. Бытія, повѣствующей о возліаніи елея на камень Іаковомъ, придаютъ этому факту иносказательный смыслъ, находя, что подъ елеемъ подразумѣвается разумъ и сердечная молитва. Сборовъ на моленную

не полагается никакихъ, но, согласно 16 гл. посланія Апостола Павла къ Коринѳянамъ, существуютъ добротныя даянія, т. е. кружка, изъ которой Андреевъ ежегодно получаетъ деньги за сдачу подъ моленную его флигеля, за его отопленіе и освѣщеніе, а остальное изъ кружки отдается бѣднымъ, причемъ помогаютъ и *несвятыми*. Въ судъ сектанты не обращаются, согласно словъ Апостола Павла къ Коринѳянамъ: „какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ“.

Какъ видно изъ вышеприведеннаго, пишетъ „Церк. Вѣстникъ“, догматическое ученіе сектантовъ не имѣетъ никакой научной, осмысленной организаціи—системы, здѣсь нѣтъ никакихъ заимствованій и вліяній, въ вѣроученіи этомъ сказывается полнѣйшая самодѣятельность простаго разума. Но дѣло не въ этомъ. Интереснѣе, на основаніи этого сообщенія, прослѣдить и опредѣлить побужденія и причины къ этой религіозной самодѣятельности. Простой человѣкъ выучивается на службѣ грамотѣ. Для чтенія онъ беретъ слово Божіе: Библию, Евангеліе. Подъ вліяніемъ несомнѣнно присущаго ему религіознаго настроенія—чувства, онъ читаетъ, вчитывается и вдумывается въ него и начинаетъ стремиться обосновать и свою жизнь согласно ученію Христа. Но здѣсь то очевидно и встрѣчается камень преткновенія. Предоставленный *самому себѣ*, своему слабому пониманію *безъ руководителей и руководствъ*, онъ одно понимаетъ неясно, другое неправильно и третьему видитъ дѣйствительно противорѣчіе въ жизни. И вотъ является хотя и уродливый протестантизмъ, но привлекающій къ себѣ народныя массы своею простотою, удобопонятностью и тѣмъ, что въ основѣ его остается вѣра во Христа, любовь къ ближнему и стремленіе къ нравственной жизни. Кто въ этомъ виноватъ, кто долженъ былъ научить, наставить и направить на истинный путь любознательный, пытливый умъ? Кто своею жизнью долженъ служить образцомъ для всѣхъ? Но пойдемъ дальше. Религіознымъ чувствомъ не воспользовались, не овладѣли, не направили его на должный путь, въ результатѣ появилась секта. Что же дѣлается къ ея ослабленію, уничтоженію? Въ письмѣ приводится разсказъ Андреева о томъ, что сперва все шло хорошо. Массы народа принимали новое ученіе; никто объ этомъ не зналъ: собиравлись, молились, устраивали свою жизнь согласно своему ученію, никто ихъ не беспокоилъ. Но вотъ въ округѣ, подъ вліяніемъ новаго ученія, стали жить нравственнѣе, меньше пьянствовать. Это чрезвычайно испугало кабатчиковъ, которые будто бы и донесли начальству о новой вѣрѣ. Что

же сдѣлали? Да началась обычная канцелярская работа. Стали писать донесенія, сообщенія, предписанія. Явились формальные слѣдователи, формальные увѣщатели. Сектанты оказались „законными, нераскалявшимися“. Свѣтская власть тоже не нашла „законнаго основанія“ что-либо предпринять по поводу обнаружившейся секты. Тѣмъ дѣло обыкновенно и кончается. А сектанты говорятъ: „у насъ и въ столицахъ, и въ Орлѣ, и въ Одессѣ много уже есть послѣдователей“.

— Въ городѣ Вологдѣ недавно открылось братство во имя Всемилостиваго Снаса, съ цѣлю оказывать содѣйствіе распространенію церковно-приходскихъ школъ, снабжать ихъ пособіями, способствовать устройству церковныхъ библиотекъ, книжныхъ складовъ, лучшаго и правильнаго церковнаго цѣнія, внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Кромѣ того братство распространяетъ въ народѣ книги, брошюры и листки религіозно-нравственнаго содержанія, а также помогаетъ приходскимъ священникамъ въ борьбѣ съ расколомъ.

— На разсмотрѣніе правительства поступило ходатайство о разрѣшеніи устройства Самарскаго епархіальнаго церковно-просвѣтительнаго братства во имя покровителя города Самары, св. Алексія митрополита Московскаго. Согласно проектированному уставу, братство намѣрено оказывать содѣйствіе духовенству Самарской епархіи въ устройствѣ, преимущественно въ селахъ и деревняхъ, церковно-приходскихъ школъ для малолѣтнихъ, въ открытіи при нихъ уроковъ для взрослыхъ и учрежденіи воскресныхъ школъ для неимѣющихъ возможности пользоваться ученіемъ ежедневно. Содѣйствіе братства къ устройству и распространенію церковно-приходскихъ школъ будетъ состоять въ снабженіи школъ учебниками и учебными пособіями, въ выдачѣ изъ средствъ братства вознагражденія преподавателямъ и въ принятіи на средства братства полнаго содержанія церковно-приходскихъ школъ, особенно-же въ учрежденіи образцовыхъ школъ. Затѣмъ братство будетъ содѣйствовать увеличенію библиотеки при сельскихъ церквахъ или церковно-приходскихъ школахъ, открывать склады учебниковъ и учебныхъ пособій—для снабженія ими церковно-приходскихъ и воскресныхъ школъ, а также иконъ, картинъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія—для безмездной раздачи народу или для продажи по дешевымъ цѣнамъ. Кромѣ того, братство намѣревается содѣйствовать устройству въ городахъ публичныхъ чтеній о предметахъ вѣры и нравственности и библиотекъ изъ книгъ религіозно-нрав-

ственного содержанія, съ читальнями при нѣкоторыхъ изъ нихъ, и способствовать развитію въ епархіи церковнаго пѣнія—чрезъ устройство пѣвческихъ школъ и хоровъ, указаніе лицъ способныхъ обучать хоровому пѣнію, и чрезъ безмездное снабженіе бѣднѣйшихъ церквей и школъ нотными книгами.

— Заботятся о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа и наши сельскіе пастыри. Одинъ изъ корреспондентовъ „Церковнаго Вѣстника“ пишетъ: „6-го августа сего года, возвращаясь къ мѣсту своего служенія въ г. Вятку, проѣздомъ былъ я въ селѣ Кырчанѣ, Нолинскаго уѣзда, расположенномъ на почтовомъ трактѣ. Остановившись въ этомъ селѣ для отдыха, я зашелъ въ мѣстную церковь къ Божественной литургіи, во время которой былъ пріятно удивленъ стройнымъ, хотя и не партеснымъ пѣніемъ на клиросѣ крестьянскихъ дѣвочекъ, а также согласнымъ пѣніемъ нѣкоторыхъ священныхъ пѣснопѣній всѣми предстоящими въ церкви. Какъ мнѣ стало извѣстно, многолюдный Кырчанскій приходъ (гдѣ три священника) обязанъ этимъ одному изъ мѣстныхъ священниковъ, отцу М. К., который вмѣстѣ съ своею женою, кончившею курсъ въ Казанскомъ духовномъ училищѣ, вложили душу въ дѣло устройства въ своемъ селѣ церковнаго хора. Супруги каждый праздникъ дѣлаютъ снѣжки пѣвчимъ-дѣвочкамъ въ своей квартирѣ, а самъ батюшка и въ церкви, послѣ богослуженія, обучаетъ собравшійся народъ церковному пѣнію, въ чемъ ему усердно помогаетъ братъ его церковникъ. Этому священнику обязанъ своимъ существованіемъ и мѣстный хоръ пѣвчихъ партеснаго пѣнія, который будто-бы приглашаютъ и въ сосѣднія села на торжественныя службы. Отецъ М. К. обращаетъ также серьезное вниманіе на народное образованіе вообще, для чего не жалѣетъ и своихъ матеріальныхъ средствъ. Въ его приходѣ имѣются двѣ церковно-приходскія школы, изъ которыхъ одну содержитъ на свой счетъ: занимаетъ квартиру, учителей и проч., а другую содержитъ при помощи попечительства. Тотъ-же отецъ М. К. научилъ своихъ прихожанъ почитать св. иконы. Прежде, бывало, при посѣщеніи своихъ прихожанъ, онъ видѣлъ, какъ рядомъ со св. иконами висѣли картины лубочнаго содержанія, въ родѣ того, какъ „мыши kota хоронятъ“, а на самой божицѣ (мѣсто для иконъ) случалось видѣть то ножницы, то веретено, а то и бабки или лодыжки. Ницѣ этого обыкновенія нѣтъ. Прихожане научились отъ своего пастыря благоговѣть предъ „краснымъ угломъ“. Образа теперь—въ новыхъ кіотахъ, украшенныхъ полотнами, а предъ каждою иконою — свѣчи. Отецъ М. К. на свой

счетъ выписывалъ изображенія святыхъ, наклеивалъ изображенія на доски, освящалъ ихъ и благословлялъ ими своихъ прихожанъ. Въ видахъ-же распространенія христіанскаго чтенія между своими прихожанами, пастырь этотъ выписалъ, тоже на свой счетъ, сочиненія св. отцевъ Церкви и житія святыхъ, и сталъ раздавать ихъ сначала грамотнымъ прихожанамъ, а потомъ и неграмотнымъ, съ условіемъ научиться грамотѣ, каковое условіе большинство изъ послѣднихъ и выполнило. Неграмотные стали грамотными! Къ утѣшенію своему, отецъ М. К. можетъ видѣть теперь, какъ вмѣсто прежняго разгульнаго препровожденія времени въ праздничные дни, его прихожане читаютъ подаренныя имъ назидательныя книги, сопровождая чтеніе свое пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній“.

— Въ с. Ново-Краснянскомъ, какъ пишутъ въ „Южный Край“, 24 іюня, присоединенъ приходскимъ священникомъ, безусловно съ соблюденіемъ всѣхъ церковно-гражданскихъ формальностей, къ православной Церкви раскольникъ безпоповецъ, Краснянскій крестьянинъ Максимъ Василіевъ Пилюгинъ, 95 лѣтъ. Пилюгинъ всю жизнь почти провелъ въ родномъ селѣ, въ кругу многочисленныхъ раскольниковъ-фанатиковъ, упорно держась всѣхъ лжеумствованій сектантскихъ, порицая православную Церковь, ея св. таинства и іерархію и мужественно выдержавъ за свои религіозныя убѣжденія всѣ кары и ужасы военно-поселенскихъ законовъ. До послѣдняго времени не было замѣтно въ Пилюгинѣ перемѣны во взглядѣ на религіозно-нравственную жизнь и даже въ прошломъ году, предъ праздниками Р. Христова, Пилюгинъ твердилъ одно: „мнѣ уже не долго жить, умру въ старой вѣрѣ“. Послѣ этого, — рассказываетъ мѣстный священникъ, я считалъ его потеряннымъ навсегда для Церкви, какъ вдругъ онъ является ко мнѣ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и со слезами на глазахъ проситъ возобновить прежній разговоръ въ домѣ его, подробнѣе и обстоятельнѣе разъяснить нѣкоторыя его религіозныя заблужденія. Надобно замѣтить, что этотъ старецъ, буквально въ дугу согнувшійся, обладаетъ относительнымъ физическимъ здоровьемъ, память-же и разумъ его поражаютъ своею цѣлостью и твердостью: онъ живо и ясно припоминаетъ мельчайшія подробности толкованій раскольниковъ, мѣтко дѣлаетъ мнѣ возраженія по разнымъ вопросамъ и сознательно понимаетъ мои объясненія на нихъ. Упорный раскольникъ въ этотъ разъ во многомъ соглашается со мною, близко принимаетъ къ сердцу религіозно-нравственныя наставленія мои, видимо тяготится прежними заблужденіями, порицаетъ своихъ прежнихъ наставни-

ковъ, и, хотя робко, произноситъ въ первый разъ слова: „думаю быть вашимъ“—православнымъ, обѣщавъ еще разъ посѣтить меня для окончательнаго рѣшенія, какъ онъ говорилъ, „своей участи“. Но на этотъ разъ я предупредилъ его, ровно черезъ недѣлю посѣтивъ его въ домѣ, гдѣ засталъ добрый десятокъ раскольниковъ, какъ видно, пришедшихъ поколебать добрую рѣшимость старика и всѣми законными и незаконными мѣрами удержать его въ расколѣ. Признаюсь, время это для меня было самое трудное, такъ какъ Пилюгинъ, въ обществѣ съ другими раскольниками, былъ смѣлѣе, требовательнѣе и заручился новыми доводами въ защиту своихъ заблужденій, тѣмъ не менѣе день этотъ былъ днемъ полной побѣды моею надъ Пилюгинимъ; онъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ жаркихъ преній по различнымъ вопросамъ православно-христіанскаго вѣроученія и раскольничьихъ лжеумствованій, изъявилъ рѣшительное желаніе присоединиться къ Церкви, но предварительно просилъ позволенія присутствовать во время Богослуженія на паперти церковной, считая себя недостойнымъ входить внутрь храма. На мое дозволеніе Пилюгинъ отвѣчалъ аккуратнымъ посѣщеніемъ каждаго богослуженія, по окончаніи котораго онъ былъ приглашаемъ въ домъ для разъясненія нѣкоторыхъ недоумѣній по поводу видѣннаго и слышаннаго въ церкви. Въ такомъ положеніи дѣло это тянулось до 20-го іюля, когда Пилюгинъ, растроганный и взволнованный, явившись ко мнѣ рано утромъ, рѣшительно сказалъ: „я уже теперь вашъ (православный), желаю до смерти посѣщать матушку, Божию церковь и на ея кормилицы рукахъ найти вѣчный покой“. Одобривъ желаніе старика, я благословилъ его и нужно было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ нѣсколько разъ поцѣловалъ онъ благословляющую руку. Съ этихъ поръ не оставалось уже никакого сомнѣнія въ искренности его желанія и намѣренія соединиться съ православною Церковію, почему я прямо предложилъ ему теперь же исполнить православно-христіанскія обязанности—исповѣди и св. причастія. Пилюгинъ самъ пожелалъ „потрудиться“, т. е. говѣть въ теченіе нѣсколькихъ дней, дабы тѣмъ нагляднѣе засвидѣтельствовать предъ Церковію свою полную солидарность съ нею и выразить свою грѣховность предъ Богомъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней приготовленія къ полному вступленію въ лоно православно-христіанской Церкви, старецъ съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ и благоговѣніемъ исповѣдался во грѣхахъ своихъ, а 24-го числа приобщился св. Таинъ. Я никогда не забуду этого дугообразнаго и

снѣгообразнаго старика, когда онъ, опершись на палку, стоялъ предъ алтаремъ и постоянно отиралъ ручьемъ льющіяся слезы раскаянїя, ожидая выхода со св. чашей; незабвенна та минута, когда на обычное приглашеніе „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“, онъ въ глубочайшемъ благоговѣнїи преклонилъ старческую голову и колѣна; неизгладимъ тотъ моментъ, когда Пилюгинъ, стоя на колѣняхъ, громко и внятно, хотя и беззубыми устами, лепеталъ слова покаянной молитвы: „Вѣрую, Господи“... и когда при словахъ: „отъ нихъ первый есмь азъ... и Ся естъ самое Пречистое Тѣло Твое“, старикъ не выдержалъ и громко, громко зарыдалъ, заставивъ невольно и другихъ прослезиться. Послѣ обѣдни, на прїѣтствїе и поздравленіе мое по поводу этого незабвеннаго событїя, не офитъ далъ обѣщаніе неопустительно, до самой смерти, ходить на каждое богослуженіе, и дѣйствительно, не смотря на 2-хъ верстное разстояніе отъ дома до церкви и подагрой искалѣченныя ноги, почти, на колѣняхъ съ замѣчательною ревностію посѣщаетъ православный храмъ, равнодушно проходя мимо единовѣрческаго молитвеннаго дома“.

— Въ Теофаніевой пустыни, находящейся въ 12 верстахъ отъ Кіева, происходятъ въ настоящее время собесѣдованїя съ паломниками, которыя ведетъ извѣстный въ окрестности по своимъ проповѣдямъ іеромонахъ Леонидъ. Народъ во множествѣ собирается въ эту пустынь, главнымъ образомъ, съ цѣлью „принять наученіе“. Настоятель предлагаетъ паломникамъ даровую монастырскую трапезу, и затѣмъ, когда они отдохнутъ, является на галерею храма о. Леонидъ, около котораго усаживается народъ, и начинается бесѣда, которая длится часъ, а иногда и болѣе, а часто затягивается и до поздняго вечера. Предметомъ бесѣды избираются практическіе и религіозно-нравственные вопросы, преимущественно близко касающіеся народной жизни и быта. Излюбленными темами для собесѣдованій служатъ: пьянство, семейная жизнь крестьянъ, раздѣлы, обращеніе съ животными, постъ, поминовеніе усопшихъ и пр.

— Академикъ-архитекторъ г. Сычуговъ составилъ, какъ передаютъ кїевскія газеты, проектъ зданїя, которое имѣетъ быть воздвигнуто въ Кіевѣ, въ память Кирилла и Меѳодїя. Въ зданїи будетъ устроенъ большой залъ для народныхъ чтенїй, вмѣстимостію въ 1,200 человекъ, бібліотека и музей. Архитектура зданїя въ русско-византійскомъ стилѣ. Зданіе лицевой стороною будетъ выходить на Александровскую улицу и займетъ площадь болѣе чѣмъ въ 600 квадр. саж. На верху зданїя будетъ три купола: два по бокамъ и одинъ по срединѣ. Надъ среднимъ куполомъ, со стороны,

обращенной къ городскому саду, будетъ возвышаться стѣна, украшенная рѣзбой въ русскомъ стилѣ. На стѣнѣ у параднаго балкона, на первомъ планѣ, будетъ сдѣлано рельефное изображеніе свв. солунскихъ братьевъ Кирилла и Мсѳодія. Вдоль зданія, на лицевой сторонѣ, будутъ выставлены бюсты жертвователей-строителей зданія. Постройка зданія обойдется, приблизительно, въ 200 тыс. руб.

— Изъ села Илгани, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, въ „Сынъ Отечества“ пишутъ: „Святій пр. Давидъ говоритъ: „положихъ устомъ моимъ хранило, еже не согрѣшити ми языкомъ моимъ“. Этимъ храниломъ служатъ у насъ приговоры. Такъ, именно, въ восьми деревняхъ нашего прихода, состоящихъ изъ 200 домовъ, вѣстьяне, по милости Божіей, дали приговоры, чтобы ни одинъ изъ нихъ нигдѣ никогда не употреблялъ никакихъ гнилыхъ, скверныхъ, матерныхъ и всѣхъ непечатныхъ словъ. Произнесшій такое слово долженъ, въ присутствіи отца духовнаго, класть земные поклоны, за первый разъ 100, за второй 150, а за третій тоже 150, но только публично въ церкви, кромѣ того онъ за третій разъ долженъ заплатить штрафъ 50 коп. на приходскую бібліотеку (въ нашемъ благочиніи при всѣхъ церквяхъ основаны особыя приходскія бібліотеки, откуда получаютъ книги всѣ грамотные прихожане). За малолѣтнихъ ругателей до 12 лѣтъ должны отвѣчать и родители, а потому съ мальчикомъ долженъ класть поклоны его отецъ, съ дѣвочкой— ея мать. Вдвое строже должны отвѣчать всѣ тѣ, которые ругаютъ своихъ родителей, а также всѣ грамотные, которые обязаны отучать отъ худыхъ словъ еще другихъ— неграмотныхъ. А въ одной изъ тѣхъ деревень, состоящей изъ 50 домовъ, отцы положили еще, чтобы всѣ, занимающіеся денежною картежною игрою, клали въ церкви публично по 100 поклоновъ. Незвинительна никакая ругань и въ пьяномъ видѣ; всякій ругающійся въ пьяномъ видѣ долженъ прибавить за свою нетрезвую жизнь еще 50 земныхъ поклоновъ. Въ напоминаніе исполненіи своихъ обѣщаній были исправлены особыя водосвятные молебны среди деревни, а гдѣ есть родники, то при нихъ, чтобы освященная вода напоминала всѣмъ и каждому о чистотѣ языка. Всѣ приговоры за подписомъ всѣхъ грамотныхъ должны быть скрѣплены въ мѣстномъ волостномъ правленіи, а сами приговоры должны навсегда храниться въ церкви. Пора-бы общими силами вооружиться противъ сего тяжелаго закоренѣлаго порока“.

39-й тиражъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа, произведенный 2 сентября 1885 года.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе № №:

№ серіи.	№ билета.	Выигр. рашь.	№ серіи.	№ билета.	Выигр. рашь.	№ серіи.	№ билета.	Выигр. рашь.	№ серіи.	№ билета.	Выигр. рашь.
9574	27	200000	13318	38	8000	2908	5	1000	10947	40	1000
13294	34	75000	11415	8	8000	4987	2	1000	5380	33	1000
1300	19	40000	12049	35	5000	15322	43	1000	15522	16	1000
442	13	25000	17204	43	5000	5655	44	1000	2218	37	1000
70	6	10000	17474	44	5000	1150	21	1000	2917	43	1000
4932	9	10000	18619	24	5000	121	47	1000	5040	21	1000
7231	28	10000	11543	33	5000	3750	50	1000	4654	23	1000
18247	27	8000	6701	12	5000	1275	34	1000	15736	46	1000
11132	9	8000	3961	26	5000	7099	25	1000	12219	20	1000
9697	16	8000	1034	25	5000	11950	25	1000	3042	5	1000

Тиражъ выигрышей билетовъ 2-го займа 1866 года, произведенный 2-го сентября 1885 г. Выигрыши въ ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ пали на слѣдующіе билеты.

№№ серіи.	№№ билет.	№№ серіи.	№№ билет.	№№ серіи.	№№ билет.	№№ серіи.	№№ билет.	№№ серіи.	№№ билет.	№№ серіи.	№№ билет.	№№ серіи.	№№ билет.
7099	1	12238	8	13425	14	394	20	9805	26	14696	33	1706	40
7636	1	12274	8	13830	14	1299	20	19819	26	15456	33	4145	40
10876	1	12299	8	14163	14	1622	20	6045	27	16973	33	8045	40
12343	1	13895	8	15468	14	15654	20	10261	27	7744	34	8408	40
357	2	14868	8	18661	14	15851	20	11773	27	7890	34	10178	40
885	2	17012	8	1814	15	2882	21	11970	27	11228	34	13759	40
3744	2	524	9	3839	15	10100	21	17055	27	5114	35	13760	40
11782	2	4993	9	9353	15	10654	21	9354	28	7557	35	3716	41
14775	2	966	10	13756	15	13301	21	12864	28	7575	35	10650	41
3440	3	3452	10	15819	15	13368	21	14175	28	13214	35	12993	41
5431	3	6366	10	17887	15	16812	21	3075	29	17345	35	15013	41
12238	3	7597	10	1522	16	925	22	3986	29	958	36	18384	41
14032	3	10678	10	4900	16	4462	22	4957	29	1319	36	8454	42
19173	3	14974	10	10037	16	10246	22	5451	29	12324	36	8913	42
9720	4	17041	10	10249	16	11638	22	10065	29	13659	36	12855	42
16839	4	17164	10	16405	16	14724	22	11554	29	14530	36	15909	42
19839	4	18229	10	19844	16	15234	22	12464	29	6160	37	7227	43
4479	5	1262	11	4230	17	15351	22	18247	29	6190	37	11400	43
4312	5	2320	11	11197	17	15935	22	3508	30	9410	37	18918	43
4639	5	4379	11	17096	17	2536	23	2753	31	11311	37	2457	44
5867	5	6798	11	18816	17	3811	23	3252	31	851	38	2511	44
3321	5	9080	11	397	18	11567	23	9693	31	1312	38	5475	44
13121	5	12980	11	2487	18	18431	23	10432	31	1682	38	8083	44
17721	5	15003	11	6755	18	19313	23	15811	31	3926	38	2509	45
18203	5	18962	11	7538	18	3502	24	4036	32	9253	38	13676	45
18747	5	4550	13	9438	18	3649	24	11134	32	9549	38	15784	45
1732	6	8050	13	10974	18	4123	24	13358	32	14924	38	313	46
10978	6	8212	13	14666	18	14306	24	1153	33	19128	38	4692	46
11692	6	8239	13	6007	19	369	25	4671	33	19774	38	5003	46
16948	6	8506	13	7697	19	9141	25	5061	33	534	39	5223	46
10570	7	2875	14	9964	19	13751	25	5739	33	759	39	6050	46
4444	8	7674	14	15882	19	17876	25	7022	33	8692	39	7504	46
6745	8	11392	14	19566	19	4258	26	8112	33	10573	39	7914	46

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Государственномъ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1 декабря 1885 года.

Таблица серій билетовъ 2 внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государ. Банка, 2 сентября 1885 г.

171	1815	4257	7060	9127	11607	13507	14993	16485	18642
184	2043	4494	7712	10163	11640	13550	15789	16586	18723
459	2504	4683	7731	10232	12196	13750	15988	16706	19682
486	2726	5154	8005	10326	12287	13880	16215	17743	19734
583	3334	5310	8287	10671	12386	14270	16232	18006	
818	3750	6468	8453	11368	12870	14577	16289	18227	
907	3796	6547	8552	11436	13255	14712	16359	18566	
1814	3804	6625	8934	11581	13392	14894	16384	18582	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1 декабря 1885 г. въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

СУНОДАЛЬНЫЯ КНИГИ.

Въ синодальн. книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ

въ Москвѣ въ здаѣхъ синодальной типографіи, а въ С.-Петербургѣ въ здаѣхъ Св. Синода)

ИМЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Книги, служащія къ изученію и облеченію раскола: Бесѣды къ глаголемому старообрядцу. Москва, 1856 г., въ кожѣ 48 к., кореш. 38 к., бумаж. 28 к. Отдѣльныя статьи изъ сей книги, а именно: а) о поклоняемомъ имени Іисусъ, б) о Символѣ вѣры; в) о четвероконечномъ крестѣ; г) дополнительная бесѣда о имени „Іисусъ“; д) о Стоглавомъ соборѣ; е) о благодати архіерейства и священства; ж) о древнихъ рукописяхъ и о Сборникѣ Святославовомъ; з) о второмъ Сборникѣ Святославовомъ; и) о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія; і) о пятипросфоріи и седмипросфоріи, по 5 к. О сущности и значеніи раскола въ Россіи, Сиб., 1881 г. гр. печ. въ 12 д. л. 15 к. Наставленіе священнику въ отношеніи къ раскольникамъ. Вспомогательныя свѣдѣнія, гр. печ. Спб. 1884 г. въ 12 д. л. въ ленточкѣ 2 к. Наставленіе священнику относительно заблуждающихъ отъ истины вѣры, въ 16 д. гр. печ. изд. 1884 г. въ бум. 5 коп. Увѣтъ духовный, святѣйшаго Іоанна, патріарха Московскаго. Москва, 1882 г. ц. печ. въ 12 д. л. въ кожѣ 1 р. 20 к., кореш. 1 р. 10 к., бум. 1 р. Увѣщаніе во утверженіе истины, цер. печ. Москва, 1882 г., въ кожѣ 55 к., кореш. 45 коп., бум. 40 к. Истинно древняя и истинно православная Христова церковь. Григорія митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, цер. печ. въ 8 д. л. въ 2 част. въ бум. 1 р. Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ. Іеромонаха Фларета, ц. печ. въ бум. 15 к. Выписки изъ старописьменныхъ, старопечатныхъ и другихъ книгъ, Озерскаго, Москва, 1883 г. гр. цер. печ., въ 8 дол. л. въ бум. часть I 50 к., часть II 70 к. Собраніе сочиненій настоятеля Никольскаго единовѣрческаго монастыря, архимандрита Павла, въ 2 томахъ; цер. печ. въ 8 д. л. изд. 1883 г. въ бум. 1 р. 75 к. Русско-славянская подвижная азбука (четыре листа крупнаго шрифта) 17 к. Таблицы Молитвы Господней 3 к. Таблицы Краткихъ Молитвословій 3 к. Псалтирь (учебная) новое улучшенное изд. москов. сн. тип. 1885 г. въ кожѣ 55 к., въ кор. 45 к. въ бум. 30 к. Часословъ учебный, 2-е изд. моск. сн. тип. въ кор. 35 к., въ бум. 25 к. Псалтирь на рус. яз. въ 36 д. л. въ кол. пер. 35 к., въ шагрен. папкѣ 25 к., въ бум. пер. 15 к. Начатки христіанскаго ученія или краткая священная исторія и краткій катихизисъ цер. печ. въ 12 д. л. на сѣр. бум., въ бум. 12 к. Начальное ученіе (азбука) челоѣкомъ, хотящимъ учитьсѣ книгъ божественнаго писанія цер. п гр. печ. въ бум. 6 к. Букварь російскій для обученія юношества церковному и гражданскому чтенію пер. п гр. печ. въ 12 д. листа на бѣл. бум. въ пер. бумаж. 4 к. Молитвы и церковное чтеніе, направленное къ утверженію православія въ учащихся и христіанскому образованію ихъ ума и сердца цер. печ. въ 12 д. на сѣрой бум. въ цер. бум. 3 к. Молитвословъ для мірянъ, на слав. яз. ц. п. въ бум. 20 к. Историческія чтенія изъ книгъ ветхаго завѣта, на рус. яз. въ бум. 12 к. въ кореш. 22 к. Избранныя мѣста изъ евангелистовъ (духовно-правственное чтеніе для народа. Выпускъ I) въ 16 д. л. въ бум. 7 коп.

Съ разрѣшенія Св. Синода духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а равно благотворительнымъ обществамъ, выписывающимъ синодальныя изданія не для торгивыхъ цѣлей, а въ видахъ благотворительнаго снабженія таковыми изданіями народа по возможно дешевымъ цѣнамъ, дѣлается 10% уступка, съ даровою пересылкою книгъ, но съ тѣмъ, чтобы таковыя требованія дѣлаемы были за наличныя деньги и при томъ на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ; книгопродавцамъ-же, а равно и прочимъ мѣстамъ и лицамъ при покушкѣ синодальныхъ изданій за наличныя деньги и на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ, дѣлается 10% уступка, безъ даровой пересылки.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к.; за три раза 24 к.